

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 10 (76). № 1

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2024

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 2 от 15.03.2024 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика; с 19.12.2023 – по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 15.03.2024 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 15,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2024 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 2.821.131.1

ДАНТЕ, ПЕТРАРКА И ЛЕОПАРДИ: ТРАДИЦИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Балаева С. В., Норец М. В., Элькан О. Б.

*Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица;
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Санкт-Петербург, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: mnorets@yandex.ru; svetlana.balaeva@inbox.ru; olga.elkan@mail.ru*

В статье рассматриваются источники поэтики Джакомо Леопарди (1798–1837), внесшего важный вклад в конституирование итальянского литературного языка. Цель – проанализировать пути формирования итальянской поэтической традиции на примере лирики Леопарди. Среди привлекаемых источников: «Божественная комедия» и трактаты Данте, «Книга Песен» Петрарки, лирический сборник «Песни» Дж. Леопарди. Важное место занимает анализ женских образов, традиционных для итальянской лирики: Беатриче у Данте, Лаура у Петрарки. Прототипы женских образов у Леопарди многочисленны и не могут быть определены однозначно. Внимание уделено поэтическому языку, его эволюции в произведениях Леопарди, который усваивает античные и более ранние итальянские поэтические традиции, создавая в итоге самобытную в стилистическом плане поэзию. Результатом статьи становится вывод о том, что Леопарди вобрал в себя концептуальность Данте и усвоил богатство поэтических форм и языка Петрарки, что создает особое звучание произведений Леопарди.

Ключевые слова: Данте Алигьери, Франческо Петрарка, Джакомо Леопарди, поэзия, приемственность, традиция.

ВВЕДЕНИЕ

Художественная литература, и в большей степени поэзия, конституирует менталитет нации, закрепляет за лексическими единицами мыслеобразы, понятные большинству носителей языка. Процесс создания литературного языка в разных странах складывался по-разному. В Италии, где вплоть до XIX в. сохранялась политическая раздробленность, единственным объединяющим фактором стал именно язык. В основу современного итальянского языка лег флорентийский диалект, на котором писали Данте Алигьери (1265–1321) и Франческо Петрарка (1304–1374).

Цель статьи – проследить формирование поэтической традиции в итальянской лирике. На примере творчества Джакомо Леопарди (1798–1837) проанализированы основные поэтические мотивы, особенности стихосложения в диахроническом и синхроническом аспектах. Диахронический подход здесь имеет важное значение, поскольку позволяет проследить развитие категорий содержания, метра и мотива в итальянской лирической поэзии от Данте и Петрарки к Леопарди. Диахрония становится здесь инструментом, позволяющим понять эволюцию мотивов в творчестве Данте и Петрарки, а также выделить те основные мотивы и особенности стихосложения, которые окажут влияние на позднейших поэтов и сформируют национальный итальянский литературный язык. Творчество Леопарди также рассматривается с использованием диахронического подхода, что позволяет выделить свойственные именно итальянской лирике мотивы, сложившиеся под влиянием Данте и Петрарки и сохраняющие свою важность в лирике Леопарди.

Стихотворения Леопарди проанализированы и как синхроническая система, сложившаяся на раннем этапе творчества автора. При этом цикл «Аспазия» рассматривается вне этой системы, поскольку является поздним и несет на себе отпечаток радикальных изменений в мировоззрении Леопарди. В исследовании также применяется исторический метод, позволяющий выделить и описать особенности лирики Леопарди в сопоставлении со сложной системой внутренних исторических взаимосвязей, основы которой закладывают в своем творчестве Данте и Петрарка.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Начало теоретической разработке единого литературного языка положил Данте в трактатах «О народном красноречии» (1303–1305) и «Пир» (1300–е гг.), в которых делал обзор латыни и современных ему романских языков, а также анализировал поэзию, стремясь показать красоту народного языка. Данте внес значительный вклад в создание итальянского литературного языка. Так, при стиховедческом анализе было замечено, что метры и рифмы «Книги Песен» Петрарки, в сущности, дантовские [9, 10]. Поэзия Данте в большей степени философская, поэзия Петрарки в большей степени лирическая.

Франческо Петрарка, отец которого был изгнан из Флоренции вместе с Данте, написал знаменитую «Книгу песен» («Канцоньере», написана между 1336 и 1374 гг.) на флорентийском диалекте, создав тем самым традицию любовной лирики на народном языке. Интересно, что при жизни Петрарка прославился работами на латыни (поэма «Африка») и воспринимался в первую очередь как знаток античной поэзии и философ гуманистического плана. Даже Бокаччо, близкий друг поэта, редко упоминал о любовной лирике Петрарки на народном языке [19, p. 5].

Итальянского поэта Джакомо Леопарди (1798–1837) также считали долгое время лишь выдающимся филологом (лирический сборник «Песни» (*Canti*, 1835) – единственное прижизненное издание стихов поэта), так что понадобилось несколько десятилетий, пока историк итальянской литературы Франческо Де Санктис не переосмыслил гений Леопарди (*Studio su Giacomo Leopardi*, 1885). Сегодня лирика Леопарди – классика, часть обязательного школьного чтения. И любовь к поэту не меркнет, что подтверждают торжественные мероприятия, состоявшиеся в 2019 г. по случаю двухсотлетнего юбилея со дня создания идилии «Бесконечность». В родном городе Леопарди, в Реканати, в Риме, в Милане, во всей Италии собрались тысячи студентов и учеников школ и на площадях и улицах читали стихи великого поэта (*L'Infinito di Leopardi...*).

Леопарди, как и Данте, и Петрарка, стремился к созданию истинно итальянской, объединяющей людей, поэзии. Он был убежден, что поэзия должна сочетать глубину критического отношения к бытию и естественность языка. Эти две черты другой итальянский поэт Марио Луци (1914–2005) называет «двумя полюсами», исходя из которых Леопарди ведет диалог с историей человечества, культурой и природой [17, p. 109]. Они являют собой фундамент творчества Леопарди, на котором создается новый способ восприятия и отражения реальности, новый способ создания литературного текста [20, p. 63]. Показательно, что и в поэтическом наследии Дж. Леопарди мы находим явные «отголоски» творчества его великих

предшественников – Данте и Петрарки. «Его лексика разительно напоминает предшественников, очень далеких по времени. Язык Петрарки и даже Данте ему сродни» [7, с. 5], – писал Н. Томашевский.

Итальянцы привыкли воспринимать Данте и как великого поэта, и как крупного политического мыслителя. Размышления поэта о природе власти и государства нашли отражение не только во всем известных его собственно-политических произведениях – трактатах «Пир» и «Монархия», политических письмах и пр., – они достаточно явственно обозначены и в большинстве поэтических его творений, в том числе в самом знаменитом из них – в поэме «Божественная Комедия»; соответственно, они же продолжали и продолжают оказывать свое влияние в том числе и на политические воззрения потомков.

Безусловно, конкретные государственные реалии со времен Данте кардинально преобразились. Так, поэт ратовал за установление и укрепление монархии; в первой половине XIX в., во времена Леопарди, предмет этой дискуссии все еще оставался достаточно актуальным для Италии, но на первый план для соотечественников Леопарди вышла проблема независимости страны. Раздробленная Италия того времени находилась большей частью под властью Австрии, и главным устремлением итальянских патриотов стала мечта об объединении страны и обретении ею истинного суверенитета.

Сам Данте, как известно, был согласен смириться даже с иностранным вмешательством в итальянские дела – если оно окажется на пользу монархическим силам. Тем не менее, мечта Данте о «возрождении» на родной почве величия и славы Римской Империи продолжала находить эмоциональный отклик в итальянских сердцах и столетия спустя после смерти поэта. «Данте <...> был призван стать “Вергилием Флоренции”, ее поэтом, отстаивавшим превосходство Священной Римской Империи – как Вергилий делал это в отношении Римской [Империи]» [15, с. XI]. Следующие поколения признавали за Данте роль такого же «вожатого», каким для Данте в его «Аду» и «Чистилище» выступал Вергилий; ведь, по общепризнанному на сегодня мнению, именно «с этой величественной утопии (с мечты Данте о новом возрождении Римской Империи на итальянской земле. – *Авт.*) начинается пробуждение национального самосознания в итальянцах» [6, с. 31].

Леопарди, в свою очередь, таким «вожатым» признает и поэта Данте. Обращение к грандиозному прошлому Италии, к образу Древнего Рима, его величию и не преходящей в веках славе выполняет в его поэзии, как и в поэзии Данте, очень важную функцию – эмоционально «встряхнуть» нацию, вернуть ей чувство национальной идентичности и национальной гордости. Только на этой основе, как считали и Данте, и Леопарди, возможно построение достойного будущего для их многострадальной страны.

Мотив этот очень явственно прослеживается, например, в одном из самых известных стихотворений Леопарди – «К Италии» («All'Italia», 1818). Поэт горько сетует, обращаясь к родине; там и тут видит он приметы былого могущества страны, ее истории и культуры: «колоннады, // Ворота, гермы, статуи, ограды // И башни...»; но всё это уже превратилось в не имеющие живой силы и содержания музейные экспонаты. Римские «слава, лавры, сталь» в современной поэту Италии,

подчинившейся чужеземной власти, увы, отсутствуют. Поэт отождествляет любимую страну с женщиной – все еще прекрасной, но простоволосой, униженной, закованной в цепи и утонувшей в скорби и слезах.

«О, если б сделать так судьба могла, // Чтоб кровь моя грудь итальянцев жгла!» – восклицает Леопарди, выражая сокровенное желание – его собственные страдания должны стать очистительной жертвой, принесенной на алтарь возрождения отчизны. Точно так же верил и Данте, что мучения изгнания обернутся когда-то искуплением и его голосу внемлет наконец вся Италия.

Теми же настроениями насыщено и стихотворение Леопарди, посвященное памяти великого предшественника. Написанное осенью 1818 г., оно озаглавлено «К памятнику Данте, который сооружается во Флоренции» (*Sopra il monumento di Dante che si prepara in Firenze*). В стихотворении «Италия родная», чьи «деянья в прошлом величавы», характеризуется не иначе как «униженная», «скорбная», «несчастливая» «наложница в руках врагов», пребывающая нынче «в жалком виде», и в селеньях ее уже «некого <...> больше воспевать».

И средство возрождения национального духа поэт снова видит в обращении к памяти и славе предков, в числе которых – не только легендарные основатели Рима (Эней и его потомство), не только воспевший Энея и его потомство Вергилий, но и другой «божественный певец» – Данте Алигьери. Не только итальянские солдаты, даже сражаясь под чужими знаменами, предсмертным лозунгом выбирают: «Не забудем, // Что итальянцы мы – потомки Данте». Весь мир, говорит Леопарди, почитает «тосканца»; почему же Италия до сих пор мирится с тем, что прах одного из величайших ее сынов до сих пор не возвращен на родину? Пока благоговение перед великим поэтом и другими славными сынами Италии не станет камертоном итальянской политики, возрождение Италии остается недостижимой мечтой:

*Но если Данте суждено забвенью,
Нам всем страдать по праву
И никогда не знать освобожденья... [2, с. 39]*

Отдельные дантовские аллюзии в стихотворении способен разглядеть лишь человек, достаточно хорошо знакомый с тематикой и мотивикой как «Божественной Комедии» Данте, так и «Энеиды» Вергилия. Обращение автора к Данте («Скажи, певца божественного тень...») – явная и почти демонстративная отсылка к обращению самого Данте к Вергилию в первой песни «Ада»:

*Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? –
Ответил я, склоняя лик смущенный... [2, с. 39]*

И в «продолжении» цитируемого обращения присутствует вергилианский намек, пусть не так легко прочитываемый. «Скажи, настанет ли желанный день, – вопрошает Леопарди, – Когда зазеленеет мирт листвою, // Чтоб всем нам к новой жизни возродиться?..» На самом очевидном уровне метафора отождествляет грядущее возрождение Италии с долгожданной весной. Не будем, однако, забывать, что мирт признавался священным растением Венеры. Согласно мифологической традиции, воспетый Вергилием «праотец» римлян Эней был сыном Венеры,

следовательно, весь римский народ признавался ее потомками. В том же смысле и Вергилий неоднократно упоминает мирт – например, еще в «Георгиках», обращаясь к Императору Августу (Вергилий был среди основателей традиции «обожествления» Августа, которого официальная римская идеология признавала потомком Ромула и Рема, ведущих свою родословную от Венеры и Энея): «Будешь смертными чтим, материнским увенчанный миртом...» [1, с. 74]. Подобные упоминания можно найти, конечно, и в «Энеиде».

Как и Данте, Леопарди тяжело переживает современное ему состояние родной страны, ее раздробленность и слабость. К патриотической теме Леопарди обращается в 1821 г. в канцоне «На замужество сестры моей Паолины» (*Nelle nozze della sorella Paolina*). Образ сестры здесь собирательный: он – воплощение всех молодых женщин Италии, которым суждено стать матерями и воспитать в своих детях любовь к родине, достоинство, честь, патриотизм. Канцона построена на парадоксе: с одной стороны, поэт утверждает, что итальянские женщины могут быть примером добродетели, которая была присуща римлянкам в древности. С другой стороны, поэт понимает, что современность не годится для воспитания героических мужчин и что если бы и родилась великая душа, то она была бы уготована к несчастью.

*И если дашь сынов отчизне новых,
Страдальцев лишь толпу умножишь ты...
Но все же ты должна их дух питать
Рассказами о подвигах героев.
В печальные живешь ты времена,
И добродетель ждут судьбы гоненья;
Лишь мужеству победа суждена,
А слабых душ – один удел: паденье!* [3, с. 572]

Поэт предупреждает сестру: если у нее будут добродетельные дети, жизнь их будет несчастливой, поскольку добродетель не ценится или ценится лишь посмертно. Три центральные строфы обращены к женщинам вообще: они должны воспитать в своих детях мужество, следуя примеру женщин Спарты. Две заключительные строфы посвящены трагической истории римлянки Виргинии, которая предпочла быть убитой своим отцом, чем уступить похоти деспота Аппия Клавдия.

*О, героиня! в дни твои ясней
Сияло солнце, чем сияет ныне;
Но все ж твой прах несчастную отчизну
Со скорбью и слезами примиряет.
Крик мести над гробницею твоей
Звучал из уст сынов восставших Рима,
И деспот пал под мечами их.
Сердца зажгла отвагою свобода,
И римлян Марс к победам вновь повел,
И за страной страна им покорялась
От юга до полярных, вечных льдов.
О, если б женщин мужество опять
Могло твой дух – Италия – поднять!* [3, с. 575]

Жертва, принесенная Виргинией, дала римлянам мужество восстать против тирана. Канцона, по мнению критиков, принимает выразительную форму, характерную для поэтических произведений Вергилия и Горация [18, с. 228].

В целом, влияние Данте на поэзию Леопарди представляется скорее содержательным, чем формально-поэтическим – хотя у последнего встречаются и стихи, написанные терцинами, например, «Первая любовь» (Il primo amore, 1817). Терцинами написана «Божественная Комедия», и этот размер уже традиционно воспринимается как «дантова строка». «Первая любовь» Леопарди – отражение первого сильного любовного переживания. Лирический герой здесь показан в смятении. Как Данте не смеет заговорить с Беатриче, так и Леопарди отказывает себе в возможности обратиться к возлюбленной, даже смотреть на нее:

*И, от земли не отрывая глаз,
Ту видел лишь, что первая, невольно,
Нашла в мое ведущий сердце лаз [5].*

Вся элегия сосредоточена на интроспекции героя, изучающего собственные ощущения. Элегия написана под влиянием встречи с двадцатилетней Гертрудой, кузиной его отца Мональдо, которая проводит четыре дня в родном доме поэта в Реканати и в которую влюбляется юный Джакомо, что заставляет его впервые испытать страсть, которую раньше можно было встретить лишь в книгах. Этот поэтический опыт – первый и, вероятно, самый важный, поскольку Леопарди разрабатывает для себя «поэтический язык, пригодный для представления механизма чувств» [11, р. 13]. Отношения с объектом любви происходят на двух различных уровнях: Джакомо видит женщину, он очарован ею, затем она ему снится, он воображает ее и чувствует, что воображение иногда еще более интенсивно, чем непосредственные эффекты чувственного восприятия. Таким образом, постепенно выявляется одно из ядер всей системы мышления Леопарди – представление о бесконечности, об отсутствии, сопровождающее чувственное отношение к вещам.

*В себя и в пол я упирался взором,
Чтоб к девам – будь красива, будь дурна
Лицом – не обращаться ни к которым... [5].*

Так, стихотворение «Первая любовь» представляет собой опыт изучения поэзии, произведение написано языком очень близким к поэтическому языку Данте. Желание сохранить образ и память о женщине настолько сильно, что поэт не хочет смотреть ни на какое другое лицо.

Уже упоминавшийся сборник Леопарди «Песни» являет собой лирический эксперимент: первая часть составлена из канцон, вторая – из идиллий. С метрической и стилистической точек зрения, канцоны следуют классическим образцам итальянской поэзии, в них сохраняется высокий стиль речи и есть место архаическим элементам в языке. Канцона со времен Данте и Петрарки считалась формой возвышенной поэзии. В сфере метрики, по мнению Данте, может пользоваться большой свободой, руководствуясь только требованиями гармонии [13].

Выбирая форму канцоны, Леопарди, по существу, возвращается к поэтическим истокам. Идиллии, вторая часть сборника, также отсылают читателя к древним

традициям поэзии, но уже не итальянской, а античной. Идиллиями прославились древнегреческие поэты Феокрит и Мосх, произведения которых Леопарди переведил. И канцоны, и идиллии Леопарди наполняет новым содержанием. Канцоны сохраняют традиционную сложность синтаксиса и лексики, но больше не являются любовными, ни в традиции Петрарки, ни в какой-либо иной поэтической традиции. А его идиллии описывают историю души поэта, его переживания, в них преобладает субъективный и внутренний аспект. В идиллиях Леопарди ведет диалог с самим собой («Бесконечность»), либо с отсутствующими персонами (возлюбленная в «Вечере праздничного дня»), либо с явлениями природы (Луна в идиллии «К Луне»).

Таким образом, становится очевидной разница между двумя частями сборника: в канцонах поэт размышляет об истории, о человечестве и об Италии, а в идиллиях ведет диалог с самим собой, он оторван от человечества и его проблем.

Если же мы вновь вернемся в содержательную область – и даже конкретнее, в область сюжетопостроения, – именно здесь обнаружим одну из наиболее ярких параллелей, связывающих творчество Джакомо Леопарди с наследием Данте и Петрарки, с *linea magna* их собственного поэтического нарратива.

Давно замечено, как почти «мистически» совпадают истории любви Данте и Петрарки. Оставляем за скобками вероятность сознательного стремления последнего «уподобить» поведенную им историю истории своего предшественника. Данте встретил Биче (Беатриче Портинари) в 9-летнем возрасте – и эта встреча, как он признавался позднее, «перевернула» его душу. Вторично он встретил Беатриче снова через 9 лет, уже 18-летним, и с этого дня поэт отсчитывал время своей глубокой любви к ней – любви, которую он пронес сквозь всю свою жизнь. Любви не просто «платонической»: Данте никогда не ставил целью не только физическое обладание возлюбленной, но даже близкое знакомство с ней. Беатриче, предположительно, стала женой банкира Симоне деи Барди и в 1290 г., в возрасте 24 лет, умерла. После ее смерти сам Данте женился на Джемме Донати, имел от нее детей, но неугасающие чувства к рано умершей возлюбленной остались главной темой всех его произведений.

Данте посвятил Беатриче сборник «Новая жизнь» («Vita Nuova», 1293); стихи (сонеты и канцоны) перемежались в нем пространными прозаическими комментариями, повествующими историю трагической любви поэта – его преклонение перед благородством и благочестием любимой «донны» (госпожи), драматические переживания ее недоступности и, наконец, скорбь по погибшей. Сборник, принесший Данте литературную славу, стал первым шагом поэта на пути трансцендирования собственной любви и сакрализации образа возлюбленной. Уже в «Новой жизни» Беатриче предстает не столько как женщина из плоти и крови, сколько как идеализированный и недостижимый образ.

Следующий шаг на этом пути – конечно, «Божественная Комедия» (1321), в которой идеальный образ Беатриче кристаллизуется в своей окончательной форме. Первоначально она появляется в поэме как одна из знаменитых «трех женщин» «Комедии», наряду со святой Марией и святой Лючией, – сама обретая характеристики святости, надмирности, трансцендентности. Позднее к ней переходит главная роль: завершив путешествие по Аду и Чистилищу, Вергилий (которого, как

мы узнали ранее, послала к Данте именно Беатриче) передает ей свою функцию провожатого Данте в райских обителях; ведь ему как язычнику путь в Рай закрыт...

О возлюбленной Петрарки нам известно еще меньше, чем о Беатриче. Даже ее имя остается под сомнением. В стихах Петрарка называет женщину Лаурой, но неоднократно высказывались мнения, что это имя было специально выбрано им как предоставляющее многочисленные возможности для изысканной игры слов: *lauro* – «лавр», *l'augeo* – «золотое», *l'aiga* – «ветерок», *l'oga* – «время» (дифтонг «au» в романских языках может читаться как «о»). Впрочем, определенные свидетельства позволяют идентифицировать объект страсти Петрарки как Лауру де Нов, супругу графа де Сада, в браке с которым она родила 11 детей. Как и Данте, Петрарка встретил свою любовь в юности, в церкви; как Данте, довольствовался обожанием «со стороны», не претендуя даже на близкое знакомство; и, как любимая Данте, любимая Петрарки умерла во цвете лет, погрузив поэта в глубокую скорбь до конца его жизни.

Подобно Данте, Петрарка стал певцом своей любви. Лауре посвящен главный его поэтический труд – «Книга песен» («*Il Canzoniere*», после 1348), разделенная при издании на две части: «На жизнь Мадонны Лауры» и «На смерть Мадонны Лауры».

Традиционно главное отличие любовных посвящений Данте и Петрарки принято видеть в степени «обожествления» объекта любви: Беатриче, «небесная дева», vs вполне «земная» Лаура, воспевая которую, Петрарка не скрывал ни своего восхищения ее физической красотой, ни тех страстных порывов, которые будила в его душе эта красота. Поэт переживает мучительное внутренне противоречие – между платоническими идеалами «в духе Данте» и собственными бурными страстями, которые сам признает греховными. Однако именно вторая часть «*Il Canzoniere*», «На смерть Мадонны Лауры», со всей очевидностью демонстрирует кардинальную трансформацию любовной лирики Петрарки в том же направлении, в каком развивалась лирика Данте: мучившее поэта противоречие наконец пришло к своему разрешению, и посмертный образ Лауры словно бы обретает ту же святость и надмирность, которые были так характерны для образа Беатриче.

Особое «возвышенное» отношение к женщине свойственно и поэзии Джакомо Леопарди [18, p. 225–233]. Самыми теплыми были отношения с сестрой Паолиной (Paolina Leopardi); отношения с матерью Аделаидой Леопарди (Adelaide Antici Leopardi), ревностной католичкой, были довольно сложными, отчасти по причине того, что с годами Джакомо Леопарди разочаровался в христианской вере. Эпистолярное наследие Леопарди свидетельствует о близких дружеских отношениях с женщинами из интеллектуальной элиты Италии и Европы. Среди них – принцесса Шарлотта Бонапарт, Карлотта Медичи Ленцони (Carlotta Medici Lenzoni) из рода Медичи; поэтесса Энрика Диониджи Орфеи (Enrica Dionigi Orfei), переводившая «Потерянный рай» Дж. Мильтона, и писательница Корнелия Росси Мартинетти [18, p. 225–226].

Особый интерес при анализе женских образов в лирике Леопарди [8, с. 42] вызывают такие стихотворения, как «Сон» («*Il sogno*», 1820–1821), «К моей донне» («*Alla sua donna*», 1823) и «К Сильвии» («*A Silvia*», 1828). С юных лет страдавший от тяжелых заболеваний, Леопарди не испытал в своей жизни ни радостей, ни тревог взаимной любви. Тем не менее, женщины и их образы играли очень большую роль и

в его жизни, и в творчестве [21, р. 1009]. Среди имен этих женщин исследователи называют имя Терезы Фатторини, дочери конюха семьи Леопарди, ранняя смерть которой, судя по всему, глубоко потрясла поэта. Именно Терезе, как считается, посвящены стихи «Сон» и «К Сильвии». В первом из них автор признается, что видел во сне «Тень той, которая любовь впервые // Внушила мне...» Во «Сне» образ хотя и погибшей, но вполне реальной и близко знакомой автору девушки расплывается и становится абстрактным, обобщенным и уже в этом качестве – метафоричным, даже символичным. Именно во «Сне» автор почти в открытую отсылает читателя к «Триумфам» Петрарки – конкретно к «триумфу» Смерти.

Более позднее стихотворение «К Сильвии», посвященное, вероятнее всего, той же Терезе Фатторини, «оплакивает утраченную молодость, мечты и надежды поэта, символом которых становится образ Сильвии – юной девушки, рано умершей от болезни» [8, с. 44]. Непосредственно о любви автора к героине стиха не говорится, скорее – о возможности такой любви, увы, утраченной. Любопытно, что в этом произведении образ девушки кажется гораздо более конкретным, «оформленным», индивидуальным и реальным; в этом смысле можно говорить о трансформации, обратной по направлению трансформации восприятия Петраркой образа Лауры. Однако между «Сном» и «К Сильвии» было написано очень знаковое стихотворение «К моей донне», в котором трансценденция, «онтологизация» романтического чувства и его объекта достигает той же максимальной степени, как у Данте и (в части «На смерть Мадонны Лауры») у Петрарки.

Поэт даже специально предупредил издателей о бессмысленности попыток обнаружить реального адресата этого стихотворения. Возможно, таким адресатом опять же была Тереза; как бы то ни было, «донна» этого стихотворения – один из наиболее абстрактных, обобщенных образов в любовной лирике Леопарди. Уместно было бы даже сказать, «один из наиболее *платонических*» – в том изначальном смысле, который Платон вкладывал в свое понимание «идеи». Кстати говоря, именно в этом произведении Леопарди прямо ссылается на знаменитую платоновскую «теорию идей»:

*Бессмертная идея,
Коль чувственной формой
Пренебрегаешь, не желая пасть
На Землю из обители нетленной...*

Тема любви и смерти, красной нитью проходящая через все творения Данте и Петрарки, явственно заявляет о себе и в творчестве Леопарди. Одно из стихотворений из цикла «Аспазия», посвященного его возлюбленной, флорентийке Фанни Тарджони-Тоцетти (любовь к которой не была взаимной), так и называется – «Любовь и смерть» («Amore e morte», между 1832 и 1833). В «Консальво» («Consalvo», 1831–1833) из того же цикла читаем: «На свете есть // Две вещи высшие: любовь и смерть». И сам поэт в одном из своих писем к Фанни 1833 г. заявлял: «любовь и смерть – это единственные прекрасные вещи, которые есть в мире, и единственные, достойные желаний» [12, р. 72].

Цикл «Аспазия» (вероятно, написан в Неаполе между 1833 и 1835 гг.) включает пять произведений: «Консальво» (Consalvo), «Неотвязная мысль» (Il pensiero dominante), «Любовь и смерть» (Amore e morte), «К себе самому» (A se stesso) и собственно стихотворение «Аспазия» (Aspasia). В этом цикле, вероятно, в единственном в лирике Леопарди, есть автобиографические черты. Поэт пишет о своих страстных чувствах к уже упомянутой Фанни Тарджони Тоццетти, которые поглощали поэта в 1830–1832 гг. Стихотворения цикла представляют собой размышления о природе любви как главной иллюзии в жизни человека. Название цикла отсылает к греческому имени: Аспазия была куртизанкой, возлюбленной Перикла, правителя Афин V в. до н. э., спутницей величайшего политика того времени. Фанни, молодая жена прославленного доктора-натуралиста Антонио Тарджони Тоццетти, также была в центре внимания интеллектуальной элиты, она держала во Флоренции литературный салон, двери которого были открыты для всех литераторов [14, р. 17].

За исключением «Консальво», своего рода сентиментального романа в стихах, поэзия цикла отличается от того, что Леопарди писал прежде. Она уже не строится на смутных и неопределенных образах, нет ясности и музыкальности языка. Перед читателем поэзия, почти лишенная чувственных образов, сделанная из чистой мысли.

Напряженность раздумий в стихотворном цикле приводит к стилистическому напряжению. Бросается в глаза ломаный ход поэтического дискурса – очень короткие предложения. Стихи прерываются постоянными паузами. Разделение речи также задается многочисленными переносами (enjambements). Прилагательные встречаются редко, дискурс состоит в основном из глаголов и существительных, богатых выразительностью: «мир» (mondo), «природа» (natura), «земля» (terra), «скука» (noia). Каждое из них концентрирует мысль на себе. Основное отличие языка цикла от языка более ранних идиллий – в отсутствии повторений смутных и неопределенных образов и слов.

Цикл «Аспазия» знаменует собой окончательный отрыв от юношеской фазы творчества: если в идиллиях 1830 г. поэт не отказывался от иллюзий через память, то теперь угасает даже стремление к «милым обманам».

*<...>Хоть и полон
Досады я, но после рабства, после
Всех заблуждений я, спокойный, стал
На сторону рассудка и свободы.
Ведь если жизнь без чувств и заблуждений
Ночь средь зимы беззвездная, то мне
За жребий человеческий довольно
Той мести, утешения того,
Что на траве лежу я, улыбаясь,
В недвижности и праздности и глядя
На землю, и на море, и на небо [4].*

В стихотворении «Аспазия» лирический герой подавлен неудачей в любви, но он старается сохранить отстраненную, даже надменную позицию. Но общего настроения интенция лирического героя изменить не может: читатель оказывается в царстве космического пессимизма. Он проявляется в резкости стихотворений, их немusicalности, в сложном, ломаном синтаксисе, резких шипящих звуках. Композиция цикла «Аспазии» показывает смертельность момента, когда в самый кульминационный миг исчезает любовь.

ВЫВОДЫ

В результате сопоставления «Божественной комедии» и трактатов Данте, «Книги Песен» Петрарки и лирического сборника «Песни» Дж. Леопарди можно сделать вывод о стилистической самобытности, а также субъективности поэзии Леопарди: в его образах достаточно силы, чтобы выразить философские идеи автора, но они весьма умозрительны. В этом Леопарди, несомненно, наследник Данте. Что касается поэтических форм и тем, можно смело назвать Леопарди представителем итальянского петраркизма. Леопарди наследует лучшие традиции поэтов античности в области поэтического языка, максимально приближенного к естественному языку чувств и ощущений, идеального, но уже утраченного, по мнению итальянского поэта. Широкая образная палитра обусловлена традициями итальянской поэзии и простирается от трагического образа возлюбленной поэта, образа сестры, до образа равнодушной природы и женского образа, олицетворяющего родину поэта. Творческий метод Дж. Леопарди характеризуется концептуальностью, глубиной критического отношения к бытию, богатством поэтических форм и художественной речи, стремлением к естественности поэтического языка.

Список литературы

1. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. Пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошерова. – М.: Эксмо, 2007. – 542 с.
2. *Данте Алигьери*. Божественная Комедия. Пер. с итал. М. Лозинского. – М.: Правда, 1982. – 887 с.
3. *Леопарди Дж.* Стихотворения // Вестник Европы. – 1871. – № 10. – С. 572–575.
4. *Леопарди Дж.* Аспазия. Пер. А. А. Ахматовой. – Режим доступа: <https://wikilivres.ru>, – (Дата обращения: 25.01.2024).
5. *Леопарди Дж.* Первая любовь. Пер. А. Г. Наймана. – Режим доступа: <https://wikilivres.ru>. – (Дата обращения: 25.01.2024).
6. *Татаринов В.* Грозный вулкан вдохновения: Предисловие. Данте Алигьери. Божественная Комедия. – М.: Эксмо, 2008. – С. 7–37.
7. *Томашевский Н.* Предисловие. Леопарди Дж. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1989. – 236 с.
8. *Устиновская А. А., Павлова Т. Л.* Семантические антиномии художественного перевода и оригинала: Н. Гумилев «К Сильвии и Дж. Леопарди «A Silvia» // Казанская наука. – 2019. – № 12. – С. 42–44.
9. *Barber J. A.* Rhyme Scheme Patterns in Petrarch's Canzoniere // MLN. – 1977. – Vol. 92. – № 1. – P. 139–146.
10. *Barber J. A.* Petrarch's Use of the Metric Figures in the Canzoniere // MLN. – 1980. – Vol. 95. – № 1. – P. 1–38.
11. *Bazzocchi M. A.* Leopardi. – Bologna: il Mulino, 2008. – 220 p.
12. *Benucci E.* et al. Aspasia siete voi...: lettere di Fanny Targioni Tozzetti e Antonio Ranieri. – Italia: Osanna Venosa, 2015. – 240 p.
13. *Dante De vulgari eloquentia* (II, xiii, 3). – Режим доступа: <https://dante.princeton.edu/cgi-bin/dante/DispMinorWork.pl?TITLE=V.E.&REF=II.xiii.2-4>, – (Дата обращения: 25.01.2024).
14. *Dell'Aquila M.* I ritorni di Aspasia // Italianistica: Rivista Di Letteratura Italiana. – 1991. – Vol. 20. – № 1. – P. 15–29.
15. *Latini B.* Il Tesoretto (The Little Treasure) // Garland Library of medieval literature. – NY & L.: Garland Publishing, 1981. – Vol. II, Ser. A. – P. 165.

16. L'Infinito di Leopardi compie 200 anni e gli studenti lo recitano in piazza #200infinito – Режим доступа: <https://www.rainews.it/archivio-rainews/media/omaggio-a-infinito-di-leopardi-flash-mob-degli-studenti-nelle-piazze-d-italia-2e268b1d-8f01-4d08-aeff-dcaae493620c.html#foto-1>, – (Дата обращения: 25.01.2024).
17. *Luzi M.* Dante e Leopardi o della modernità. – Roma: Editori Riuniti, 1992. – 150 p.
18. *Rosengarten F.* Giacomo Leopardi's search for a common life through poetry: a different nobility, a different love. – Madison, Teaneck: The Fairleigh Dickinson University Press, 2012. – P. 225–233.
19. *Russo L.* Il Petrarca e il petrarchismo // *Belfagor*. – 1954. – Vol. 9. – № 5. – P. 5–16.
20. *Tortora M.* La narrativa modernista italiana // *Allegoria*. – 2011. – № 63. – P. 56–69.
21. Women and feminine images in Giacomo Leopardi, 1797-1837: Bicentenary essays // *Modern Language Review*, 2003. – Vol. 98. – P. 1230–1290.

References

1. Vergilii. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Bucolics. Georgics. Aeneid]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 542 p.
2. Dante Aligeri. *Bozhestvennaya Komediya*. [The Divine Comedy]. Moscow, Pravda Publ., 1982. 887 p.
3. Leopardi Dzh. *Stihotvoreniya* [Poems]. *Vestnik Evropy*, 1871, no. 10, pp. 572–575.
4. Leopard Dzh. *Aspaziya* [Aspaziia] Available from: <https://wikilivres.ru> (accessed 25 January 2024).
5. Leopardi Dzh. *Pervaya lyubov'* [First love.] Available from: <https://wikilivres.ru> (accessed 25 January 2024).
6. Tatarinov V. *Groznyj vulkan vdohnoveniya: Predislovie. Dante Alig'eri. Bozhestvennaya Komediya*. [The formidable volcano of inspiration: Preface. Dante Alighieri. The Divine Comedy.]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp.7–37.
7. Tomashevskii N. *Predislovie. Leopardi Dzh. Izbrannye proizvedeniya* [Preface. Leopardi G. Selected works]. Moscow, Fiction Publ., 1989. 236 p.
8. Ustinovskaia A. A., Pavlova T. L. *Semanticheskie antinomii hudozhestvennogo perevoda i originala: N. Gumilev «K Sil'vii i Dzh. Leopardi «A Silvia»* [Semantic antinomies of literary translation and original: N. Gumilyov “To Silvia” and G. Leopardi “A Silvia”]. *Kazanskaya nauka*, 2019, no.12, pp. 42–44.
9. Barber J. A. *Rhyme Scheme Patterns in Petrarch's Canzoniere*. *MLN*, 1977, Vol. 92, no. 1, pp. 139–146.
10. Barber J. A. *Petrarch's Use of the Metric Figures in the Canzoniere*. *MLN*, 1980, Vol. 95, no. 1, pp. 1–38.
11. Bazzocchi M. A. *Leopardi*. Bologna: il Mulino, 2008. 220 p.
12. Benucci E. et al. *Aspasia siete voi...: lettere di Fanny Targioni Tozzetti e Antonio Ranieri*. Italia: Osanna Venosa, 2015. 240 p.
13. Dante *De vulgari eloquentia* (II, xiii, 3). Available from: <https://dante.princeton.edu/cgi-bin/dante/DispMinorWork.pl?TITLE=V.E.&REF=II.xiii.2-4> (accessed 25 January 2024).
14. Dell'Aquila M. *I ritorni di Aspasia // Italianistica: Rivista Di Letteratura Italiana*. 1991, Vol. 20, no. 1, pp. 15–29.
15. Latini B. *Il Tesoretto (The Little Treasure)* ed. and transl. J. B. Holloway. Garland Library of medieval literature, NY & L.: Garland Publishing, 1981, Vol. II, Ser. A. 165 p.
16. *L'Infinito di Leopardi compie 200 anni e gli studenti lo recitano in piazza #200infinito*. Available from: <https://www.rainews.it/archivio-rainews/media/omaggio-a-infinito-di-leopardi-flash-mob-degli-studenti-nelle-piazze-d-italia-2e268b1d-8f01-4d08-aeff-dcaae493620c.html#foto-1> (accessed 25 January 2024).

17. Luzi M. *Dante e Leopardi o della modernità*. Roma: Editori Riuniti, 1992. 150 p.
18. Rosengarten F. *Giacomo Leopardi's search for a common life through poetry: a different nobility, a different love*. Madison, Teaneck: The Fairleigh Dickinson University Press, 2012, pp. 225–233.
19. Russo L. *Il Petrarca e il petrarchismo*. Belfagor, 954, Vol. 9, no. 5, pp. 5–16.
20. Tortora M. *La narrativa modernista italiana*. Allegoria. 2011, no. 63, pp. 56–69.
21. *Women and feminine images in Giacomo Leopardi, 1797–1837: Bicentenary essays*. *Modern Language Review*, 2003, vol. 98, pp. 123–129.

DANTE, PETRARCH AND LEOPARDI: TRADITION AND CONTINUITY

Balaeva S.V., Norets M. V., Elkan O. B.

The article examines the poetics sources of Giacomo Leopardi (1798–1837), one of the most significant Italian poets of the 19th century, who made an invaluable contribution to the constitution of the national literary language. The purpose of the study is to analyze the ways of formation of the Italian poetic tradition using the example of Leopardi's lyrics. Among the sources used: "The Divine Comedy" and treatises by Dante, "Il Canzoniere" by Petrarch, the lyrical collection "Canti" by G. Leopardi. The research methodology includes a diachronic and synchronic approach (considering the work of the Italian poet in the context of the development of Italian poetry and as an established authorial system), as well as elements of the historical method, which allows us to consider the works of Leopardi in comparison with a complex system of external influences (political and historical), which also is important in understanding the motives and images of the poetry of Giacomo Leopardi. An important place in the work is given to female images that have a strong tradition in Italian lyric poetry: Dante's Beatrice and Petrarch's Laura. The prototypes of female images in Leopardi are numerous and cannot be defined unambiguously: the female image of Italy, the poet's homeland, the image of a sister, the image of an indifferent nature, cruel or abandoned the poet, or deceased, lover. Special attention is paid to the poetic language, its evolution in the works of Leopardi, who assimilates ancient and earlier Italian poetic traditions, ultimately creating poetry that is stylistically original. The result of the article is the conclusion that Leopardi absorbed Dante's conceptuality and assimilated the richness of Petrarch's poetic forms and language, which creates a special sound for Leopardi's works.

Keywords: Dante Alighieri, Francesco Petrarca, Petrarch, Giacomo Leopardi, poetry, succession, tradition

УДК 821.161.1:82-94

КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг. В ЖИЗНИ И МЕМУАРАХ А. А. ФЕТА

Баранская Е. М.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: eleni313@mail.ru*

В статье прослеживается интерпретация реалий Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг. в мемуарной прозе А. А. Фета. По материалам двухтомника Фета «Мои воспоминания. 1848–1889» исследуются военные воспоминания поэта эпохи Балтийской кампании, а также его раздумья на военную тему, возникшие под впечатлением поездки в Крым осенью 1879 г. Восприятие и литературная репрезентация военных событий поэтом анализируется с учетом его поэтико-эстетических установок. Акцентируется внимание на творческом начале мемуарной прозы, созданной лириком, поэтическое мышление которого склонно к сугубо эстетическому постижению мира, что объясняет избирательность поэтической памяти Фета.

Ключевые слова: А. А. Фет, Крымская (Восточная) война, Балтийская кампания, поездка в Крым, мемуары, «Мои воспоминания. 1848–1889», поэт-эстет.

ВВЕДЕНИЕ

Крымская (Восточная) война оказала существенное влияние на мировоззрение русского общества: вызвала всплеск национального самосознания и патриотических настроений, сформировала критико-аналитический подход к осмыслению социально-политических процессов в России, определила вектор исторических устремлений.

В период Крымской войны боевые действия развернулись в Дунайских княжествах, на Кавказе, в низовьях Амура и на Камчатке, на Балтийском, Черном, Азовском, Белом, Баренцевом морях. Однако Крым стал главной ареной военных действий, а севастопольская оборона 1854–1855 гг. приковывала внимание всего русского общества; утрата Севастополя осталась болезненной раной в памяти целого поколения, подтолкнула процесс переосмысления действительности. По словам Н. В. Шелгунова (общественного деятеля и писателя), «после Севастополя все очнулись, все стали думать и всеми овладело критическое настроение» [22, с. 77]. Крымская война нашла отражение в творчестве литераторов, придерживавшихся самых разных общественно-политических взглядов и творческих установок. Не стал исключением и А. А. Фет – участник Балтийской кампании Крымской войны. Сведения о военной службе поэта периода Балтийской кампании содержат его мемуары «Мои воспоминания. 1848–1889».

Вопрос о месте мемуарной прозы А. А. Фета в традиции изображения Крымской войны, складывавшейся в 1860–1880-е гг., поднимала Е. П. Дерябина [3]. С. Н. Кириченко писал о эстетической категории героического в произведениях Фета на тему Крымской войны [5]. Ценные материалы о крымских страницах биографии Фета, обогащенный архивными данными, представляет Л. И. Черемисинова [19]. Мы попытаемся проанализировать отражение реалий Крымской войны в воспоминаниях А. А. Фета с точки зрения мемуарной ретроспекции художника-творца, вовлеченного в движение истории.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Природа литературных мемуаров

Крымская война продолжала волновать российское общество еще долго после своего завершения, и это рождало неослабевающий интерес к свидетельствам о ее событиях. Появился значительный массив воспоминаний: о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. (более 200 мемуаров), об иных театрах военных действий – Петропавловске-Камчатском (мемуары Ю. Е. Завойко), Одессе (мемуары К. А. Скальковского), Евпатории (мемуары В. С. Ракова, Ф. С. Стулли) и др. [12, с. 6, 23]. Детализированные описания боевых действий, тактических решений находим в мемуарах непосредственных участников войны: П. В. Алабина, В. И. Барятинского, Д. А. Столыпина, Д. И. Святополк-Мирского, С. Д. Кожухова и мн. др. [12; 14; 21].

Важный фактор индивидуализации воспоминаний – их эмоционально-субъективная окраска. Одно из свойств мемуаров – авторская субъективность, на что обращал особое внимание историк А. Г. Тартаковский (ведущий специалист в области исследования мемуаров). Личность мемуариста – во главе угла. Сквозь призму индивидуального восприятия высвечивается картина прошлого [13, с. 27]. Именно поэтому субъективность мемуаристов воспринимается «составной частью информации мемуаров»: есть «возможность рассмотрения значительно более широкого спектра вопросов, чем это отражено в выраженной (актуальной) информации» [2, с. 136].

Суть мемуаристики вообще – в ретроспективном осмыслении прошлого и в той мере, в какой оно полно смысла для нынешнего дня [4, с. 89]. Очевидно, что хронологическая дистанция между моментами свершения событий и их воссоздания в мемуарах влияет на авторское отношение к ним: «тогда» и «сейчас» может различаться [13, с. 30]. При этом мемуары – резервуар информации о прошлом.

Отсюда проистекает многомерность природы мемуаристики, которая может рассматриваться в разных аспектах: социокультурном (как феномен культуры, который отражает общественную активность людей прошлого), литературоведческом (как художественный жанр), источниковедческом (как источники познания прошедшей действительности, отражающие историческое самосознание автора). По мнению Н. Г. Георгиевой, мемуары дуалистичны: документальны, «как остаток <...> старины», и нарративны, отражают «отдельные аспекты культуры прошедших эпох» [2, с. 136].

Мемуарные свидетельства участников и очевидцев Крымской войны – важный документально-исторический источник. При этом литературное осмысление исторических событий настолько разнолико и авторски-ориентированно, что специалистам-историкам затруднительно составить объективное представление о произошедшем, чего, в частности, опасался контр-адмирал В. А. Стеценко, рассуждая о Крымской кампании (1872) [12, с. 22].

Тем не менее, на важность мемуаров как исторических источников указывал еще в 1891 г. историк Н. Д. Чечулин в лекции «Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников», произнесенной перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». Изучение мемуаров «может оказать громадные услуги правильному пониманию прошлого» [20, с. 7], поскольку нельзя утвердиться в знании исторического значения того или иного события, «если не знаешь в точности его

значения для современников, его влияния на них, наконец, его понимания современниками, теми, кто создавал это событие, кто жил с ним, кто им увлекался, радовался, гордился или страдал» [20, с. 8]. Ценность мемуаров тем более значима, что они предполагают бесхитрость описаний, авторское самопредъявление в простых житейских ситуациях, откровенность и простоту изложения. Правда, уже к исходу XIX в. осознавалась «сотворенность» современной на тот момент мемуарной прозы, ее ориентация на прочтение грядущими поколениями читателей, в отличие от мемуаристов былого, в частности, XVIII в., когда «писали как думали» [20, с. 9]. Например, сознательно работает над своим писательским образом в дневниковых записях, мемуаристике и эпистолярной литературе современник и друг А. А. Фета Я. П. Полонский [1, с. 116–125], для которого обращение к мемуаристике – и следствие возрастной ностальгии, и «способ утверждения своего писательского имени в истории литературы» [1, с. 121–122]. Поэтому мемуарная проза – еще и важный источник для жизнеописания поэта/писателя. (В значительной степени это относится и к поэзии). При воссоздании личности поэта по его литературно-художественным произведениям следует принимать во внимание «сотворенность» его литературного образа. За мемуарами поэта стоит художник-творец.

Военные впечатления, наблюдения и раздумья А. А. Фета запечатлены в первой части мемуаров «Мои воспоминания. 1848–1863 гг.», имеют многолетнюю протяженность в его поэтической памяти и получают продолжение и развитие во второй части мемуаров («Мои воспоминания: 1864–1889 гг.») в связи с поездкой в Крым осенью 1879 г.

Балтийская кампания в мемуарной прозе поэта

13 февраля 1854 г. в составе Лейб-гвардии уланского полка А. А. Фет был отправлен для обороны балтийского побережья на случай высадки английского десанта. Вероятность такого развития событий была велика, и Россия сосредоточила на этом направлении около 200 тысяч войск [8, с. 15]. Неприятельский флот не решался на атаку российских морских баз, а потому воспоминания Фета не содержат напряженных батальных сцен, но многое говорят об армейском быте, о природе и нравах Остзейского края. Отсутствие активных боевых действий порою позволяло Фету предаваться вполне мирным развлечениям, например, рыбалке:

«<...> Я соблазнился дивною равниною пустынного озера и, попросивши мальчика накопать червей, отомкнул стоявший у плота ялик и, вооружась двумя удочками и парюю весел, выехал саженой на сто от берега. <...> Я вполне блаженствовал при неслыханной удаче. Я едва успевал снимать с крючков огромных окуней, и только-что оправившись и закинешь крючок, как другое удилице уже нагибается и трепещет, колеблемое могучим окунем» [3, ч. 1, с. 64–65].

Воспоминания насыщены живописными зарисовками. Так, скажем, Фет описывает Балтийский порт:

«Несмотря на небольшую, главную улицу с прекрасными на вид каменными домами, город носил какой-то декоративный характер. Это было точно улица на картине, на которой художник забыл поместить людей, и, сколько на нее

ни смотри, никогда не дождешься ни проезжего, ни прохожего. Исключение можно было видеть только с раннего утра часов до десяти на гавани, куда в эту пору съезжались лодки рыбаков, наполненных серебристой килькою ночного улова» [3, ч. 1, с. 80].

Даже вид далеких неприятельских фрегатов передан Фетом очень поэтично: «ходили под парусами и <...> имели вид громадных хищных птиц, раскинувших крылья над волнами» [15, ч. 1, с. 53].

Необычная красота местной природы наводила Фета на философские раздумья:

«Северное сияние в блеске, какого великолепнее едва-ли может быть на полюсе. Чего тут не было, начиная с самых разноцветных радуг, огненных снопов и Фонтанов! <...> Каждый раз, когда я вспоминаю это могучее явление, я не могу отделаться от мысли, что оно своею изумительною правильностью лучше всего служить иллюстрацией мысли о мире, как нашем субъективном представлении <...>» [15, ч. 1, с. 67].

Гвардейские воспоминания Фета периода Балтийской кампании лирически фрагментарны. Фет здесь – не документалист, он поэт-наблюдатель, который включает в свой рассказ живые картины, передает эмоциональное восприятие реальности, в чем и признается: «Одно дело, в видах всяких политических и иных соображений, писать о какой-либо стране, а другое – отдавать себе отчет в произведенном ею непосредственном впечатлении» [15, ч. 1, с. 50].

А. А. Фета весьма заинтересовали быт остзейских дворянских хозяйств и колорит местного жизненного уклада: «Все дворянские дома и усадьбы, переходящие от отца к сыну, массивно сложены из гранитных камней, обильно разбросанных, по полям. <...> Дворяне не дробят имений, а передают их одному из сыновей, помогающему братьям на избранном ими поприще государственной или частной службы. Дочери богатого графа, обносящие вокруг стола кушанья, ясно указывают на то, что дворяне полагают унижение своего достоинства не в этом акте и ему подобных, а в чем-то другом, хотя преисполнены чувством собственного достоинства никак не менее наших <...>» [15, ч. 1, с. 51]. Фет описывает эти подробности как внимательный бытописатель, но вывод делает как художник-творец: «Словом, весь жизненный строй напоминает растение, расцвет которого не мешает ему глубоко пускать корни в почву, запасаясь все новыми силами» [15, ч. 1, с. 51].

А. А. Фет впечатлен гостеприимством местных помещиков: «Эскадроны наши стояли по разным Фольваркам, а офицеры размещались по помещикам, которые оказывали им самое радушное гостеприимство. <...> Так и нам пришлось познакомиться с прекрасным семейством Б-ге, состоявшим из пожилого мужа, жены и трех прелестных дочерей-девиц. <...> Отношения постояльцев к хозяевам были самые семейные <...>» [15, ч. 1, с. 64]. Он говорит о культурных обычаях остзейцев, о произведенном на него «впечатлении культурной страны, которую глаз беспрестанно сравнивал с нашею Русью» [15, ч. 1, с. 51].

Безусловно, воспоминания А. А. Фета содержат описания военных событий и инцидентов, и здесь проявляются склонность к анализу и порою критический взгляд автора на положение военных дел: армейские беспорядки, бестолковость офицерских

распоряжений как следствие «канцелярской неурядицы». Фет признавался: «Строго подчиняясь распоряжениям свыше, я был обстоятельствами вынужден критически отнестись к своему положению. Нельзя толково исполнять то, чего не понимаешь <...>». А он, в частности, не понимал, «почему в охрану береговой линии от десанта, – очевидно пехоты, вооруженной дальнотрельными ружьями, – выставлена кавалерия, вооруженная пиками и саблями» [15, ч. 1, с. 56]. В воспоминаниях Фета мы встречаем рассуждения о тактике ведения военных действий, особенностях устройства береговой охраны и проч. При этом информация в мемуарах не ограничена исключительно реалиями Остзейского края, Фет в курсе последних военных действий на разных участках фронта. Так, он приводит выдержки из переписки с И. П. Борисовым, с которым был связан узами братской дружбы с малых лет. Тот посвящал поэта в перипетии своей военной службы: «Командуя Куринскою ротой при Данчсхуте, Чолохе и Баш-Кадыкларе, он подробно описывал мне все походы, всю бивачную жизнь и поистине геройские подвиги полка» [15, ч. 1, с. 69]. В письме от 3 июня 1854 г., как помечено в мемуарах Фета, из лагеря на Ценис-Цхале И. П. Борисов повествует о военных операциях в Гурии, участником которых он был (сражение при Ланчсхуте 27 мая и на р. Чолохе 4 июня) [15, ч. 1, с. 70–71]. Поручик Кронид Александрович Панаев, вернувшись из действующей армии за Дунаем, рассказывал о событиях, свидетелем которых был лично [15, ч. 1, с. 86]. Местом притяжения для молодых офицеров описана Фетом Севастопольская армия – красноречивый эпизод жребия об отправке в Севастополь, когда из восьми претендентов жребий вновь выпал К. А. Панаеву [15, ч. 1, с. 101].

В мемуарах Фета почти нет точной датировки событий, лишь изредка встречаются косвенные указания, позволяющие датировать тот или иной факт. Например, гостеприимный хозяин рассказывает Фету семейное предание о трости Петра Великого, хранящейся в семье как реликвия, и становится ясным, что общение это происходило уже после начала осады Севастополя: «Я уверен, что портрет и трость существуют и по сей день, и никогда не забуду, как хозяин со слезами на глазах говорил про императора Николая по случаю неблагоприятных вестей из Крыма: “нет, нет, государь этого не переживет”» [3, ч. 1, с. 67].

Весной-летом 1854 г., в период войны, на берегу Балтийского моря поэт создает «Приморские стихотворения» (1854), которые позднее включит в цикл под названием «Море»¹: «Вечер у взморья» (впервые – «Современник», 1856); «Жди ясного на завтра дня...» (впервые – «Современник», 1854), о котором Б. Алмазов отозвался как о собрании «всех самых характеристических недостатков произведений г. Фета»

---

¹ Цикл «Море» впервые включен в состав «Стихотворений А. А. Фета» в 1863 г., возник из цикла «Приморских стихотворений», куда вошли стихотворения «Вечер у взморья», «Жди ясного на завтра дня...» и «Ночь весенней негой дышит...». «Приморские стихотворения», по предположению Н. П. Генераловой, были написаны во время пребывания Фета в Эстляндии и Лифляндии (февраль 1854 г. – март 1856 г.). В дальнейшем к циклу добавились стихотворения периода пребывания во Франции и Италии (октябрь 1856 – январь 1857 г.), написанные под впечатлениями от Средиземного моря. При подготовке «Вечерних огней» (1883) Фет сохранил название цикла, дополнив его четырьмя стихотворениями, в том числе – не опубликованным в свое время Н. А. Некрасовым в «Современнике» стихотворением «Буря» («Свежеет ветер – меркнет ночь...»), датированным 27 июня ст. ст. 1854 г. [18, т. 1, с. 478].

[17, с. 755]; «Ночь весенней негой дышит...» (впервые – «Современник», 1854); вероятно, к балтийскому периоду следует отнести и стихотворение «Морской залив» (впервые – «Современник», 1856) [17, с. 240–242; 18, т. 1, с. 277, 216, 215, 221]. Это живописная романтическая галерея этюдов Балтийского моря, где главенствует таинство ночного пейзажа. Спустя годы Фет в мемуарах постарается пояснить историю замысла цикла:

«За целое лето у меня было достаточно времени присмотреться к морю во всех его бесконечно разнообразных видах. <...> Тут и красота моря, и море красоты! Ежедневная близость моря меня победила окончательно, чему свидетельством служат все мои приморские стихотворения, принятые в тогдашнее время тургеневским литературным кругом так сочувственно. Чудные дни, чудные лунные ночи! <...> Сколько раз случалось мне неохотно покидать нагретую постель и смотреть на берег в небольшое окошечко. Ничего! Только белоголовые зайчики поднимаются по всей дали в лунном сиянии» [15, ч. 1, с. 59–60].

Об отношении к «приморским стихотворениям» «тургеневского круга» Фет знал от самого И. С. Тургенева, который писал поэту: «Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров – словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется. <...> Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его» [15, ч. 1, с. 104].

В период Крымской войны А. А. Фет бывал в Петербурге, часто – в литературном сообществе, но и там встречал постоянные напоминания о боевых действиях. В одно из посещений столицы Фет на квартире И. С. Тургенева познакомился с Л. Н. Толстым, вернувшимся из Севастополя «с батареи» [15, ч. 1, с. 105–106]:

*«<...> В углу заметил полусаблю с анненской лентой.
– Что это за полусабля? – спросил я, направляясь в дверь гостиной. <...>
– Это полусабля графа Толстого, и они у нас в гостиной ночуют. <...>
В продолжение часа, проведенного мною у Тургенева, мы говорили вполголоса из боязни разбудить спящего за дверью графа.
– Вот все время так, – говорил с усмешкой Тургенев. – Вернулся из Севастополя с батареи, остановился у меня и пустился во все тяжкие. <...>
В этот же приезд мы и познакомились с Толстым <...>»* [15, ч. 1, с. 105–106].

Исторический фон крымской поездки

Побывать в Севастополе Фету довелось лишь осенью 1879 г. С 25 сентября по 8 октября он с женой Марьей Петровной и управляющим имением Александром Ивановичем Иостом путешествовал по полуострову: навестил сослуживца по кирасирскому Орденскому полку Ксенофонта Федосеевича Ревелиоти (в имении под Бахчисараем, селение Актаци) и «орденца» Александра Андреевича Кази (в Севастополе), наведаясь в Ялту, Ливадию, Байдарскую долину.

В письме от 20 сентября 1879 г. Фет сообщал Н. Н. Страхову: «<...> Давно хотелось мне видеть Крым, а теперь у меня там, в Бахчисарае, отыскался старый сослуживец-однополчанин, который нас поджидает» [16, с. 290]. А уже 10 октября 1879 г. Фет делился со Страховым крымскими впечатлениями: «Крым – это рай земной с громадными кипарисами, лимонами, не говоря о персиках – и даже с гранатами. – Но всюду следы русской апатии и беспомощности. Крым в настоящее время тот же Севастополь. <...>» [16, с. 291]. Последние фразы нуждаются в комментарии.

Сельское хозяйство Крыма находилось тогда не в самом цветущем состоянии. Прежде всего, тому были системные, общегосударственные причины. Помещиков вытесняли предприимчивые представители быстро развивавшейся буржуазии. Архаичная манера управления помещичьими хозяйствами показывала себя неконкурентоспособной, что вело к их упадку. Фет наблюдал такого рода картину в разных регионах страны и, по верному замечанию Л. И. Черемисиновой, причину видел «в бездельи, в опустошительном влиянии цивилизации, в распространении оторванного от жизни образования» [19, с. 293].

Но учитывать следует и специфическое для Крыма обстоятельство – тяжелейшие последствия военных действий. В период Крымской войны существенно пострадала экономика всего полуострова, разорению подверглись Керчь, Евпатория, южнобережные селения, но самый страшный удар пришелся по Севастополю. Город был сильно разрушен постоянными ударами артиллерии уже в период осады англо-французами, значительная часть военных объектов была взорвана во время отхода из крепости российскими войсками [6, с. 144]. Затем в течение нескольких месяцев остатки города целенаправленно разорялись и уничтожались вошедшим на Южную сторону неприятелем. После заключения мира англо-французы вывезли из разрушенного Севастополя даже «осколки снарядов <...>, свинцовые пули, камни разрушенных домов» [8, с. 37]. Неприателем были взорваны портовые доки, представлявшие собой грандиозное и сложное сооружение [6, с. 263], и даже акведуки, питавшие город пресной водой от истоков реки Черной [6, с. 272].

По условиям Парижского мира Россия не имела права иметь на Черном море военно-морские базы [8, с. 63, 340], что делало невозможным восстановление города в качестве военной крепости. Лишь в 1871 г. Россия освободилась от этого ограничения, но и тогда, учитывая масштабы разрушений и транспортные сложности, процесс восстановления шел очень медленно. Ситуация стала улучшаться лишь после строительства железной дороги, которая была доведена до Севастополя в 1875 г.

До войны всякий путешественник восхищался великолепием Севастополя, оценивая молодой город на фоне руин древнего Херсонеса, представлявших собой «лишь груды камней без имени и характера» [7, с. 194]. После войны и сам Севастополь мало чем отличался от развалин Херсонеса, и это рождало тягостные чувства. Через двадцать с лишним лет после войны Фет в Севастополе оказывался обстановке военной разрухи.

Несомненно, крымская поездка проходила под знаком Севастопольской обороны 1854–1855 гг. По признанию Фета, город тогда «производил самое тяжелое впечатление почти сплошными развалинами»: «Кроме изуродованных стен в бывших

домах ничего не оставалось и, благодаря мощной южной растительности, в разломанные амбразуры окон и дверей порою виднелись зеленеющие деревья» [15, ч. 2, с. 375]. Тогда же поэт посетил братское кладбище участников Севастопольской обороны. 12 ноября 1879 г. А. Фет подтверждает факт своей поездки в Крым: «Были мы с женой в прелестном Крыму <...>» [16, с. 293]. Более в Крыму поэту не довелось побывать. Однако через несколько лет, 4 июня 1887 г., он напишет стихотворение «Севастопольское братское кладбище»¹ (вошло в раздел «Элегии и думы» третьего выпуска сборника «Вечерние огни») – торжественно-возвышенное, само ставшее вечной памятью чистой славе героев, погибших за Отечество: «Рукою набожной сложила здесь отчизна / Священный прах своих сынов» [17, с. 111; 18, т. 5, кн. 1, с. 200]. А. Фет отправил стихотворение К. Ф. Ревелиоти 18 июня 1887 г., сопроводив словами: «Нет жизненной школы выше фронтовой жизни, которая в наше время заменяет палестру древних греков» [цит. по: 18, т. 5, кн. 1, с. 610]. В том же письме поэт дает авторский комментарий к стихотворению, которое явилось попыткой «уловить впечатление» [цит. по: 18, т. 5, кн. 1, с. 610], произведенное Севастопольским братским кладбищем.

Подробности крымского путешествия Фета зафиксированы также в записной тетради А. Фета, в его переписке с К. Ф. Ревелиоти и его семьей, в письмах от А. А. Кази, на которые ссылается Л. И. Черемисинова [19].

Крым военный и послевоенный в воспоминаниях А. А. Фета

Поездка А. А. Фета в Крым отразилась во второй части его мемуаров [15, ч. 2, с. 372–380]. «Наслушавшись зимою восторженных восклицаний Каткова об очаровательной природе Крыма, – пишет Фет, – я все лето толковал, что стыдно проживать в недалеком сравнительно расстоянии от Крыма и умереть, не видавши Южного берега, невзирая на Севастопольскую железную дорогу. К этому желанию случайно присоединился дошедший до меня слух, что добрый мой товарищ, однополчанин кирасирского Военного Ордена полка, – Ревелиоти, покинувший полк еще до Венгерской кампании, женат и проживает в своем имении близ станции Бахчисарай» [15, ч. 2, с. 372].

Ксенофонт Федосеевич Ревелиоти, о котором говорит Фет, – представитель весьма известного в Крыму семейства [11]. Отец Ксенофонта – Феодосий (Теодосиос) Ревелиоти – уроженец Греции из города Триполиса. Он был одним из тех греков, которые не хотели мириться с турецким господством и в екатерининскую эпоху нашли свое поприще на службе России, основав в Крыму Балаклавский пехотный батальон [10, с. 77]. В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ф. Ревелиоти в составе российского флота сражался на Средиземном море, получил ранения. В 1797 г. стал капитаном Балаклавского греческого пехотного батальона, выполнявшего функции береговой пограничной стражи [10, с. 79]. В 1810 г., командуя высадкой десанта на турецкое побережье, проявил героизм и получил тяжелые ранения [10, с. 80–81]. Позднее в звании полковника возглавил Балаклавский греческий батальон, был в Крыму личностью уважаемой и

¹ Стихотворение «Севастопольское братское кладбище» датируется 4 июня 1887 г. по дате в письме к К. Ф. Ревелиоти и в «Вечерних огнях» 1888 г. [18, т. 5, кн. 1, с. 610].

легендарной. Кроме того, он был одним из самых состоятельных землевладельцев на полуострове [10, с. 82]. Во время Крымской войны имения Ревелиоти близ Бахчисарая и на Южном берегу подверглись разграблению [9, с. 98, 214].

Сослуживцем Фета был сын Феодосия Ревелиоти Ксенофонт, и зимой 1878–1879 гг. поэт был занят поисками его адреса: обращается за помощью к бывшему сослуживцу С. Аргамакову (письмо от С. Аргамакова А. Фету от 29 декабря (ст. ст.) 1878 г.), другу молодости Александре Львовне Бржеской, херсонской помещице (эпистолярные свидетельства представлены Л. И. Черемисиновой) [19, с. 290–291].

Семьи Фетов и Ревелиоти будут поддерживать дружеские отношения и после возвращения поэта из Крыма. Их долгая переписка позднейших лет позволяет представить тон общения и темы разговоров во время крымской встречи. Письма К. Ф. Ревелиоти и членов его семьи свидетельствуют, что отношения были близкими и доверительными: беспокойство о здоровье; беседы об общих друзьях; сообщения К. Ф. Ревелиоти о сыновьях, избравших военное поприще; просьбы Марии Ксенофоновны оценить стихотворения ее неопытной руки (16 (28) марта 1891 г.), выражение ею радости по поводу предстоящего свиданья с А. А. Фетом (31 марта (12 апреля) 1891 г.) во время вновь планируемой им поездки в благодатный Крым (желание так и не осуществилось) и др. Были и общие хозяйственные интересы: беседы о состоянии и ведении помещичьего хозяйства, обсуждение продажи Фету сада в Актаци, просьба Ревелиоти о помощи в извлечении прибыли из лесных владений и проч. [19, с. 291–292]. Переписка между семьями продолжится и после ухода из жизни Ксенофонта Федосеевича 1 (13) августа 1880 г. до самой смерти А. А. Фета [19, с. 293]. В мемуарах Фета отразилась та же доброжелательность отношений. Так, например, говорится, что Марья Петровна благодарно посылает в Актаци «пуд малины, приготовленной во всех видах» [15, ч. 2, с. 380].

Мемуарные записи о крымской поездке Фета наполнены живыми переживаниями, вызванными рассказами о севастопольских сражениях. Дружеский круг поэта – полковые сослуживцы и участники севастопольской битвы: полковник А. А. Кази жил на военную пенсию (да еще на скромные доходы с наследственных садов) в Севастополе в доме зятя своего, отставного капитана Реунова, тоже получающего пенсию за свою севастопольскую службу (какое-то время во время обороны командовал Николаевским бастионом при входе в Северную бухту). Общение Фета, Кази и Реунова в 1879 г. протекает на фоне развалин, не разобранных еще со времен войны и «красноречивее всяких обитаемых жилищ» для хозяина, который так и не смог собраться с духом и перестроить старый дом, что напоминает ему «не только время осады, но и покойную <...> жену, жившую в нем почти до полного его разрушения» [15, ч. 2, с. 377].

Из восьми с половиной страниц мемуарного текста Фет отводит более страницы для рассказа о судьбе этой женщины (сестры А. А. Кази). Во время войны она стоически сохраняла порядок мирной жизни, оберегала устои семьи, законы человеческого сострадания: она неизменна в обыденном процессе вязания чулок на «обычном месте под окном», равно как и в ежедневном посещении (с чайными принадлежностями) мужа на Николаевском бастионе под огнем неприятельского флота, в уходе за ранеными, потому что «иначе поступать не может» [15, ч. 2, с. 377].

Таких женщин хранит само провидение: «бомба, пробивши крышу и потолок, прошибла пол у ног жены и, пройдя антресоль, разорвалась в подвальном этаже, в котором отдыхала и чистилась сменившаяся рота» [15, ч. 2, с. 377]. Помимо нее выжил младенец (сын столяра), укрытый грудой мертвых тел. «День в день через 20 лет после этого происшествия» жена Реунова скончалась. Ее поведение в ретроспективном восприятии А. Фета – образец тихого и истинного героизма.

Объяснимо, что после рассказа о покойной сестре А. А. Кази поэт переходит к впечатлениям от посещения Севастопольского братского кладбища. Что важно: событийных описаний здесь нет. Есть лишь лирический этюд, передающий тревожное и возвышенное душевное состояние:

«Нигде и никогда не испытывал я того подъема духа, который так мощно овладел мною на братском кладбище. Это тот самый геройский дух, отрешенный от всяких личных стремлений, который носится над полем битвы и один способен стать предметом героической песни» [15, ч. 2, с. 378].

Ощущения, пережитые Фетом на братском кладбище, заставляют его обратиться мыслями к прежним эпохам, увидеть в подвиге защитников Севастополя ту героиню, которая со времен Гомера становилась бессмертной благодаря поэзии: «героические песни кровавой битвы» рождаются не поэтической гордыней, а природой самого дела, и «вековечный пример защитников Севастополя, почивших на братском кладбище, никогда для нас не пропадет, и Россия не перестанет рождать сынов, готовых умереть за общую мать» [15, ч. 2, с. 378–379].

Даже природная красота Байдарской долины у Фета ассоциируется с трагедией Севастополя: «Грустно видеть, как знаменитая Байдарская долина, благодаря неприятельскому пребыванию, все более и более, по мере приближения к Севастополю, теряет свою лесную одежду и связанное с нею орошение» [15, ч. 2, с. 380].

Мемуары А. А. Фета необходимо воспринимать и интерпретировать, принимая во внимание установку автора, оговоренную в начале первой части «Моих воспоминаний»; она подразумевает важную роль творческого начала в мемуарной прозе поэта и дает ключ к осознанию художественно-литературной позиции Фета в интерпретации событий Крымской войны: «Находясь, можно сказать, в природной вражде с хронологией, я буду выставлять годы событий только для соблюдения известной последовательности, нимало не отвечая за точность указаний, в которых руководствуюсь более соображением, чем памятью» [15, ч. 1, с. 1]. Действительно, воспоминания о крымской поездке отнесены Фетом к осени 1880 г.: размещены между письмами Л. Н. Толстого к Фету от 8 июля и от 26 сентября 1880 г. и повествованием об убийстве Александра II (1 (13) марта 1881 г.)¹. Л. И. Черемисинова объясняет это искажение хронологии абберрацией памяти поэта [19, с. 293]. В причине этой абберрации мы склонны видеть специфику самого поэтического мышления Фета, склонного к сугубо эстетическому постижению мира. Не случайно В. П. Боткин писал в статье о Фете: «Поэт, под одеждою временного, имеет в виду только вечные

¹ А. А. Фет начал работу над мемуарами в 1887 г. [19, с. 290].

свойства души человеческой... И тем всегда глубже и прочнее действие поэтического произведения, чем независимее оно от временных и, следовательно, скоропреходящих интересов» [цит по: 17, с. 15]. Природа и любовь – истинно «вечные» темы поэзии. «Поэзия, или вообще искусство, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала; <...> художнику дорога только одна сторона предметов: *их красота* <...>», – убежден Фет (ст. «О стихотворениях Ф. Тютчева», 1859). Поэтическая деятельность, по А. А. Фету, складывается из объективного элемента и субъективного – «зоркости поэта – этого шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника». При отсутствии «зоркости, чутья» литератор не может быть поэтом: «Так как мир во всех своих частях равно прекрасен, то внешний, предметный элемент поэтического творчества безразличен. Зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения – всё» [18, т. 3, с. 177]. А. А. Фет и в мемуарной прозе – лирик, выхватывающий из реальности то, что имеет непреходящее значение, и не придающий большого значения календарным датам.

«Эстетически организованным» представляет жизненный путь поэта С. Н. Кириченко, а мемуарные свидетельства обороны Севастополя в 1854–1855 гг., как и вообще поездку в Крым, – продвижением жизненных планов эстета [5, с. 59–60]. Фет и почитал себя «эстетическим человеком» [16] – так, например, называл себя в письме к Н. Н. Страхову в ноябре 1877 г. Крымская поездка продемонстрировала, что поэту были вняты не только природные красоты, но и возвышенная красота воинского подвига.

ВЫВОДЫ

Судьба сложилась таким образом, что при участии в Балтийской кампании Крымской войны А. А. Фету не пришлось участвовать в сражениях и наблюдать жестокий трагизм боевых действий. Этим и обусловлены тематика и настроение его мемуаров того периода: перед глазами читателя – картины местной природы и описания местных нравов. Эти воспоминания лирически фрагментарны и отмечены высокой степенью субъективности. Прагматизм зоркого наблюдателя часто сменяется поэтическими размышлениями, обнаруживающими красоту в деталях окружающего мира.

В Крым Фет попал немолодым человеком, помещиком, принадлежащим к тому типу землевладельцев, которых принято называть словами «крепкий хозяин». Его интересуют экономические и хозяйственные особенности крымской жизни, что и отразилось в мемуарах, но в гораздо большей степени его впечатляет вид разрушенного войной Севастополя и рассказы сослуживцев о прошлых боевых действиях в Крыму. Своеобразной идеологической и эмоциональной кульминацией «крымского эпизода» воспоминаний становится фрагмент, написанный под впечатлением от посещения Севастопольского братского кладбища. Причем эти впечатления оказались настолько сильными, что через несколько лет после посещения Крыма Фет напишет знаменитое стихотворение «Севастопольское братское кладбище» (1887). Ощущения поэта, выраженные в прозаическом тексте мемуаров, таким образом получили эстетическую огранку, призванную увековечить возвышенную красоту ратного подвига.

Список литературы

1. Баранская Е. М. Лирический герой и литературная личность Я. П. Полонского. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2020. – 184 с.
2. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.
3. Дерябина Е. П. Балтийская кампания Крымской войны в гвардейских воспоминаниях Фета // Мат-лы Междунар. научной конференции «Стихи имеют свои права...». К 200-летию Афанасия Афанасьевича Фета, 16–17 ноября 2020 г., ИРЛИ РАН. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2020. – С. 46–47.
4. Ермилова Г. Г. Художественное своеобразие мемуаров Н. К. Михайловского // Факт и художественный образ: межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1989. – С. 88–98.
5. Кириченко С. Н. Крымская война в прозаических и поэтических произведениях Афанасия Фета // XII Сургучевские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. материалов всерос. научно-практич. конференции (Ставрополь, 27–28 февр. 2015 г.). – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. – С. 56–61.
6. Орехов В. В. В лабиринте крымского мифа. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.
7. Орехов В. В. Французенка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2004. – №8. – С. 183–215.
8. Орехов В. В. Французская армия у стен Севастополя: 1854–1855 гг. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2003. – 280 с.
9. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2010. – 480 с.
10. Орехова Л. А., Первых Д. К. Письмо П. П. Свинына в «Отечественные записки» как материал для комментария к «Путевым заметкам» А. С. Грибоедова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. – Т. 6 (73). – № 4. – С. 70–91.
11. Орехова Л. А., Первых Д. К. Ф. Ревелиоти: архивный комментарий к Крымским заметкам А. С. Грибоедова и письму П. П. Свинына в «Отечественные записки» 1825 года // «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской...». Мат-лы междунар. конф. 7–9 октября 2015 г. Хмелитский сборник. Вып. 17. Вязьма-Хмелита, 2016. – С. 116–130.
12. Патрикеева М. В. Крымская война 1853–1856 гг. в литературной памяти современников: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2022. – 28 с.
13. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 312 с.
14. Федянова Г. В. Крымская война в русской поэзии 1850-х годов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Коломна, 2008. – 251 с.
15. Фет А. А. Мои воспоминания. 1848–1889: в 2-х ч. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1890. – Ч. 1: 1848–1863. – 452 с.; Ч. 2: 1864–1889. – 402 с.
16. Фет А. А. Переписка с Н. Н. Страховым // Литературное наследство. Т. 103. А. А. Фет и его литературное окружение: в 2-х кн. – Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2011. – С. 233–550.
17. Фет А. А. Полное собрание стихотворений. – Л.: Советский писатель. – 1959. – 905 с.
18. Фет А. А. Сочинения и письма / Редкол.: А. В. Ачкасов и др.; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) РАН, Курский гос. пед. ун-т. – М.: Академический проект, 2002–. – Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1839–1863. – 2002. – 550, [2] с.; Т. 3: Повести и рассказы; Критические статьи. – 2006. – 517 с.; Т. 5, кн. 1: Вечерние огни. – 2014. – 694, [1] с.
19. Черемисинова Л. И. Крымская страница в биографии Фета: Афанасий Фет и Ксенофонт Ревелиоти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – Вып. 3. – С. 289–295.
20. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете 22 января 1891 г.

перед началом курса «Русские мемуары XVIII в.». – СПб.: Ред. журн. «Библиограф» (Н. М. Лисовского), 1891. – 16 с.

21. Шаповалова Н. В. Художественная литература и мемуары как источник по изучению обороны Севастополя в 1854–1855 годах: дисс. ... канд. историч. наук: 07.00.09. – М., 2018. – 209 с.
22. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: в 2-х т. Т. 1: Воспоминания Н. В. Шелгунова. – М.; Л.: Худож. лит., 1967. – 510 с.

References

1. Baranskaya YE. M. *Liricheskii geroi i literaturnaya lichnost' Ya. P. Polonskogo* [Lyrical hero and literary personality of Ya. P. Polonsky]. Simferopol, Arial Publ., 2020. 184 p.
2. Georgieva N. G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskii istochnik* [Memoirs as cultural phenomenon and historical source]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 2012, no. 1, pp. 126–138.
3. Deryabina E. P. *Baltiiskaya kampaniya Krymskoi voiny v gvardeiskikh vospominaniyakh Feta* [The Baltic campaign of the Crimean War in the guards memoirs of Fet]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Stikhi imeyut svoi prava...». K 200-letiyu Afanasiya Afanas'evicha Feta, 16–17 noyabrya 2020 g., IRLI RAN*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Rostok Publ., 2020, pp. 46–47.
4. Ermilova G. G. *Khudozhestvennoe svoeobrazie memuarov N. K. Mikhailovskogo* [Artistic originality of the memoirs of N. K. Mikhailovsky]. *Fakt i khudozhestvennyi obraz: Mezhd. sb. nauch. trudov*. Ivanovo, Ivanovskii gos. un-t Publ., 1989, pp. 88–98.
5. Kirichenko S. N. *Krymskaya voina v prozaicheskikh i poeticheskikh proizvedeniyakh Afanasiya Feta* [The Crimean War in the prose and poetic works of Afanasy Fet]. *XII Surguchevskie chteniya. Literatura i zhurnalistika v plameni voiny: ot Pervoi mirovoi do Velikoi Pobedy: sb. materialov vseros. nauchno-praktich. konferentsii (Stavropol', 27–28 fevr. 2015 g.)*. Stavropol, Dizain-studiya B Publ., 2015, pp. 56–61.
6. Orehov V. V. *V labirinte Krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
7. Orehov V. V. *Francuzhenka Omer de Gell' i ee puteshestvie po Krymu* [Frenchwoman Hommaire de Hell and her journey through the Crimea]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. Simferopol, 2004, no. 8, pp. 183–215.
8. Orehov V. V. *Francuzskaja armija u sten Sevastopolja: 1854–1855 gg.* [French army at the walls of Sevastopol: 1854–1855]. Simferopol, Tavrija-Pljus Publ., 2003. 280 p.
9. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
10. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Pis'mo P. P. Svin'ina v «Otechestvennye zapiski» kak material dlja kommentarija k «Putevym zametkam» A. S. Griboedova* [Letter by P. P. Svinin to “Otechestvennye zapiski” as material for a commentary on “Travel Notes” by A. S. Griboedov]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2020, vol. 6 (73), no. 4, pp. 70–91.
11. Orehova L. A., Pervyh D. K. F. Revelioti: arhivnyj kommentarij k Krymskim zametkam A. S. Griboedova i pis'mu P. P. Svin'ina v «Otechestvennye zapiski» 1825 goda [F. Revelioti: archival commentary on the Crimean notes of A. S. Griboedov and the letter by P. P. Svinin in “Otechestvennye zapiski” of 1825]. *«Um i dela tvoi bessmertny v pamjati russkoj...». Mat-ly mezhdunar. konf. 7–9 oktjabrja 2015 g. Hmelitskij sbornik. Vyp. 17. Vjaz'ma-Hmelita*, 2016, pp. 116–130.
12. Patrikeeva M. V. *Krymskaya voina 1853–1856 gg. v literaturnoi pamyati sovremennikov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Crimean War 1853–1856. in the literary memory of contemporaries. Abstract of thesis]. Moscow, 2022. 28 p.
13. Tartakovskii A. G. *1812 god i russkaya memuaristika: Opyta istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoirs: Experience in source study]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 312 p.

14. Fedyanova G. V. *Krymskaya voina v russkoi poezii 1850-kh godov: Dis. ... kand. filol. nauk* [The Crimean War in Russian poetry of the 1850s. Thesis]. Kolomna, 2008. 251 p.
15. Fet A. *Moi vospominaniya. 1848–1889: v 2-kh ch.* [My memories. 1848–1889: in 2 parts]. Moscow, Printing house A. I. Mamontov Publ., 1890.
16. Fet A. A. *Perepiska s N. N. Strakhovym* [Correspondence with N. N. Strakhov]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, vol. 103: A. A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie: v 2-kh kn., no. 2, pp. 233–550.
17. Fet A. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii* [Complete collection of poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 905 p.
18. Fet A. A. *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Editorial board A. V. Achkasov i dr. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2002–.
19. Cheremisina L. I. *Krymskaya stranitsa v biografii Feta: Afanasii Fet i Ksenofont Revelioti* [Crimean page in Fet's biography: Afanasy Fet and Xenophon Revelioti]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 289–295.
20. Chechulin N. D. *Memuary, ikh znachenie i mesto v ryadu istoricheskikh istochnikov. Vstupitel'naya leksiya, chitannaya v Sankt-Peterburgskom universitete 22 yanvarya 1891 g. pered nachalom kursa «Russkie memuary XVIII v.»* [Memoirs, their significance and place among historical sources. Introductory lecture given at St. Petersburg University on January 22, 1891 before the start of the course “Russian Memoirs of the 18th century”]. St. Petersburg, Red. zhurn. Bibliograf (N. M. Lisovskogo) Publ., 1891. 16 p.
21. Shapovalova N. V. *Khudozhestvennaya literatura i memuary kak istochnik po izucheniyu oborony Sevastopolya v 1854–1855 godakh: dis. ... kand. istorich. nauk* [Fiction and memoirs as a source for studying the defense of Sevastopol in 1854–1855. Thesis]. Moscow, 2018. 209 p.
22. Shelgunov N. V., Shelgunova L. P., Mikhailov M. L. *Vospominaniya: v 2-kh t.* [Memoirs: in 2 volumes]. Moscow; Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 1: *Vospominaniya N. V. Shelgunova*, 510 p.

**OF EASTERN (CRIMEAN) WAR 1853–1856
IN THE LIFE AND MEMOIRS OF A. A. FET**

Baranskaya E. M.

The article traces the interpretation of the realities of the Eastern (Crimean) War of 1853–1856 in the everyday biography and memoirs of A. A. Fet. The memoirs of A. A. Fet about the Crimean War, which are recorded in the 1890 memoirs “My Memories”. The poet's perception and literary representation of military events is analyzed taking into account his poetic and aesthetic attitudes. The emphasis is placed on the creativity of memoir prose created by a lyricist whose poetic thinking is inclined to a purely aesthetic comprehension of the world, which explains the selectivity of A. Fet's poetic memory. It is emphasized that the attitude to the military campaign itself is not directly expressed in the memoir text, there is no exact dating of what is happening, only indirect evidence is presented. It is noted that A. Fet's memoirs of the period of the Baltic campaign are lyrically fragmentary, created by a poet-observer; highly emotional and subjective. The everyday-economic view of the author of the memoirs is justified in the aesthetic concept of the artist-creator. It has been established that the Crimean War, embodied in the faces of A. Fet's friends and colleagues, is firmly included in his biographical life, and in literature receives an aesthetic facet.

Keywords: A. A. Fet, Eastern (Crimean) War, Baltic campaign, trip to Crimea, memoirs, “My Memories. 1848–1889”, poet-esthete.

УДК 398.1

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИНДОНЕЗИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1970-х – 2010-х ГОДОВ

Кирчанов М. В.

*ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Воронеж, Российская Федерация
e-mail: maskym_kyrchanoff@hotmail.com*

В статье рассматриваются особенности развития научной фантастики в Индонезии как фактора интеллектуальной и культурной истории индонезийского общества 1970-х – 2010-х гг. Показаны 1) особенности и направления истории развития ранней научной фантастики в Индонезии в текстах Джоколелона, 2) тенденции исторического развития научно-фантастического дискурса в начале XXI в., 3) восприятие политических, религиозных и социальных проблем в современной индонезийской научной фантастике 2010-х гг. Анализируется 1) вклад индонезийской научной фантастики в историю политической и социально-экономической модернизации, 2) роль фантастического дискурса в истории консолидации и укрепления национальной идентичности, 3) вклад интеллектуалов в общественные дебаты относительно социальных, экологических и религиозных проблем современного общества.

Ключевые слова: массовая культура, интеллектуальная история, научная фантастика, Индонезия, ислам, национализм, дистопия, интеллектуалы.

ВВЕДЕНИЕ

Важным фактором в современной истории большинства национальных литератур является процесс глобализации, который затрагивает все страны мира. Не является исключением из подобной универсальной логики культурного развития и Индонезия. Несмотря на то, что Индонезия на современном этапе обладает не только уникальной национальной культурой с ярко выраженными историческими и этническими особенностями, но и является самой крупной мусульманской страной в мире, глобализация существенно влияет на основные векторы и траектории ее культурного развития. С середины XX в. в Индонезии развивалась национальная версия общества потребления, которое нуждалось в собственных культурных основаниях, что привело к появлению массовой культуры. Научная фантастика является одним из наиболее динамично развивающихся направлений практически в каждой массовой культуре современного глобализирующегося мира. Опыт исторического развития индонезийской массовой литературы, включая научную фантастику, на протяжении первой четверти XXI в. подтверждает эту тенденцию.

Цель настоящей статьи – анализ истории научной фантастики как культурного и интеллектуального явления в развитии индонезийской версии массовой культуры. В число задач статьи входит изучение особенностей генезиса и истории научной фантастики как сегмента литературы общества потребления; выделение и изучение исторического развития основных тематических направлений, в которых работают индонезийские писатели-фантасты; рассмотрение места фантастического дискурса в истории развития индонезийской идентичности через призму проекта гражданского национализма; выявление перспектив развития научно-фантастического сегмента в современной интеллектуальной истории индонезийской массовой культуры.

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В плане методологии автор статьи следует за принципами современной постмодернистской историографии [25], наиболее динамично развивающимися направлениями которой являются интеллектуальная история, история идей, археология идей и культуральная история. Суммируя достижения современной методологии гуманитарных исторических исследований [6], история культурной активности писателей-фантастов Индонезии воспринимается как процесс конструирования нарративов [10], которые анализируются через призму инвенционистского и имагинативного поворотов [13], а сами авторы рассматриваются как представители индонезийского сообщества, которые вовлечены в процессы националистического воображения, легитимируя индонезийскую идентичность через (вос)производство текстов, которые можно воспринимать как конструкты. В рамках подобной методологии тексты редуцируются до исторических, культурных и интеллектуальных конструктов [32], которые воспроизводят различные версии и формы идентичности [23], отражая проблемы, важные и актуальные для современного индонезийского социума – от коллективной памяти до роли ислама в незападном обществе потребления.

Проблемы истории индонезийской научно-фантастической литературы входят в число тем, которые практически не получили изучения в современной российской историографии, включая как комплексное индонезиеведение, так и направления литературоведения, сфокусированные на анализе литературного процесса и истории национальных литератур в странах Юго-Восточной Азии [1]. Что касается англо-американской историографии, то и ее представители, к сожалению, крайне редко обращаются к анализу научной фантастики как одного из системных элементов массовой культуры и общества потребления в Индонезии [28]. Что касается западной модели истории развития научно-фантастической литературы, в том числе – и в мусульманских странах [7], то проблемам ее развития также уделяется крайне мало внимания. Наличие подобной историографической лакуны следует признать фактором, стимулирующим изучение современной индонезийской научной фантастики в междисциплинарной перспективе, актуализируя как ее место в массовой культуре, так и ту роль, которую она играет в функционировании идентичности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ранняя научная фантастика в индонезийской интеллектуальной истории (1970-е гг.)

Генезис индонезийской научной фантастики может быть датирован периодом существования режима «нового порядка». Роман Джоколелано «Jatuh Ke Matahari» («Падение на солнце») [8], опубликованный в 1976 г. на индонезийском языке, считается первым научно-фантастическим романом, написанным национальным автором и изданным в Индонезии. Сюжет романа для 1970-х гг. может быть признан в определенной степени вторичным: земная экспедиция летит колонизировать Венеру, но во время полета происходит авария и персонаж, который является индонезийцем, спасает миссию [24]. В этом типичном для фантастического жанра

сюжете важно только участие футуристической Индонезии в колонизации космоса, что отражало одновременно растущее национальное индонезийское сознание и определенный научно-технический оптимизм и веру в прогресс, увлечения которой в 1970-е гг. не смогли избежать и индонезийские интеллектуалы.

«Падение на солнце» актуализировало во второй половине 1970-х гг. родовые травмы научно-фантастического жанра в Индонезии, которые в одинаковой степени были связаны не только с национализмом, но и оказались зависимы от проекта модернизации, невозможной без ее интернационализации и внешнего участия. Комментируя особенности раннего научно-фантастического дискурса, критиками признается и то, что «с самого начала Индонезия была страной, которую нельзя было отделить от интернационализма. Сукарно сказал, что национализм и интернационализм – понятия, которые идут рука об руку друг с другом. Согласно Сукарно, интернационализм не может процветать, если он не укоренен в почве национализма. Национализм не может процветать, если он не живет в садах интернационализма» [18].

«Падение на солнце» можно рассматривать как одну из иллюстраций к подобному восприятию национализма, так как именно в этом тексте индонезиец будущего (согласно официальной идеологической логике 1970-х гг. – националист и технократ) спасает представителей других групп, что актуализировало и подчеркивало мессианскую роль новой индонезийской идентичности. За этим текстом, к сожалению, не последовали другие. Примечательно и то, что роман вышел в один год с запуском Индонезией первого собственного искусственного спутника [7], что использовалось режимом «нового порядка» для создания образа динамично развивающегося и прогрессивного будущего. В этой идеологии научной фантастике отводилась второстепенная роль легитимационного инструмента. Поэтому дискретность и наличие лакун является основным качеством научно-фантастической литературы в Индонезии.

В этой ситуации некоторые критики радикально утверждают, что «в Индонезии нет культуры научной фантастики... если и существовала научная фантастика до и после 1976 г., она полностью скрыта в истории культуры, и поэтому не имеет значения для ее развития» [15]. В свою очередь, сам Джоколелоно полагает, что «научная фантастика в Индонезии существовала до того, как он издал свой роман в 1976 г.» [17].

Основные направления истории индонезийской научной фантастики в 2000-е гг.

Возрождение научно-фантастической литературы и тенденции ее роста в Индонезии стали заметны относительно поздно – в 2000-е гг., когда в 2001 г. вышел роман «Supernova» Деви Лестари [19]. Этот текст, воспринятый критикой как преимущественно постмодернистский [1], актуализировал системные особенности и характеристики научно-фантастического дискурса в современной Индонезии, где фантастика стала формой актуализации социальных и политических проблем, которые не принято обсуждать в стране с мусульманским большинством. «Supernova», чрезмерно перегруженная научной лексикой, не только представляет

описание динамично модернизирующегося общества, но визуализирует социальные проблемы – от проституции до чрезмерного употребления алкоголя, от кризиса традиционных ценностей до эмансипации женщины в мусульманской стране. В этом контексте критики в мусульманских странах (например, Хишам Аль Бустани [3]) солидарны в восприятии научной фантастики как формы популяризации и легитимации проекта модернизации.

К началу XXI в. критика обратила внимание на Джоколелано, который к тому времени оставался едва ли не единственным признанным индонезийским автором, работавшим в жанре научной фантастики и фактически ставшим создателем национального канона подобной литературы в Индонезии. Последний представлен в ряде его текстов, включая трилогию «Исследователи космоса» («Penjelajah Antariksa»), которая состоит из романов «Катастрофа на планете Поа» («Bencana di Planet Poa»), «Спасательные шлюпки» («Sekoci Penyelamat») и «Кунин поднимается вверх» («Kunin Bergolak»), а также романа «Черная звезда» («Bintang Hitam»), который стал фактически продолжением «Падения на солнце», вышедшем еще во второй половине 1970-х гг.

Эти тексты определили основные положения индонезийского научно-фантастического канона. Согласно последнему, сюжетные линии, как правило, разворачиваются в далеком будущем и за пределами земли, а героями являются индонезийцы, говорящие на индонезийском языке. Последние два фактора имели особое значение в контекстах как развития индонезийского национализма, так и актуализации идеи будущего, воображенного в национальной системе координат. В начале 2000-х гг. к фантастике обратились и другие индонезийские авторы. Их обращение к этому жанру было иным и радикально отличалось от побудительных мотивов авторов «Падения на Солнце».

Если роман 1976 г. был оригинальным текстом, который принадлежал к научно-фантастическому канону, то произведения 2000-х гг. в большей степени были вдохновлены рынком, отразив ориентацию их авторов на запросы общества потребления. В 2004 г. вышел роман «Аномалия» Сантопая [30], в 2005 – «Ласкар Пеланги» Андреа Хираты [12], в 2006 г. – «Йонатан Рахарджо» Лананга [26]. Первый из этих текстов, где центральными героями являются учащиеся школы-интерната, созданного под эгидой «Мухаммадии», одной из крупнейших мусульманских организаций, интересен попыткой интегрировать в формально фантастический дискурс актуальные политические проблемы Индонезии – от ислама и религиозного образования до бедности и радикального исламизма.

Формально тексты индонезийских авторов, которые мы рассмотрели, могут быть отнесены к научно-фантастическому жанру, но фактически они представляют собой постмодернистские тексты-конструкты, пастиши и метацитаты, отсылающие читателя как к индонезийскому, так и зарубежному литературному наследию, имитируя и симулируя стилевые и жанровые особенности не только собственно научной фантастики, но и детектива, психологического романа и современной «высокой культурой», представленной весьма условной «классикой». Во внимание следует принимать и то, что более поздняя «трансплантация» научно-фантастического жанра в индонезийскую культуру предопределила особенности его функционирования в Индонезии [21].

Первые научно-фантастические тексты 1970-х гг., лакуны в развитии жанра, взрывообразный рост интереса к этому направлению в начале 2000-х гг. оказали влияние на то, что индонезийский культурный контекст оказался более восприимчивым к западной фантастике, предложенной в форме переводной литературы или кинематографа. Падение в 1998 г. режима «нового порядка», начало процессов демократизации, возвращение к принципам идеологического плюрализма, частичное восстановление роли политического ислама – все эти факторы содействовали кризису идеологии индонезийского национализма, которая не только до этого доминировала, но и существенно влияла на основные векторы и траектории развития литературы, включая научную фантастику, в истории которой в Индонезии в 2000 – 2010-е гг. начался новый этап.

История отношений научной фантастики и ислама в Индонезии в 2000-е гг.

В 2000-е – 2010-е гг. в функционировании научно-фантастического жанра в Индонезии стали заметны новые тенденции, связанные с процессом демократизации, большей интеграции индонезийской литературы в мировой канон, сменой литературных поколений и большей цифровизацией литературы. Важнейшим фактором, который начал определять новейшую историю фантастики в Индонезии, стало формирование новой политической повестки дня, одно из центральных мест в которой заняли проблемы, связанные с ростом идеологической альтернативы, представленной радикальным исламом.

Проявлением последней тенденции стало, например, появление текстов Ратри Ниндити на специализированных литературных сайтах, что, например, относится к ее рассказу «Pemulung Masa Depan» («Мусорщики будущего»). В центре текста – антиутопический мир Индонезии конца 2030-х гг., где деградировавшее общество придается религиозному фанатизму, слушая проповеди, транслируемые из «Священных Башен» [22]. В этом контексте научно-фантастическая литература актуализирует свою роль как пространства воображения, изобретения и конструирования идентичностей, что фактически ведет к большей фрагментации общества на национальном уровне [11], визуализируя различные логики функционирования фантастического дискурса в западных и исламских странах [28].

Другой индонезийский автор, Л. А. С. Андраван, предпринимает несколько иную попытку деконструкции и ревизии роли ислама в Индонезии, предлагая модель дистопии, основанной на деконструкции понятия «смерть» из реальности, так как сознание человека в воображаемом им социуме подвергается цифровизации и переносу в другие тела при помощи инопланетных технологий. Андраван проецирует тупиковый сценарий развития современной цивилизации, обыденными явлениями для которой, по его мнению, могут стать «вспышки вирусов, ядерная война, кислотный дождь, глобальное похолодание», что превратит Землю в «клише постапокалиптического научно-фантастического сеттинга: разрушенная, обшарпанная планета, где все же осталась лишь крупица надежды. Что хорошего в том, чтобы жить в человеческом теле? Быть человеком значит быть бесполезным» [14].

Андина Двифатма, еще одна представительница нового поколения писателей-фантастов, в деконструкции ислама идет дальше других современных индонезийских

авторов, сделав главным героем одного из рассказов робота-мусульманина: «раздался тихий хлопающий звук. Мы с нетерпением ждали. Через несколько минут робот Линус открыл глаза, а затем выбрался из своей скорлупы. Он моргнул, глядя на всех нас, затем широко улыбнулся и сказал: “Ассаламу алейкум варахматуллахи вабаракатух”. Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. За всю нашу жизнь мы ни разу не слышали, чтобы Линус говорил кому-либо “ассальямуалейкум”. Нам было странно видеть, как он так широко улыбается. За всю нашу дружбу я помню только один раз, когда я видел, как он так широко улыбался – это произошло в день убийства Доналда Трампа... но с каждым днем мы находили все больше и больше нарушений: робот Линус оказывается очень религиозным» [9].

Робот-мусульманин предстает как карикатура на сторонников радикального ислама: «Робот Линус боролся с безнравственностью. Он выбросил всю коллекцию спиртных напитков и всю свинину из холодильника. Он даже напал на Ясинту и ее парня Роби, которые ночевали в гостевой спальне» [9]. В рамках такого культурного контекста, формируемого индонезийскими авторами, логично предположить, что они не разделяют идеи своих мусульманских предшественников Ближнего Востока, которые конструировали «идеальное общество, управляемое мусульманскими философами, в качестве образца для управления в исламском мире» [9].

***Попытки деконструкции исламского фактора
в новейшей истории индонезийской научной фантастики конца 2010-х гг.***

Несмотря на это научно-фантастический дискурс в литературах мусульманских стран актуализирует возможность реализации «параллельных миростроительных возможностей научной революции, открыто говоря об инструментах, которые предлагаются нам для переосмысления прошлого и настоящего, так как литературные вмешательства и художественные интервенции научной фантастики в реальность помогают нам представить себя вне все более враждебного мира, создаваемым в нашем воображении» [31]. Современными индонезийскими авторами ислам воспринимается не как фундаментальная основа утопического или дистопического мира будущего, но как основа легитимации культуры, основанной на тотальной серийности.

Полная деконструкция ислама из литературного контекста является в современной Индонезии невозможной. Актуализация образов ислама как одного из системных элементов индонезийской идентичности вынуждает интеллектуалов формулировать не совсем коррективные, с точки зрения, классического ислама вопросы. Например, Ади Ринальди, одновременно подчёркивая роль ислама в политических реалиях Индонезии и деконструируя его из научно-фантастического дискурса, патетически вопрошает читателей «Где находится кибла, если мы захотим совершить намаз на Марсе?». Отвечая на этот вопрос, индонезийский астроном Адли Рахмат Реноран не только признал его важность, но и констатировал то, что «среди индонезийских ученых по этому поводу идут дебаты» [27].

В этой ситуации некоторые индонезийские интеллектуалы, которые представляют молодое поколение литераторов, склонны деконструировать ислам из системных элементов научно-фантастического дискурса. Подобные сюжеты содействуют в большей степени фрагментации мусульман в Индонезии, хотя некоторые из них склонны позитивно оценивать такую литературу, полагая, что

«научная фантастика вселяет в мусульман оптимизм в отношении будущего. Написание научно-фантастических рассказов может обеспечить своего рода безопасное пространство, своего рода альтернативу реальности сегодняшнего исламофобского мира, но у нас есть свои примеры мусульманских писателей-фантастов, которые превращают реальные проблемы и современную политику, влияющую на мусульманское сообщество, в художественные тексты. Научная фантастика, написанная мусульманами, предоставляет мусульманам священное пространство для исследования своей идентичности и демонстрации последней читателю, показывая, как они могут существовать в будущем» [29].

***Проблемы социальной и политической ответственности
в новейшей истории индонезийской научной фантастики в начале 2020-х гг.***

В целом для современной индонезийской научной фантастики характерен социальный пессимизм и разочарование в проекте модерна, прогресса и секуляризации. Рио Джохан, например, предлагает антиутопический образ Индонезии будущего как одного огромного и перенаселенного мегаполиса [16], а Маина Малахяти [20] и вовсе предрекает крах современной цивилизации, основанной на вере в прогресс и технологии, так как она не в состоянии адекватно реагировать на экологические вызовы, что сближает индонезийскую научную фантастику с аналогичными текстами арабского мира [4], где часть интеллектуалов склонна синтезировать научно-фантастический и экологический дискурс. Диас Новита Вури поднимает тему, которая является нежелательной для верующих мусульман, актуализируя проблемы клонирования человека [33].

Политическое влияние ислама в современной Индонезии стало поводом для рефлексий индонезийских авторов относительно будущего страны: в частности, Шабда Арманди предлагает крайне пессимистический сценарий развития страны, где к власти пришли радикальные исламисты, которые «превратили государство в теократию, начав программу очищения: любой, кто не верил в официальную государственную религию, должен был платить налог в размере 90 % своего дохода» [5]. Научно-фантастическая проза в современной Индонезии, которая постепенно из аналоговых пространств мигрирует в направлении цифровой формы, актуализирует проблемы, представляющие важность для индонезийского общества.

Спектр этих проблем, которые активно актуализируются в научно-фантастической прозе, относительно широк. Проблематика научно-фантастической короткой прозы варьируется от вопросов экологии до вызовов исламского фундаментализма. В этом отношении литература становится барометром общественных и идеологических настроений, а писатели реагируют на угрозы и вызовы, с которыми сталкивается общество. Подобная тематика научно-фантастических произведений в современной индонезийской литературе свидетельствует о кризисе проекта модернизации, поддержка которого обществом и степень легитимации перемен в значительной степени сократилась по сравнению с 1970-ми гг., когда в Индонезии не только появились первые собственные научно-фантастические тексты, но и существовал авторитарный режим, формирования позитивного образа которого они содействовали.

Процессы демократизации, начавшиеся в 1998 г., не только сняли цензурные и идеологические ограничения, но и визуализировали ситуацию фрагментированности

индонезийского общества, так как не все группы одинаково позитивно восприняли современные тенденции развития. Научно-фантастическая литература стала пространством функционирования не только литературного, но и политического дискурса. В этой ситуации индонезийские писатели фантасты оказались вовлечены в производство нарративов, отличных от тех, что предлагаются их западными коллегами. Индонезийская научная фантастика близка к западной исключительно по форме, в то время как в содержательном плане писатели Индонезии предлагают не столько развлекательный, сколько политически и идеологически мотивированный дискурс, актуализирующий социальные, политические и религиозные противоречия, содействующие фрагментации общества.

ВЫВОДЫ

Индонезийская научно-фантастическая литература возникла и развивалась под внешним влиянием. Важнейшими стимулами, которые привели к появлению в Индонезии собственной научной фантастики, стали культурная глобализация и интеллектуальное воздействие со стороны зарубежной, в первую очередь – англо-американской, научно-фантастической литературы. Воздействие со стороны западной литературы в истории индонезийской научной фантастики может быть определено как первичное. Влияние научно-фантастического европейского и американского кинематографа мы можем определить как одно из вторичных влияний, так как оно тоже стимулирует индонезийских авторов создавать научно-фантастические тексты, правда, в большей степени ориентированные на запросы рынка и киноиндустрии и в меньшей – на обслуживание культуры чтения.

Генезис и последующая история индонезийской научной фантастики были связаны с процессами социально-экономической и культурной модернизации. Развитие индонезийской научно-фантастической литературы было бы маловероятно вне процессов политической, социальной и экономической модернизации, которые переживала Индонезия, начиная с середины XX в. Эти радикальные перемены для Индонезии как страны с мусульманским большинством оказались чрезвычайно значительными, что требовало их легитимации не только на политическом, но и на культурном уровне. Частично задачи, связанные с оправданием модернизационного проекта, формированием и продвижением позитивного образа того нового типа общества и социальных отношений, которые складываются в его рамках, взяла на себя индонезийская научная фантастика.

Научно-фантастическая литература в Индонезии стала элементом национальной идентичности, актуализируя и визуализируя существование индонезийцев как политической и гражданской нации, как воображаемого сообщества с его уникальными изобретенными традициями. В этом контексте функции и значение индонезийской научной фантастики мало чем отличались от процессов развития этого направления в других национальных литературах. Появление и история научно-фантастического жанра в литературе Индонезии выполняло важные задачи, связанные с развитием и консолидацией национальной идентичности. Наличие не просто собственной научной фантастики на индонезийском языке, но и жанра со своим уникальным историческим опытом превращало индонезийцев не просто к одну из политических и гражданских наций, но наделяло их полными культурными

структурами и институциями, которые на современном этапе составляют основу функционирования массовой культуры общества потребления.

Таким образом, научная фантастика в современной Индонезии является важным элементом в существовании индонезийской версии массовой культуры общества потребления, актуализируя как общие тенденции и закономерности в развитии этого направления, так и национальные, культурные и религиозные особенности, в большей степени связанные с функционированием фантастического в современной культуре как элемента индонезийской национальной идентичности.

Список литературы

1. *Ершова Ю. С.* Прием постмодернистской симулятивной игры в романе индонезийской писательницы Деви Лестари "Супернова: Кшатрия, Принцесса и Падающая Звезда" (2001) // *Litera*. – 2021. – № 5. – С. 88–96.
2. *Ahmad M.A.* This is the Muslim tradition of sci-fi and speculative fiction // *Aeon*. – 2017. – June 27. – Режим доступа: <https://aeon.co/ideas/think-sci-fi-doesnt-belong-in-the-muslim-world-think-again> – (Дата обращения: 16.03.2024).
3. *Al-Bustani H.* Adab al-khayal al-eilmii: muqarabat earabia (аль-БустаниХ. Научно-фантастическая литература: арабский подход) // *Al Araby Al Jadeed*. – 2018. – Sibtambar 12. – Режим доступа: <https://www.alaraby.co.uk/adb-alkhayalu-aleilmu-miqaribati-earabia> – (Дата обращения: 16.03.2024) (на арабском языке)
4. *Al-Mahdi A.S.* The Survival Guide to Egyptian Dystopia and Apocalypse: Post-Arab Spring Sci-Fi Comes of Age // *Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays* / eds. HA. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha. – L. – NY.: McFarland, 2022. – P. 47–55.
5. *Armandio S.* Keributan di Kamar Sebelah // *Vice*. – 2018. – Januar 6. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/qvw3z3/mengganti-agama-dengan-ilmu-pengetahuan-cerpen-dari-sabda-armandio> – (Дата обращения: 16.03.2024).
6. *Brown C.G.* Postmodernism for Historians. – L. – NY.: Routledge, 2004. – 208 p.
7. *Determann J.M.* Islam, Science Fiction and Extraterrestrial Life: The Culture of Astrobiology in Muslim World. – L. – NY.: I.B. Tauris, 2021. – 288 p.
8. *Djokolelono, Jatuh ke Matahari*. – Jakarta: P.T. DuniaPustakaJaya, 1976. – 86 p.
9. *Dwifatma A.* Linus Damono // *Vice*. – 2018. – Januar 2. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/mbp7gn/linus-si-robot-religius-cerpen-andina-dwifatma>. – (Дата обращения: 16.03.2024).
10. *Elkins J.* Master Narratives and their Discontents. – L. – NY.: Routledge, 2005. – 204 p.
11. *Gunn J.E.* Dividing Lines: TheWorld-View of Science Fiction // *Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays* / eds. HA. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha. – L. – NY.: McFarland, 2022. – P. 5–9.
12. *Hirata A.* Laskar pelangi. – Yogyakarta: Bentang, 2005. – 529 p.
13. *Holmes F.M.* The Historical Imagination: Postmodernism and the Treatment of the Past in Contemporary British Fiction. – L.: English Literary Studies Monograph Series, 2018. – 94 p.
14. *Indrawan L. A. S.* Ambang // *Vice*. – 2018. – Januar 2. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/yw5bbv/di-masa-depan-tubuh-tak-ubahnya-cangkang-cerpen-ambang-dari-leopold-adi-surya> – (Дата обращения: 16.03.2024).
15. *Inka, Why Is There No Science-Fiction Culture In Indonesia?* // *Jupiter's Land: a movie review site*. – 2015. – January 23. – Режим доступа: <https://fly-metojupiter.tumblr.com/post/108908822786/rant-why-is-there-science-fiction-culture-in> – (Дата обращения: 16.03.2024).
16. *Johan R.* Kota // *Vice*. – 2018. – Januar 7. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/mbp99v/proyek-menghidupkan-kembali-yang-sudah-punah-cerpen-kota-dari-rio-johan> – (Дата обращения: 16.03.2024).

17. Kertaspasir, Fantasi Citarasa Indonesia // Ardova. – 2012. – February 20. – Режим доступа: <https://ardova.wordpress.com/2012/02/20/fantasi-citarasa-indonesia/> – (Дата обращения: 16.03.2024).
18. Kertaspasir, Menyelami Mitologi Bersama Djokolelono // Ardova. – 2012. – May 25. – Режим доступа: <https://ardova.wordpress.com/2012/05/25/menyelami-mitologi-bersama-djokolelono-makko-go-show-10-mei-2012/> – (Дата обращения: 16.03.2024).
19. Lestari D. Supernova: Ksatria, Puteri, dan Bintang Jatuh. – Jakarta: Truedee Books, 2001. – 321 p.
20. Malahayati M. Churning waters // Vice. – 2018. – Januar 6. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/gyw5m3/membayang-bayangkan-tenggelamnya-ibu-kota-lewat-cerpen-madina-malahayati> – (Дата обращения: 16.03.2024).
21. Masdiono T. Keberadaan tema fantasi dan fiksi sains dalam ilustrasi // Nirmana. – 1999. – Vol. 1. – № 1. – P. 55–59.
22. Ninditya R. Pemulung Masa Depan// Vice. – 2018. – Januar 1. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/yw53p5/pemulung-masa-depan-di-cerpen-abadi-dari-ratri-ninditya> – (Дата обращения: 16.03.2024).
23. Pickstock C. Repetition and Identity: The Literary Agenda. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 240 p.
24. Purawan F.A. Jatuh ke Matahari (Djokolelono – 1976) // Fiksi dan fantasi Indonesia. – 2009. – Juni 29. – Режим доступа: <http://fikfanindo.blogspot.com/2008/04/jatuh-ke-matahari-djokolelono-1976.html> – (Дата обращения: 16.03.2024).
25. Raab N.A. The Humanities in Transition from Postmodernism into the Digital Age. – L. – NY.: Routledge, 2020. – 218 p.
26. Rahardjo Y. Lanang. – Tangerang: Alvabet, 2008. – 416 p.
27. Renaldi A. Apa Kata Para Ahli Tentang Kemungkinan Kehidupan di Mars // Vice. – 2018. – Januar 4. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/ne43eb/apa-kata-para-ahli-tentang-kemungkinan-kehidupan-di-mars> – (Дата обращения: 16.03.2024).
28. Riawani E. Raising the Elements of Locality and the Moral Story in SF: An Attempt to Make SF a Classy Genre in Indonesia // Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays / eds. HA. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha. – L. – NY.: McFarland, 2022. – P. 325 – 330.
29. Risi F. Sains Fiksi Membuat Muslim Sepertiku Tetap Optimis Menatap Masa Depan // Vice. – 2017. – Juni 24. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/paynzv/sains-fiksi-membuat-muslim-sepertiku-tetap-optimis-menatap-masa-depan> – (Дата обращения: 16.03.2024).
30. Santopay, Anomali. – Yogyakarta: Alinea., 2004. – 388 p.
31. Sbeete N. Al-khayal al-eilmi fi waqie earabiin (СбитиН. Научная фантастик аварабской реальности) // Al Araby Al Jadeed. – 2021. – Maris 30. – Режим доступа: <https://www.alaraby.co.uk/culture/nadit-sbiti-alkhayalu-aleilmi-fi-waqie-eirabiun> – (Дата обращения: 16.03.2024). (на арабском языке)
32. Uytanlet J. L. The Hybrid Tsinoys: Challenges of Hybridity and Homogeneity as Sociocultural Constructs among the Chinese in the Philippines. – NY.: American Society of Missiology Monograph, 2016. – 335 p.
33. Wuri D. N. Dioscuri // Vice. – 2018. – Januar 7. – Режим доступа: <https://www.vice.com/id/article/qvwzpz/nasib-manusia-hasil-kloning-cerpen-dioscuri-dari-diasnovita-wuri> – (Дата обращения: 16.03.2024).

References

1. Ershova Yu. S. Reception of postmodern simulation game in the novel by Indonesian writer Devi Lestari "Supernova: Kshatriya, Princess and Falling Star" (2001). *Litera*. 2021, no. 5, pp. 88–96.

2. Ahmad M. A. *This is the Muslim tradition of sci-fi and speculative fiction*. *Aeon*. 2017. June 27. Retrieved from <https://aeon.co/ideas/think-sci-fi-doesnt-belong-in-the-muslim-world-think-again> (accessed 16 March 2021).
3. Al-Bustani H. *SciFi Literature: Araboc approach*. *Al Araby Al Jadeed*. 2018. September 12. Retrieved from <https://www.alaraby.co.uk/adb-alkhayalu-aleilmiu-miqaribati-earabia> (accessed 16 March 2021) (in Arabic)
4. Al-Mahdi A.S. *The Survival Guide to Egyptian Dystopia and Apocalypse: Post-Arab Spring Sci-Fi Comes of Age*. In HA. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha (eds.). *Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays*. L. – NY.: McFarland, 2022, pp. 47 – 55.
5. Armandio S. *Noise in the Next Room*. *Vice*. 2018. Januar 6. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/qvw3z3/mengganti-agama-dengan-ilmu-pengetahuan-cerpen-dari-sabda-armandio> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
6. Brown C.G. *Postmodernism for Historians*. L. – NY.: Routledge, 2004. 208 p.
7. Determann J. M. *Islam, Science Fiction and Extraterrestrial Life: The Culture of Astrobiology in Muslim World*. L. – NY.: I.B. Tauris, 2021. 288 p.
8. Djokolelono, *Fall into the Sun*. *Jakarta: P.T. Dunia Pustaka Jaya*, 1976. 86 p. (in Indonesian)
9. Dwifatma A. *Linus is a robot*. *Vice*. 2018. Januar 2. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/mbp7gn/linus-si-robot-religius-cerpen-andina-dwifatma> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
10. Elkins J. *Master Narratives and their Discontents*. L. – NY.: Routledge, 2005. 204 p.
11. Gunn J.E. *Dividing Lines: The World-View of Science Fiction In HA*. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha (eds.). *Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays*. L. – NY.: McFarland, 2022: 5–9.
12. Hirata A. *Rainbow Troops*. *Yogyakarta: Bentang*, 2005. 529 p. (in Indonesian)
13. Holmes F.M. *The Historical Imagination: Postmodernism and the Treatment of the Past in Contemporary British Fiction*. L.: *English Literary Studies Monograph Series*, 2018. 94 p.
14. Indrawan L. A. S. *Threshold*. *Vice*. 2018. Januar 2. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/yw5bbv/di-masa-depan-tubuh-tak-ubahnya-cangkang-cerpen-ambang-dari-leopold-adi-surya> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
15. Inka, *Why Is There No Science-Fiction Culture In Indonesia? Jupiter's Land: a movie review site*. 2015. January 23. Retrieved from <https://fly-metojupiter.tumblr.com/post/108908822786/rant-why-is-there-science-fiction-culture-in> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
16. Johan R. *City*. *Vice*. 2018. Januar 7. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/mbp99v/proyek-menghidupkan-kembali-yang-sudah-punah-cerpen-kota-dari-rio-johan> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
17. *Kertaspasir, Taste of Indonesian Fantasy*. *Ardova*. 2012. February 20. Retrieved from <https://ardova.wordpress.com/2012/02/20/fantasi-citarasa-indonesia/> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
18. *Kertaspasir, Dive into Mythology with Djokolelono*. *Ardova*. 2012. May 25. Retrieved from <https://ardova.wordpress.com/2012/05/25/menyelami-mitologi-bersama-djokolelono-makko-go-show-10-mei-2012/> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
19. Lestari D. *Supernovas: Knights, Princesses and Shooting Stars*. *Jakarta: Truedee Books*, 2001. 321 p. (in Indonesian)
20. Malahayati M. *Churning waters*. *Vice*. 2018. Januar 6. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/gyw5m3/membayang-bayangkan-tenggelamnya-ibu-kota-lewat-cerpen-madina-malahayati> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
21. Masdiono T. *The presence of fantasy and science fiction themes in illustrations*. *Nirmana*. 1999, vol. 1, no. 1, pp. 55 – 59.
22. Ninditya R. *Scavengers of the Future*. *Vice*. 2018. January 1. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/yw53p5/pemulung-masa-depan-di-cerpen-abadi-dari-ratri-ninditya> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)

23. Pickstock C. *Repetition and Identity: The Literary Agenda*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 240 p.
24. Purawan F.A. *Falling into the Sun* (Djokoleno – 1976). *Fiksi dan fantasi Indonesia*. 2009. Juni 29. Retrieved from <http://fikfanindo.blogspot.com/2008/04/jatuh-ke-matahari-djokolelono-1976.html> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
25. Raab N.A. *The Humanities in Transition from Postmodernism into the Digital Age*. L. – NY.: Routledge, 2020. 218 p.
26. Rahardjo Y. *Boy. Tangerang: Alvabet*, 2008. 416 p. (in Indonesian)
27. Renaldi A. *What Experts Say About Possible Life on Mars*. *Vice*. 2018. January 4. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/ne43eb/apa-kata-para-ahli-tentang-kemungkinan-kehidupan-di-mars> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
28. Riawani E. *Raising the Elements of Locality and the Moral Story in SF: An Attempt to Make SF a Classy Genre in Indonesia In HA*. Ibrahim Elzembely, E. El-Din Aysha (eds.). *Arab and Muslim Science Fiction. Critical Essays*. L. – NY.: McFarland, 2022, pp. 325 – 330.
29. Risi F. *Science Fiction Keeps Muslims Like Me Optimistic For The Future*. *Vice*. 2017. June 24. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/paynzv/sains-fiksi-membuat-muslim-seperti-ku-tetap-optimis-menatap-masa-depan> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)
30. *Santopay, Anomaly Yogyakarta: Alinea.*, 2004. 388 p. (in Indonesian)
31. Sbeetee N. *SciFiu Literature in Arabic reality*. *Al Araby Al Jadeed*. 2021. March 30. Retrieved from <https://www.alaraby.co.uk/culture/nadit-sbiti-alkhayalu-aleilmi-fi-waqieu-eirabiun> (in Arabic)
32. Uytanlet J. L. *The Hybrid Tsinoy: Challenges of Hybridity and Homogeneity as Sociocultural Constructs among the Chinese in the Philippines*. NY.: American Society of Missiology Monograph, 2016. 335 p.
33. Wuri D. N. *Dioscuri*. *Vice*. 2018. January 7. Retrieved from <https://www.vice.com/id/article/qvwzpp/nasib-manusia-hasil-kloning-cerpen-dioscuri-dari-dias-novita-wuri> (accessed 16 March 2021) (in Indonesian)

**SCIENCE FICTION LITERATURE AS A FACTOR
IN THE INTELLECTUAL HISTORY OF INDONESIAN
SOCIETY IN THE 1970S-2010S**

Maksym W. Kyrchanoff

The author in the presented article considers the main features of the development of science fiction in Indonesia as a factor in the intellectual and cultural history of the Indonesian society in the 1970s - 2010s. Therefore, the author analyzes 1) the main stages in the history of science fiction literature in Indonesia, 2) its historical interdependence with the development and cultural history of the ideology of Indonesian nationalism, 2) the trends of the current stage of the historical development of science fiction discourse in the context of virtualization of the literary process. The article analyzes 1) the features and directions of the history of the development of early science fiction in Indonesia in the texts of Djokolelono, 2) the trends in the historical development of science fiction discourse in the early 21st century, 3) the perception of political, religious and social problems in modern Indonesian science fiction of the 2010s gg. The article shows 1) the contribution of Indonesian science fiction to the history of political and socio-economic modernization, 2) the role of fantastic discourse in the history of consolidation and strengthening of national identity, 3) the contribution of intellectuals to public debates regarding the social, environmental and religious problems of modern society.

Keywords: popular culture, intellectual history, science fiction, Indonesia, Islam, nationalism, dystopia, intellectuals.

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ IV.
ИСТОРИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: v-orehov@mail.ru*

Официальный французский историограф барон де Базанкур начинал свое творчество как романист. Его интерес к французской истории воплотился уже в первом романе «Летучий эскадрон королевы» (1836), посвященном эпохе Екатерины Медичи. В дальнейшем писатель активно публиковал романы-фельетоны, в которых действие, как правило, разворачивалось в современной автору реальности, однако историческая тематика не была забыта. В 1838 г. Базанкур напечатал роман-фельетон «Гастон де Фуа», где речь шла о событиях XIV в. В 1842 г. вышел роман «Жером Рюде», сюжет которого отнесен к 1440 году. В 1844 г. был опубликован роман «Граф де Рьенни», где автор вновь обращался к эпохе XIV в. Эти сочинения либо остались незамеченными критикой, либо вызвали серьезные замечания. Основные упреки касались, прежде всего, недостаточного умения автора воссоздать «исторический колорит» и приблизить психологию персонажей к реалиям эпохи. Закономерно предположить, что именно слабый успех в жанре исторического романа побудил барона де Базанкура изменить творческую стратегию и искать реализацию своих исторических интересов в сфере не художественных, а научных исследований.

Ключевые слова: барон де Базанкур, исторический роман, эпоха романтизма, историзм, исторический колорит.

ВВЕДЕНИЕ

Путь барона Ф. Ж. де Базанкура к военной истории пролегал через жанр исторического романа. Напомним, что литературное творчество барона началось с публикации в 1836 г. объемного произведения «Летучий эскадрон королевы (1560)», посвященного эпохе Екатерины Медичи. Роман создавался в романтической традиции, и, хотя в повествовании фигурировали реальные исторические личности, сюжет являлся плодом авторской фантазии. Впрочем, де Базанкур стремился передать читателю «колорит эпохи»: текст содержал экскурсы в историю Франции и придворного быта, писатель пояснял историзмы и цитировал исторические хроники.

Известный литературовед П. Д. Якубович отмечал, что писать в 1830-х гг. «“исторический” роман <...> – значило вспоминать метод только что умершего создателя жанра» [18, с. 168], то есть – Вальтер Скотта. Очевидно, что барон де Базанкур ориентировался еще и на французские образцы, в частности, на «Собор Парижской Богоматери» (1831). Но в любом случае он стремился к решению задачи, которую ставила перед художником идеология и поэтика романтизма: не «пересказать» события прошлого, а «угадать и воссоздать прежде всего “дух эпохи”» [6, с. 21]. При этом решающую роль играл авторский вымысел, а историческая конкретика лишь помогала создать «общее впечатление исторической верности,

подкрепленной документацией» [18, с. 168]. Отсылки к документальным свидетельствам стали важным элементом исторического романа [4, с. 130–131], но – лишь в качестве «реперных точек», между которыми пролегал простор авторской фантазии, стремящейся к воссозданию подробностей, «отсутствующих в документах, но определяющих характер всей эпохи» [13, с. 121].

На какой-то момент исторический роман превратился в один из ведущих жанров, но уже в 1830-е гг. интерес публики к нему начал ослабевать, хотя в печати появлялись произведения, которые ныне причисляются к лучшим образцам жанра [14, с. 557]. Б. Г. Реизов объяснял этот спад популярности трансформацией общественных настроений: «изучение современности казалось более необходимым, чем картины прошлого, как бы они ни были великолепны» [14, с. 558].

Несмотря на такие не слишком благоприятные условия «читательской ситуации» барон де Базанкур неоднократно возвращался к исторической романистике. **Цель** настоящей статьи – проследить историю художественных поисков писателя в этом направлении.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Средневековье и романная реальность

В художественном отношении первый исторический роман барона де Базанкура «Летучий эскадрон королевы (1560)» не был совершенен, но все же в нем угадывались задатки автора, а в качестве литературного дебюта сочинение выглядело вполне пристойно и привлекло внимание читателей [8, с. 54–60].

В дальнейшем Базанкур активно публиковал романы-фельетоны и повести, в которых действие, как правило, разворачивалось в современной автору реальности, однако историческая тематика не была вовсе забыта. В 1838 г. в газете «La Presse» барон де Базанкур разместил небольшой роман-фельетон (по охвату событий, скорее, повесть) «Гастон де Фуа», где обращался к XIV веку. Сюжет был далек от исторической данности, а «колорит эпохи» сводился к стереотипным, множество раз обыгранным в литературе представлениям о средневековье с его суевериями, замками, рыцарями, сильными характерами и жестоким нравами [9, с. 51–52]. Эти характеры и нравы в изображении Базанкура значительно отличались от норм XIX в., и, думается, автор таким образом демонстрировал истину, открытую миропредставлением романтизма, – о несходстве психологии людей разных эпох [15, с. 7]. К моменту выхода «Гастона де Фуа» эта мысль уже не выглядела новой. Читателя интересовала историческая обусловленность психологических и нравственных отличий разных эпох, но сочинение барона не раскрывали этого. «Сильные характеры» его персонажей были иными, нежели характеры современников, но причины этой «инаковости» оставались за пределами авторского внимания. Судя по тому, что «Гастон де Фуа» не вызвал литературно-критического обсуждения, роман-фельетон был воспринят как «проходное явление», которое, подобно многим другим, претендовало на воссоздание «духа эпохи», а на самом деле воссоздавало дух порою вальтер-скоттовского, а порою готического романа.

«Жером Рюде»

Интерес Базанкура к истории Франции подпитывался двумя источниками. С одной стороны, он актуализировался литературным запросом современности, с другой – диктовался происхождением автора. В предыдущей части исследования мы уже говорили, что в светской и литературной жизни барон де Базанкур избирал «амплуа» аристократа, причем аристократа в высшем проявлении – наследующего славу, принципы и манеры рыцарских времен [10, с. 36]. Иногда эта роль могла вызывать раздражение. Так, в 1841 г. театральная газета «Les Coulisses» [«Кулисы»] напечатала ироничное сообщение с красноречивым заглавием «Феодальная свадьба»:

«Господин барон де Базанкур, высокородный и могущественный вельможа летучей прессы, кавалер ордена фельетона, командор нескольких газет и, главное, человек достойного общества, вчера женился в аббатстве Нотр-Дам-де-Лоррет на молодой и прекрасной владелице замка с древним гербом. Несколько вассалов отправились в храм помолиться за своего господина и сюзерена, после чего пировали под стенами феодального замка» [36].

Манера поведения и социальные взгляды барона могли раздражать, но факт в том, что аристократизм писателя, как мы уже говорили [10, с. 43], не был наигранным, являлся естественным следствием семейного воспитания и светского общения. Он действительно смотрел на мир глазами родовитого дворянина, и обычное для наследника древней фамилии внимание «к исторической судьбе древних прославленных родов» [1, с. 406] было вполне свойственно барону де Базанкуру. В связи с этим уместно вспомнить наблюдение А. С. Пушкина: «Образованный француз или англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, павшего в такой-то битве или в таком-то году возвратившегося из Палестины <...>» [11, с. 162]. Подобное отношение к исторической памяти было близко и самому Пушкину: Е. В. Тарле замечал, что «<...> история для него была чем-то вроде расширенной их, Пушкиных, семейной хроники» [16, с. 211]. Причем, отмечал историк, для Пушкина важно «не только то, как “водились Пушкины с царями”, а и то, как расходились Пушкины с царями!» [16, с. 212] «Разногласия» с царями (а применительно к Базанкуру – с королями) были подтверждением независимого духа, присущего древнему дворянству, показателем важности той роли, какую аристократические фамилии играли в истории страны, а память писателя об этих фактах служила данью уважения не только ко всему древнему дворянству, но к собственным предкам. Поэтому легко заметить, что в исторических сочинениях Базанкура – и в «Летучем эскадроне королевы», и в «Гастоне де Фуа» – родовитые феодалы изображены скорее соперниками монархов, нежели их смиренными слугами.

Нет ничего удивительного, что, напечатав ряд произведений о современных нравах – «Последнее воспоминание» (1839), «Луиза Дальмар» (1840), «Игра кокетки» (1840), «Мадмуазель Сенневиль» (1841) и др., – в 1842 г. барон де Базанкур снова опубликовал исторический роман, озаглавив его «Жером Рюде. 1440 год» [«Jérôme Rudeix. 1440»].

События разворачиваются в Париже в эпоху правления Карла VII и завершающей стадии Столетней войны: прошло 9 лет после казни Жанны д'Арк и осталось еще 13 лет до битвы при Кастильоне, определившей окончательную победу французов. Уже на первых страницах романа мельком упоминается Собор Парижской Богоматери [22, т. 1, р. 17], что, видимо, должно было настроить «читательские ожидания» на необходимую «жанровую волну».

Главный герой романа – молодой граф Гастон Деннари, соблазнивший простую девушку Леану, которая искренне полюбила графа и была вынуждена покинуть ради него дом отца. К моменту начала описываемых событий Деннари охладил к Леане, поскольку его мысли теперь заняты блестящей придворной дамой Агнессой Сорель. Агнесса Сорель – личность реальная и известная – фаворитка Карла VII, долгое время имевшая значительное влияние на придворную и политическую жизнь. П. де Барант в «Истории герцогов Бургундских» характеризовал Агнессу Сорель так: «Говорили, что она давала королю лишь добрые советы и тем самым оказала королевству “большие услуги”» [21, р. 218].

Страсть молодого графа Деннари к Агнессе приобретает вид одержимости. Пытаясь завоевать внимание надменной красавицы, он вступает в жаркие конфликты с соперниками, устраивает пышные празднества и, наконец, растрчивает все состояние. Осознав, что разорение лишает его возможности находиться при дворе и надеяться на ответную любовь Агнессы, он решает инсценировать свою гибель и начать жизнь заново – среди разбойников.

Гастон Деннари оказывается в банде, называемой «Убийцы» [Meurdriers]. По словам автора, «Убийцы» пришли на смену бандам «Живодеров» [Escorcheurs]; они бродили в поисках добычи по городам и селам и были виновны в самых ужасных преступлениях [22, т. 1, р. 60]. Вожаком «убийц» был бывший капитан лучников Жером Рюде, по имени которого и назван роман. Кроме того, оказывается, что Рюде – отец Леаны.

Леана тяжело переживает мнимую гибель графа Деннари и решает вернуться в дом отца, покинутый когда-то из страха перед родительским гневом за внебрачную связь. Так, Гастон Деннари и Леана вместе оказываются среди разбойников, но для Жерома Рюде их прошлые отношения остаются тайной. Между тем в очередной стычке разбойников с жандармерией Гастон Деннари получает серьезную рану, до неузнаваемости обезобразившую его лицо. Леана ухаживает за раненым графом и продолжает нежно и предано его любить, хоть внешне ее отношение к нему напоминает чисто сестринскую привязанность. Даже в условиях этой жизни «вне закона» она находит некое подобие счастья, находясь рядом с возлюбленным.

Однако хрупкое счастье начинает рушиться, когда Гастон сталкивается с напоминаниями о прошлой жизни. Сначала разбойники захватывают в лесу экипаж с Агнессой Сорель, но Гастон заставляет их отпустить знатную даму. Затем сама Агнесса спасает Гастона и Леану, попавших в руки жандармов. Словом, прежняя страсть к фаворитке короля снова заполняет сердце Деннари. Он является во дворец Агнессы, чтобы раскрыть тайну своей инсценированной гибели, но ни Агнесса, ни другие придворные не верят его словам, поскольку изуродованное шрамами лицо не позволяет узнать в нем графа Деннари. Единственным выходом оказывается

предъявить метрические документы, которые в свое время были отданы на хранение Жерому Рюде. Теперь главная цель Гастона – вернуть эти бумаги, и ради этого он готов перешагнуть через любые моральные запреты.

Развязка такова. Леана осознает, что эгоистичное потакание страстям лишило графа остатков благородства и человечности. Она открывает умирающему от ран Жерому Рюде, что именно Гастон Деннари некогда был виновником ее падения. Рюде в гневе сжигает документы Деннари. Граф окончательно лишается надежды подтвердить свое имя и вернуться к придворной жизни. Это заставляет его покончить с собой, бросившись в Сену.

В сравнении с «Летучим эскадром королевы» сюжет «Жерома Рюде» отличается большей динамичностью и целостностью. Повествовательная манера приобрела стилистическое единство: хотя текст и переполнен продолжительными диалогами, все же романное изложение нигде не превращается в собственно «драматургические сцены». Базанкур явно старался перемежать диалоги напряженными эпизодами вооруженных стычек, погонь и поединков, что должно было постоянно оживлять читательское внимание. Автор, как и в «Летучем эскадроне королевы», насыщает текст афористичными высказываниями, но порою они слишком напоминают манеру светскую острологию XVIII–XIX вв., что нарушает иллюзию «погружения» в средневековье. К примеру, автор сообщает, что даже на восьмой день после мнимой гибели Деннари продолжались разговоры об этом событии и резюмирует: «Восемь дней после смерти жить в мыслях равнодушных людей – это почти бессмертие» [22, т. 2, с. 73].

Если говорить о собственно «историческом» элементе, то его роль в «Жероме Рюде» заметно снизилась. В качестве предисловия к роману автор помещает небольшой исторический очерк «Франция в 1440 г.» [22, т. 1, р. 5–16], где предлагает бросить «беглый взгляд» на Францию той поры [22, т. 1, р. 5]. В очерке используются хроники, но взгляд действительно оказался «беглым», поскольку занял всего десяток страниц и, пожалуй, был призван лишь напомнить читателю, что в ту пору Франция была «разорвана в локуты, изувечена и повсюду кровоточила», а «внутренние беспорядки происходили каждый день и усугубляли зло» [22, т. 1, р. 12]. Реальные исторические личности в романе появляются, но в сюжет вовлечены довольно слабо. Исторические источники используются в качестве комментариев, но крайне редко.

Романный «историзм», или «У всякого барона своя фантазия»

Роман барона де Базанкура вышел в свет, судя по всему, весной 1842 г. Уже с марта газеты начали размещать отклики явно рекламного характера, предполагающие комплементарность оценок. «L'Observateur des Pyrénées» заявила, что уже само имя барона де Базанкура является достаточной похвалой новому произведению [20]. «La Presse», с которой, напомним, барон тесно сотрудничал, отметила, что автор нового романа особенно преуспел в передаче «истинных и возвышенных чувств», поскольку «он умеет с большой тонкостью проследить порывы души, скрытые за улыбкой или спрятанные под слезами» [31]. «La Gazette de France» сообщила, что действие романа разворачивается во времена «великолепного царствования Карла VII» и автору удалось «исследовать характер той эпохи и

отразить ее главные черты» [29]. И наконец, составитель «Литературной хроники» еженедельника «Le Tam-tam» (видимо, это был сам издатель газеты Ж.-Л.-О. Коммерсон, скрывшийся под псевдонимом «L. Prudhomme») как бы резюмировал общие похвалы словами, что в новой книге «в высшей степени раскрыты все блестящие качества молодого и изящного писателя» [32].

Однако летом появилась публикация, которая во многом противоречила рекламным уверениям газет. Подробный разбор романа вышел в довольно новом еще на ту пору издании – в журнале «La Revue indépendante», издаваемом Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо. Саркастичный тон разбора, посвященного «Жерому Рюде», задавался уже первыми строками статьи:

«Это исторический роман. Автор пожелал дать нам живое олицетворение времен Карла VII; в предисловии, среди прочего, нам сообщается, что в книге присутствует “серьезная мысль”.

Герой романа, Гастон Деннари, <...> любим похищенной им девушкой, а сам влюблен в Агнессу Сорель; но она привязана к королю, <...> тогда как Леана, девушка, которую он похитил, а затем прогнал, любит его до конца <...>. В этом, несомненно, заключается серьезная мысль книги: показать, что на любовь женщины, которая вас любит, следует рассчитывать гораздо более, нежели на любовь женщины, которая вас не любит, и это совершенно справедливо» [19, р. 255].

Основные упреки, однако, касались именно историчности романа. Отметив скудость собственно исторических отступлений, критик констатировал:

«<...> “Жером Рюде” – роман, построенный на воображении. Местный колорит, вопреки претензиям автора, ограничивается бранью убийц и несколькими описаниями празднеств и костюмов; мы нашли бы там еще много неточных подробностей <...>. Но особенно мы упрекаем автора за частые несоответствия между языком его персонажей и их костюмом; он вкладывает в уста убийц водевильные шутки, в которых столько анахронизмов <...>. Затем идут нескончаемые поэтические декламации без всякого повода, ангелы по всякому поводу и драматическая манера изъясняться» [19, р. 256].

Подтвердив эти наблюдения текстовыми примерами, критик заключал:

«“Жером Рюде” должен был появиться десять лет назад, когда мы были объаты пылом романтического средневековья и кинжалов Толедо; сегодня этот роман выглядит чуть ли не остроумным преувеличением жанра, если бы не добрые чувства Леаны, которые заставляют нас воспринимать его всерьез» [19, р. 256].

Этой ироничной и колкой статьей неприятности романиста не были исчерпаны.

В сентябрьской книжке ежемесячного журнала «Эхо литературы и изящных искусств Франции и зарубежья» [Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger] появился разбор «Жерома Рюде», принадлежащий перу главного редактора

– Эрнеста де Белене. Журнал известен тем, что не щадил самолюбие многих известных авторов: Стендаля, Бальзака, Теофиля Готье и др. [26, р. 99]. Оценки по адресу Базанкура также оказались далекими от комплиментов.

Критик сразу отмечал слабую связь сочинения с фактами реальной истории:

«По общему колориту <...> “Жером Рюде” есть исторический роман. Но напрасно вы искали бы в этой книге истинные события и характеры, все – чистое воображение; мы не намерены по этому поводу ссориться с г-ном де Базанкуром, поскольку он и не собирался поступать иначе <...>» [23, с. 231].

Очевидно, что Базанкур «собирался поступать» именно «иначе» и задумывал именно исторический роман, но де Белене не был склонен рассматривать несоответствие текста заявленному жанру как фатальное обстоятельство. Он отыскивал в романе художественные достоинства помимо историчности. Так, по мнению критика, барон де Базанкур «любит напряженные сцены, и они ему удаются»; причем, отмечает Белене, в «Жероме Рюде» они выписаны более искусно, нежели в «Летучем эскадроне королевы». Однако сцены «нежных чувств» и «тихого счастья» у автора выходят значительно слабее:

«Подобно Данте, он предпочел бы петь об аде, нежели о рае. Когда нужна истинная чуткость, он часто находит под своим пером лишь сентиментальные банальности; он, обычно столь богатый своими средствами, ограничивается заимствованиями, и видно, что он пишет более умом, нежели сердцем» [23, с. 232].

Критика смутило и название романа:

«Если нас спросят, кто такой Жером Рюде, мы тут же ответим: “Жером Рюде – отец Леаны”. Но если бы нас вдобавок спросили, почему эти тома носят его имя!.. То мы бы смиренно признались, что нам об этом ничего не ведомо; мы на самом деле не понимаем, почему роман (если уж он должен быть озаглавлен именем собственным) носит иное название, нежели имя графа Деннари. Граф Деннари, определенно, является главным героем, необходимым персонажем книги, а Жером Рюде – персонаж вспомогательный <...>. Может быть, г-на Базанкура прельстило дикое звучание этого грубого имени, но такой мотив был бы крайне легкомысленным, и мы не хотим на нем останавливаться, хотя и не находим иного объяснения столь странному выбору заглавия» [23, с. 231–232].

Говоря о грубости имени, критик, конечно, имел ввиду созвучие фамилии Рюде с прилагательным «rude» – грубый, неотесанный, суровый. Прибавим, что по сведениям составителей словаря «Разоблаченные литературные обманы» (1869), Базанкур планировал назвать роман еще более зловеще: «Рюде-убийца» («Rudeix le meurtrier») [33, р. 472]. Так что предположение де Белене, кажется, ушло не далеко от истины: заглавие романа должно было как-то отражать колорит «мрачного средневековья», и для этого наиболее подходящим оказалось имя второстепенного персонажа.

К финалу разбора де Белене переходил к более благосклонному тону и даже заявлял, что роман, невзирая на недостатки, является для автора литературным шагом вперед, но в итоге несколько свысока и, явно обыгрывая общественное и финансовое положение писателя, входил в роль наставника для начинающего литератора:

«<...> Если бы мы осмелились упрекнуть благородного писателя, то лишь в том, что он занимается литературой и искусством слишком дилетантски, слишком аристократически; и в качестве совета мы бы напомнили ему, что сейчас, чтобы снискать в литературе не славу, а хотя бы репутацию, недостаточно делать хорошо, необходимо еще многое, особенно если, как в случае с 2-ом де Базанкуром, автор имеет счастье оказаться среди тех богачей (выделено автором. – В. О.), с которых, по словам Евангелие, много спросится, поскольку им многое дано (выделено автором. – В. О.)» [23, с. 232].

Судя по всему, обе рецензии Базанкура сильно задели, причем особенно – упреки в недостаточной историчности романа. Во всяком случае, к такому выводу можно прийти, если познакомиться с очередной критической статьей – в газете «Le Courrier français» 24 сентября (т. е. вскоре после отзыва в «Écho de la littérature...»).

«Le Courrier français» была одной из наиболее влиятельных газет той поры, а разбор романа «Жером Рюде» был велик по объему и располагался в одном из наиболее заметных мест – полностью занимал «подвал» первой полосы. Подписана статья псевдонимом «Ed. M.», под которым обычно выступал известный знаток литературы и театра Эдуард Монне [37, р. 10], и это в литературном мире наверняка не являлось секретом.

Такое внимание к анализу романа, который уже не являлся новинкой, принадлежал автору не первой величины и получил неблагоприятные критические отзывы, могло показаться неоправданным, а потому критик и начинал свой разбор с пояснения, что поводом для публикации стало повторное издание «Жерома Рюде».

Далее Монне создавал небольшую интригу: принимая позу строгого ценителя и как бы извиняясь перед автором за суровые суждения, он рассуждал в том смысле, что роман уже признан публикой, а потому никакая критика ему не навредит. Это располагало читателя ожидать негативных отзывов о книге, но вместо того критик обращал внимание лишь на ее сильные стороны. К этим сильным сторонам Монне относил уже сам выбор описываемой эпохи:

«<...> Наряд “Жерома Рюде” скроен из всей ткани французской истории: фон, на котором нарисована его свирепая и мрачная физиономия, – одна из самых любопытных эпох в наших анналах, период правления того короля, для которого были совершены столь великие дела, которому вдохновенная дева вернула половину его земель и которого любовница почти заставила отвоевать другую» [28].

Монне обратил внимание на ту особенность романа, которую не замечали прежние критики. Речь об интерпретации исторической роли Агнессы Сорель. В историю она вошла с двойственной репутацией. Одни в ней видели вдохновительницу короля на борьбу против англичан и в этом отношении чуть ли не

приравняли к Жанне д'Арк, другие воспринимали как любимицу придворной удачи. Базанкур действительно находился перед выбором, в каком ключе изобразить Сорель и, как помним из содержания романа, остановился на второй версии. Монне пояснял читателю, что такое авторское решение было основано на изучении исторических фактов, которые свидетельствуют, что Агнесса Соррель слишком дорого обходилась французской казне, интересовалась лишь светскими увеселениями, имела сомнительную репутацию. Так что интерпретация Базанкуром личности Сорель уже сама по себе оказывалась проявлением исторической достоверности:

«<...> Агнесса Сорель <...> является стержнем, на котором вращается действие, и всемогущие прелести прекрасной дамы (выделено автором. – В. О.), еще более неотразимые соблазны ее кокетства приводят в движение основные пружины. Г-н де Базанкур придал ей характер Селимены, которую забавляют окружающие ее почести, но которая не заботится о серьезности вызываемых ею чувств. <...> Она была больше похожа на Монтеспан, чем на Лавальер» [28].

Далее Монне цитировал средневековые хроники, подтверждающие, что банды разбойников действительно наводняли в ту эпоху Париж, в красочных выражениях пересказывал содержание романа, перечислял исторические источники, на которые опирался Базанкур, и еще раз акцентировал внимание на том, что книга создавалась на основе не только писательского воображения, но и изучения эпохи по документам:

«В то время, когда существует избыток романов, претендующих на изображение современной морали, г-н де Базанкур поступил правильно, вернувшись к жанру, бессмертные образцы которого создал Вальтер Скотт; и, прежде всего, он хорошо сделал, что вернулся к этому с теплотой воображения, питаемого наблюдениями и исследованиями» [28].

Тон этой критической статьи, ее объем и место публикации, использованные аргументы – все заставляет заподозрить, что она являлась результатом так называемой «литературной приязни» [7], инструментом поддержки дружественного литератора. Возможно, по просьбе Базанкура Монне сделал акцент именно на исторической основе романа. Так или иначе, а дискуссия по поводу «Жерома Рюде» продолжения не получила, и в пользу историчности книги больше никто не выступил.

Думается, прохладный прием романа критиками объяснялся обстоятельством, которое много позднее академик В. Е. Тарле описывал, анализируя исторический роман Флобера «Саламбо». По мнению ученого, писатель имел в своем распоряжении крайне малое число источников по интересующей эпохе, и это лишило картину убедительности. «Он рисует эту историческую обстановку, – отмечал В. Е. Тарле, – но вы не верите и потому не верите, что он не знает ее. <...> Вы чувствуете нутром, что все это выдуманно Флобером, что те человеческие движения чувств, которые есть у него, они хорошо показаны, но почему это Карфаген, это неизвестно, потому что полная скудость исторических материалов мешает вашей художественной иллюзии» [2, с. 169].

Барон де Базанкур стремился объединить воображение с историческим знанием, но, кажется, исторического знания ему не хватало. Исторические факты в его романе воспринимались не в качестве основы, дополненной воображением, а в качестве импульсов, запускающих работу воображения, подчиненного лишь авторской прихоти. Его «исторические» картины расценивались как фантазии, которые, если верить старинной французской пословице, свойственны «всякому барону» [3, с. 129]. Во всяком случае, когда роман Базанкура добрался до России, «Отечественные записки» оценили его так:

«Исторический роман, который, впрочем, вернее бы назвать исторической фантазией. Автор хотел представить эпоху Карла VII. Даже как фантазия сочинение это очень посредственно» [17, с. 24].

«Граф де Рьенни»

Итак, «Жером Рюде» по ряду художественных качеств превосходил «Летучий эскадрон королевы», но встречен был хуже. Тем не менее через два года, в 1844 г., барон де Базанкур снова опубликовал роман о средневековье, обратившись к эпохе XIV в. Книга называлась «Граф де Рьенни» [“Le comte de Rienny”]. Внимание снова сосредоточено не столько на бурных исторических событиях времен правления Иоанна II, сколько на судьбе вымышленного персонажа – графа де Рьенни, который был простым крестьянином, но стал рыцарем.

Выход романа снова поддержали газетные публикации. Сатирический еженедельник «Le Tintamarre» мельком упомянул, что автору «Графа де Рьенни» присуще «изящество стиля» [27]. «Le Constitutionnel» в подвале на четвертой полосе рядом с рекламными объявлениями разместила краткое сообщение, что новый роман барона де Базанкура – «прекрасное и обширное исследование о второй половине XIV века», где автор «собрал <...> различные типы и с редким счастьем свел воедино все лица этой блестящей эпохи, хорошо уловив ее характер и верно воссоздав ее лица – то суровые, то нежные, то меланхоличные, то грозные» [30]. Более обширный (хоть местами буквально повторяющий сообщение в «Le Constitutionnel») анонс появился в «Le Courrier des spectacles». В качестве главной заслуги автора представлялось его умение воспроизвести «разнообразные типы, рожденные тем бурным веком»: «Дворянство и народ, эти два старых врага, которые порою забывают друг о друге, но всегда друг друга ненавидят; сила перед лицом слабости; энергия бок о бок с изнеженностью; подвиги французского рыцарства, и рядом – королевская власть, брошенная к ногам любовницы» [25]. Кроме того, в общих чертах обозначалась сюжетная интрига:

«Граф де Рьенни – один из тех действительно новых и оригинальных образов, что захватывают чувства и вызывают сильный интерес. Этот бедный, оборванный, безутешный, униженный человек, вдруг ставший знатным, богатым, блестящим, меняющий свою убогую одежду на камзол великого сеньора, ставящий на кон то золото, которое годом ранее не смог бы заработать никакими силами, оказывается в центре захватывающей драмы. <...> Буря грохочет, неистовствует и захватывает его беспощадным вихрем. Марселла – милая и поэтичная натура; это чистота среди распутства, покой среди хаоса, смирение среди страданий» [25].

Предсказуемо, что традиционно в хвалебном духе о новой книге своего сотрудника откликнулась «La Presse». Газета отмечала умение автора уловить основные типы, присущие эпохе, и тронуть «сокровенные струны души», а также напоминала, что читателям «La Presse» барон де Базанкур знаком благодаря «очаровательным произведениям “Мадмуазель Сенневиль” и “Положение обязывает”» [24].

Все цитированные отзывы имеют множественные переключки, и, видимо, писались по одному шаблону, что характерно для материалов рекламного характера. Впрочем, «La Presse», кажется, напрасно напоминала о романе-фельетоне «Положение обязывает» как об одном из лучших произведений Базанкура. Всего годом ранее этот роман вызвал весьма нелестную оценку «Театральной газеты» [“Le Journal des théâtres”]:

«Что касается “La Presse”, то ее фельетон всегда аристократичен, что не значит – занимателен, и самый скучный из французских баронов, известный как барон де Базанкур, публикует здесь развороты в слишком многих частях под заголовком “Положение обязывает”» [34].

В любом случае выход «Граф де Рьенни» не удостоился серьезного внимания критиков. О романе кратко отозвался разве что «Цензурный бюллетень», который обычно ругал любое сочинение Базанкура, а в «Графе де Рьенни» не обнаружил «никакой морали» [35, р. 108]. Похоже, что всеми «Граф де Рьенни» был воспринят как явление совершенно заурядное. Вероятно, в большой успех книги не особенно верил и издатель, а потому ограничился небольшим тиражом. Приходим к такому выводу, поскольку сегодня роман не удастся разыскать даже в крупных библиотеках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий настрой читательских интересов 1840-х гг. мало способствовал успеху исторических романов барона де Базанкура. Сказывалось сразу несколько факторов. Общая социальная ситуация актуализировала осмысление, прежде всего, современной проблематики. Кроме того, в развитии исторического романа наметился «кризис жанра»: он приобретал шаблонные формы [14, с. 559] и начинал ассоциироваться со сферой развлекательной литературы для широкого читателя [5, с. 16]. Искушенной публике в «историческом романе» недоставало исторической достоверности.

Общеизвестно выражение из литературной жизни той поры: «История – это гвоздь, на который я вешаю свои картины». Фраза приписывается А. Дюма [12, с. 123], но с еще большим основанием могла бы быть приписана барону де Базанкуру: сюжеты его романов не раскрывали механику исторических процессов; факты исторической действительности лишь служили «подпорками» для каркаса вымышленной интриги. Но даже такой подход к интерпретации истории оставлял для автора возможность добиться признания. Это хорошо продемонстрировали романы того же А. Дюма, и прежде всего, пожалуй, наиболее популярный роман «Три мушкетера» (публикованный в 1844 г., то есть одновременно с «Графом де Рьенни» барона де Базанкура). Даже остросюжетные сцены, которые Базанкур явно любил и

которые, по признанию критиков, ему удавались, выглядят у А. Дюма более яркими. Но главное, что персонажи А. Дюма действительно выглядели людьми своей эпохи, и в этом отношении «историзм» романов Дюма был значительно более пронизательным и убедительным.

Биография барона де Базанкура свидетельствует, что его интерес к истории был искренним и последовательным. Но в исторической романистике писатель шел по пути, который не обещал больших успехов. Чтобы изменить порядок вещей, приходилось делать выбор относительно дальнейших творческих поисков: либо далее совершенствовать авантюрную составляющую и психологическую убедительность в своих исторических романах, либо вовсе отказаться от художественных интерпретаций истории и предпочесть сфере вымысла документализм. В итоге барон де Базанкур изберет второе и подготовит исследование «История Сицилии при господстве норманнов» (1846), о чем будем вести речь в следующей части нашей работы.

Список литературы

1. *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. – Тарту: Тартуский университет, 2010. – 570 с.
2. *Казанович Б. С.* Е. В. Тарле об историческом романе // Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 2 (18). – С. 166–177.
3. *Кошелев А. В.* «У всякого барона своя фантазия» // Россия и Франция: диалог культур. Статьи и материалы. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. – С. 127–137.
4. *Литвиненко Н. А.* Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – № 4. – С. 127–135.
5. *Литвиненко Н. А.* Французский исторический роман 1820–1840-х гг. и канонизация жанра // Художественное осмысление действительности в зарубежной литературе: мат-лы междунар. науч. конференции «Наука на благо человечества» (25 апреля 2018 г.). Вып. 8. Новое время – новейшее время. – М.: ИИУ МГОУ, 2018. – С. 13–27.
6. *Малкина В. Я.* Поэтика исторического романа: Проблема инварианта и типология жанра. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 140 с.
7. *Мильчина В. А.* «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
8. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
9. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть II. «Неистовые» черты романа-фельетона // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 2. – С. 48–72.
10. *Орехов В. В.* Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть III. Светский портрет и литературная личность // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 21–53.
11. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 19 т.]. – М.: Воскресенье, 1994–1997. – Т. 11. Критика и публицистика. 1819–1834. – 1996. – 588 с.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ IV.

12. Пахсарьян Н. Т. Он лучше, чем его репутация: история в мемуарах А. Дюма // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2022. – № 4. – С. 121–136.
13. Реизов Б. Г. История и теория литературы. Сб. статей. – Л.: Наука, 1986. – 319 с.
14. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Худож. лит., 1958. – 568 с.
15. Стеблин-Каменский М. Г. Мир саги. Становление литературы. – Л.: Наука, 1984. – 245 с.
16. Тарле Е. В. Пушкин как историк // Новый мир. – 1963. – № 9. – С. 211–220.
17. Французская литература // Отечественные записки. – 1842. – Т. XXV. – № 11. – С. 13–26.
18. Якубович Д. П. «Капитанская дочка» и романы Вальтер Скотта // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – Вып. 4/5. – С. 165–197.
19. A. A. Bulletin bibliographique // La Revue indépendante. – 1842. – Т. IV. – P. 233–256.
20. Après “Jérôme Rudeix”... // L'Observateur des Pyrénées. – 1842. – № 323. – 23 mars. – P. 4.
21. Barante P. B. de. Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477. T. 7. – Paris: Imprimerie de Fain, 1826. – 520 p.
22. Bazancourt, baron de. Jérôme Rudeix. 1440. – Paris: Souverain H., 1842. – 2 vol.
23. Belenet E. de. Jérôme Rudeix, par m. le baron de Bazancourt // Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger. 1842. – 1 Septembre. – p. 230–232.
24. Bibliographie // La Presse. – 1844. – 14 mars. – P. 3.
25. Bibliographie – Le Comte de Rienny // Le Courreur des spectacles. – 1844. – 13 mars. – P. 3.
26. Brix M. Nerval et la fantaisie: à propos d'un compte rendu retrouvé des “Femmes du Caire” // Studi Francesi. – 2008. – № 154 (LII / I). – p. 93–99. doi.org/10.4000/studifrancesi.9096.
27. Bulletin littéraire // Le Tintamarre. – 1844. – № 10. – 10–16 mars. – P. 6.
28. Ed. M. Jérôme Rudeix, par le baron de Bazancourt // Le Courrier français. – 1842. – № 267. – 24 Septembre. – P. 1.
29. Il n'est pas de livres plus utiles... // Gazette de France. – 1842. – 8 mai. – P. 5.
30. Il y avait une étude belle... // Le Constitutionnel. – 1844. – 6 mars. – № 66. – P. 4.
31. Nouvelles et faits divers // La Presse. – 1842. – 4 Mai. – P. 3.
32. Prudhomme L. Chronique littéraire // Le Tam-tam. – 1842. – 17 avril. – № 16. – P. 5.
33. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party 1. – Paris, 1869. – 1278 p.
34. Revue des feuilletons // Le Journal des théâtres. – 1843. – № 4. – 27 avril. – P. 1.
35. Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1844. – T. 2. – № 7–8. – P. 105–116.
36. Une noee [noce] féodale // Les Coulisses. – 1841. – № 38. – 13 mai. – P. 4.
37. Weitz Sh. “Le Pianiste”: Parisian Music Journalism and the Politics of the Piano, 1833–35. A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Music in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2016. – 227 p.

References

1. Vol'pert L. I. *Pushkinskaja Francija* [France of Pushkin]. Tartu, Tartuskij universitet Publ., 2010. 570 p.
2. Kaganovich B. S. E. V. *Tarle ob istoricheskom romane* [E. V. Tarle about the historical novel]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2018, no. 2 (18), pp. 166–177.
3. Koshelev A. V. «U vsjakogo barona svoja fantazija» [“Every baron has his own fantasy”]. *Rossija i Francija: dialog kul'tur. Stat'i i materialy*. Tver': Izd-vo Mariny Batasovoj Publ., 2015. pp. 127–137.
4. Litvinenko N. A. *Dokument i dokumental'nost' v tekste i kontekste francuzskogo istoricheskogo romana pervoj poloviny XIX veka* [Document and documentary in the text and context of the

- French historical novel of the first half of the 19th century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija*, 2016, no. 4, pp. 127–135.
5. Litvinenko N. A. *Francuzskij istoričeskij roman 1820–1840-h gg. i kanonizacija zhanra* [French historical novel of the 1820–1840s. and canonization of the genre]. *Hudozhestvennoe osmyslenie dejstvitel'nosti v zarubezhnoj literature: mat-ly mezhdunar. nauch. konferencii «Nauka na blago čelovečestva» (25 aprelja 2018 g.). Vyp. 8. Novoe vremja – novejšee vremja*. Moscow, IJU MGOU Publ., 2018, pp. 13–27.
  6. Malkina V. Ja. *Pojetika istoričeskogo romana: Problema invarianta i tipologija zhanra* [Poetics of the historical novel: The problem of invariant and typology of the genre]. Tver', Tver. gos. un-t Publ., 2002. 140 p.
  7. Mil'čina V. A. «Literaturnaja prijazn'» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «znamenitye druž'ja» [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
  8. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
  9. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' II. «Neistovye» čerty romana-fel'etona* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part II. “Furious” features of the feuilleton novel]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 2, pp. 48–72.
  10. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' III. Svetskij portret i literaturnaja ličnost'* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part III. Secular portrait and literary personality]. *Učenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 21–53.
  11. Puškin A. S. *Poln. sobr. soch.: [V 19 t.]. T. 11. Kritika i publicistika* [Complete works: In 19 volumes. T. 11: Criticism and journalism]. Moscow, Voskresen'e, 1996. 588 p.
  12. Pahsar'jan N. T. *On luchshe, čem ego reputacija: istorija v memuarah A. Džuma* [He is better than his reputation: history in the memoirs of A. Dumas]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otečestvennaja i zarubežnaja literatura. Serija 7: Literaturovedenie*, 2022, no. 4, pp. 121–136.
  13. Reizov B. G. *Istorija i teorija literatury. Sb. statej* [History and theory of literature. Digest of articles]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 319 p.
  14. Reizov B. G. *Francuzskij istoričeskij roman v jepohu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1958. 568 p.
  15. Steblin-Kamenskij M. G. *Mir sagi. Stanovlenie literatury* [The world of the saga. The formation of literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 245 p.
  16. Tarle E. V. *Puškin kak istorik* [Puškin as a historian]. *Novyj mir*, 1963, no. 9, pp. 211–220.
  17. *Francuzskaja literature* [French literature]. *Otečestvennye zapiski*, 1842, vol. XXV, no. 11. pp. 13–26.
  18. Jakubovich D. P. «Kapitanskaja dočka» i romany Val'ter Skotta [“The Captain’s Daughter” and the novels of Walter Scott]. *Puškin: Vremennik Puškinskoj komissii*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1939, no. 4/5, pp. 165–197.
  19. A. A. *Bulletin bibliographique // La Revue indépendante*, 1842, vol. IV, pp. 233–256.
  20. *Après “Jérôme Rudeix”... // L'Observateur des Pyrénées*, 1842, no. 323, 23 mars, pp. 4.
  21. Barante P. B. de. *Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, 1364–1477. T. 7*. Paris, Imprimerie de Fain, 1826. 520 p.
  22. Bazancourt, baron de. *Jérôme Rudeix. 1440*. Paris: Souverain H., 1842. 2 vol.
  23. Belenet E. de. *Jérôme Rudeix, par m. le baron de Bazancourt // Écho de la littérature et des beaux-arts en France et à l'étranger*, 1842, 1 septembre, pp. 230–232.
  24. *Bibliographie // La Presse*, 1844, 14 mars, pp. 3.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ. ЧАСТЬ IV.

25. *Bibliographie – Le Comte de Rienny // Le Coureur des spectacles*, 1844, 13 mars, pp. 3.
26. Brix M. *Nerval et la fantaisie: à propos d'un compte rendu retrouvé des "Femmes du Caire" // Studi Francesi*, 2008, no. 154 (LII / I), pp. 93–99. doi.org/10.4000/studifrancesi.9096.
27. *Bulletin littéraire // Le Tintamarre*, 1844, no. 10, 10–16 mars, pp. 6.
28. Ed. M. *Jérôme Rudeix, par le baron de Bazancourt // Le Courrier français*, 1842. no. 267, 24 septembre, p. 1.
29. *Il n'est pas de livres plus utiles... // Gazette de France*, 1842, 8 mai, p. 5.
30. *Il y avait une étude belle... // Le Constitutionnel*, 1844, 6 mars, no. 66, p. 4.
31. *Nouvelles et faits divers // La Presse*, 1842, 4 mai, p. 3.
32. Prudhomme L. *Chronique littéraire // Le Tam-tam*, 1842, 17 avril, no. 16, p. 5.
33. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party 1*, Paris, 1869. 1278 p.
34. *Revue des feuilletons // Le Journal des théâtres*, 1843, no. 4, 27 avril, p. 1.
35. *Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1844, vol. 2, no. 7–8, pp. 105–116.
36. *Une noee [noce] féodale // Les Coulisses*, 1841, no. 38, 13 mai, p. 4.
37. Weitz Sh. "Le Pianiste": *Parisian Music Journalism and the Politics of the Piano, 1833–35*. A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Music in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2016. 227 p.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART IV.
HISTORICISM OF THE HISTORICAL NOVEL**

Orekhov V. V.

The official French historiographer Baron de Bazancourt began his work as a novelist. His interest in French history was already embodied in his first novel, "The Queen's Flying Squadron" (1836), dedicated to the era of Catherine de Medici. Subsequently, the writer actively published feuilleton novels, in which the action, as a rule, took place in the author's contemporary reality, but the historical themes were not forgotten. In 1838, Bazancourt published the feuilleton novel "Gaston de Foix," which dealt with the events of the 14th century. In 1842, the novel "Jerome Rude" was published, the plot of which dates back to 1440. In 1844, the novel "The Comte de Rienni" was published, in which the author again turned to the era of the 14th century. These writings either went unnoticed by critics or attracted serious criticism. The main reproaches concerned, first of all, the author's insufficient ability to recreate the "historical flavor" and bring the psychology of the characters closer to the realities of the era. It is logical to assume that it was precisely the weak success in the genre of the historical novel that prompted Baron de Bazancourt to change his creative strategy and seek the realization of his historical interests in the field of scientific rather than artistic research

Key words: Baron de Bazancourt, historical novel, era of romanticism, historicism, historical flavor.

УДК 82-311.8

О ПУШКИНЕ В 1838 ГОДУ: И. И. ПАНАЕВ И Н. И. НАДЕЖДИН

Орехова Л. А.

Институт филологии

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,

Симферополь, Российская Федерация

e-mail: la.orehova@gmail.com

В 1838 г. в Петербурге под «особым наблюдением» министра просвещения выходят из печати восемь томов посмертного Собрания сочинений А. С. Пушкина. П. А. Плетневым продолжается издание пушкинского «Современника» (IX–XII тт.), причем том девятый открывался эпитафией: «Указывает путь и посох подает» – строкой из «Ответа анониму» Пушкина. 1838 год стал не только годом поминовения Пушкина, осмысления обстоятельств его гибели, но и роли «утраченного Россией поэта» (П. А. Плетнев) в национальной истории. Издание на Юге России «Одесского альманаха на 1839 год» позволяет судить о разворачивающейся тенденции открытого разговора о Пушкине, утверждению в обществе памяти о нем.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «Одесский альманах», «Русская Алгамбра», И. И. Панаев, Н. И. Надеждин, Д. М. Княжевич.

ВВЕДЕНИЕ

В «Одесском альманахе на 1839 год» помещены «Русская Алгамбра» Н. И. Надеждина и «Как добры люди!» И. И. Панаева – произведения тематически и стилистически различные и, на первый взгляд, связанные между собой лишь местом и временем издания. Однако историко-литературный и биографический контекст позволяет рассматривать эти тексты в синхронистической парадигме и в зависимости от прогнозируемых читательских настроений в 1838 г. **Цель** статьи составляет доказательство этой гипотезы. Привлечение аргументов происходит в ходе решения основных **задач**: анализ критических взглядов Н. И. Надеждина на творчество А. С. Пушкина 1828–1830-х гг., изучение обстоятельств подготовки и выхода «Одесского альманаха на 1839 год», а также предпосылок и условий написания рассказа И. И. Панаева «Как добры люди!» и очерка Надеждина «Русская Алгамбра». В статье используются культурно-исторический, биографический, функционально-описательный, психологический **методы** исследования.

ОСНОВАННАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Начать необходимо с середины 1820-х годов. Поражает воображение список вышедших тогда из печати произведений А. С. Пушкина. Первой в ряду видим поэму «Бахчисарайский фонтан», вышедшую в Москве 10 марта 1824 г. Небольшая книжка [35] включала, помимо поэмы, предисловие П. А. Вяземского «Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», а также, по предложению Пушкина, отрывок о Бахчисарае из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола. В мартовском номере (цензурное разрешение 22 марта 1824 г.) издаваемого Н. И. Гречем исторического, политического и литературного журнала «Сын Отечества» в разделе «Современная русская библиография» оповещалось: «Наконец появилось стихотворение, которое в

продолжение всей нынешней зимы с нетерпением ожидали любители поэзии! Поздравляем их с удовольствием, которое доставлено им будет чтением сей небольшой прекрасной поэмы» [44, с. 233]. Н. И. Греч в числе первых оценил талант Пушкина; в его типографии изданы «Руслан и Людмила» (1820) и «Кавказский пленник» (1822). «Бахчисарайский фонтан» в литературных кругах действительно ожидали «с нетерпением»; поэма до издания имела, говоря словами Пушкина, «рукописную известность» [37, т. 13, с. 91–92; 38, с. 100–119]. Ежедневный «Сын Отечества» пользовался популярностью, высказанные здесь оценки убедительно подготавливали читателя: «Цвет местности сохранен в повествовании со всею возможною свежестью и яркостью. Есть отпечаток восточный в картинах, в самих чувствах, в слоге. По мнению судей, коих приговор может считаться окончательным в словесности нашей, поэт явил в новом произведении признак дарования, зреющего более и более. – Рассказ у Пушкина жив и занимателен. <...> В раму довольно тесную вложил он действие, полное не от множества лиц и сцепления различных приключений, но от искусства, с каким поэт умел выставить и оттенить главные лица своего повествования» [44, с. 234]. «Весьма кстати», считал Н. И. Греч, помещено в издании «бахчисарайское письмо» из «Путешествия по Тавриде в 1820 году» И. М. Муравьева-Апостола [44, с. 234].

В июле 1824 г. журнал «Отечественные записки» (№ 51) П. П. Свиньина при публикации «Описания дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненного, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном» [15], цитирует поэму Пушкина как всем уже известную. Кристоф Герман Манштейн (1711–1757) – адъютант генерал-фельдмаршала Х. А. Миниха, автор книги «Записки о России»; участвовал в Крымском походе 1736 г., его свидетельства дополняли информационный ряд о Бахчисарае. «Для сравнения с сим старинным описанием Бахчисарайского дворца» П. П. Свиньин после текста Манштейна «присовокупляет выписку» о Бахчисарае из «Путешествия по Тавриде» Муравьева-Апостола, чтобы «ближе познакомить» с «памятником восточной неги и пышности» [22, с. 84], и в подстрочнике приводит несколько строк из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина [22, с. 94, 96]. Широкая подборка материалов популяризировала поэму и актуализировала вопросы истории Крыма в духе напечатанного на обложке журнала девиза «Отечественных записок»: *«Любить Отечество велит природа, Бог, / А знать его – вот честь, достоинство и долг!»* П. П. Свиньин и позднее, после путешествия в Крым в 1825 г. и посещения Бахчисарая, записки свои о Ханском дворце («Бахчисарайский дворец. Из путевых записок издателя «Отечественных» записок» 1825 года), опубликованные в его журнале в 1827 г., украсил фрагментами пушкинской поэмы [42, с. 3–27; 11, с. 111–123, 149–163], уверяя, что «всяк, читавший Бахчисарайский фонтан, помнит наизусть; но надобно быть на месте, надобно с сим прелестным произведением Пушкина в руках обойти развалины дворца Гиреев, подобно как с Энеидою осматривать остатки Трои» [42, с. 4–5]: «Ах! Какими сладкими минутами я обязан таланту Пушкина, особенно в сем таинственном саду, где я провел несколько часов в упоении мечтаний, им мне показанных» [42, с. 5]. Он готов верить, что каменная гробница в отдалении от дворца (Дюрбе Диляры-бикеч у южных ворот Ханского дворца. – Л. О.) хранит память о

польской княжне, «страстно любимой Гиреем»: «Сюда печальный Хан удалялся, вероятно, оплакивать втайне невозвратимую утрату свою, утрату своего сердца» [42, с. 22]. И всюду при осмотре дворца «прелестные стихи» Пушкина были путешественнику «руководителем», и «предавался» он «магии поэта, изобразившего сокровенности <...> в сих неподражаемых стихах» [42, с. 19].

А. С. Пушкин и Н. И. Надеждин

Итак, с овациями «Бахчисарайскому фонтану» к Пушкину стремительно приходит широкое признание [36; 38]: публикуются главы «Евгения Онегина» (1825, 1826, 1827, 1828), первое собрание стихотворений («Стихотворения Александра Пушкина», СПб, 1826), выходят «Цыганы» (М., 1827), 2 издания «Братьев разбойников» (М., 1827); вторым изданием появляются: «Руслан и Людмила» (1827), «Кавказский пленник» (1828), «Граф Нулин» (1827), «Бахчисарайский фонтан», с 4 гравюрами С. Ф. Галактионова, академика Императорской Академии художеств (СПб, 1827). А в 1830 г. предпринято 3-е издание поэмы, «имевшей после «Евгения Онегина» наибольший успех среди прижизненных книг Пушкина» [43, с. 234]. В 1831 г. выходят «Борис Годунов», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.», последняя глава «Евгения Онегина».

Но «поэтический триумф» был не безоблачным [12, с. 5–25]. Появлялись продиктованные завистью критические статьи, которые, тем не менее, с любопытством принимались публикой, а автор-критик представлялся «независимым». По замечанию Е. В. Новиковой, «без лаю» к славе «не пропускали», и «особенно отличался» «Вестник Европы» с его редактором М. Т. Каченовским [20, с. 165], полагавшим Пушкина своим врагом. В «Вестнике Европы» – до закрытия журнала в конце 1830 г. – печатался Н. И. Надеждин под псевдонимом «Никодим Надоумко, экс-студент из простых». Суждения его «о произведениях Пушкина, беспрецедентно резкие по тону, на протяжении 1829–1830 гг.» становились «от статьи к статье все тенденциознее» [36, с. 383] и эпатажнее. Это была серия статей «эффекта борьбы и разрушения» [19, с. 6] о новейшей литературе, отличившейся, как заявлял Надоумко, «крайней бедностью поэтической жизни». Его раздражал «общий энтузиазм к Пушкину», «любимому временщику» моды, тогда как «каждая новая глава “Онегина” яснее и яснее обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинский замысел», и «Евгений Онегин» «не возбуждает никакого участия» в публике. По выражению Ю. В. Манна, Надоумко «открыл огонь по Пушкину»: «Мишенью <...> сделались все наиболее известные произведения поэта, старые и новые, – южные поэмы, «Цыганы», «Полтава», «Граф Нулин», первые главы «Евгения Онегина»... Критик не брезговал политическими обвинениями, не останавливался перед остротами весьма вульгарного толка. «Для гения не довольно смастерить Евгения!» – каламбурил Надеждин в 1829 г. в статье о «Полтаве» [19, с. 27].

На «критики» «экс-студента» Пушкин откликнулся в 1829 г. несколькими эпиграммами, высмеивавшими «болвана-семинариста» [41, с. 252–253], а в эпиграмме «Нахмурясь на мое презренье...» лаконично определил помышления Надоумки: «Укушенный желаньем славы / <...> / Журнальный шут, холоп лукавый»

[41, с. 255]. Ответные эпиграммы Надеждина «Младой певец Фактыдурая!» (намек на: «певец Бахчисарая») и «О Гений гениев! Неслыханное чудо!» – поэтически беспомощны, но подписаны грозно: Орлино-Кохтев, Львино-Зубов [41, с. 322, 621]. Что руководило Надеждиным? Ю. В. Манн объяснял критические пассажи Надеждина его философско-эстетическими убеждениями, подходом к Пушкину «со своим критерием философски-значительного» [19, с. 28], но признавал, что это «не принадлежит, конечно, к светлым страницам его (Надеждина. – Л. О.) биографии» [19, с. 27].

Сын сельского священника, Н. И. Надеждин (1804–1856) окончил в Рязани духовное училище, духовную семинарию, в 1824 г. – Московскую духовную академию. В 1826 г. вышел из духовного звания. В 1828–1830 гг. печатался в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского, профессора (с 1831 г. – ректора) Московского университета. В 1830 г. защитил в Московском университете диссертацию о романтической поэзии, получил степень доктора этико-филологических наук; в декабре 1830 г. стал ординарным профессором Московского университета (до выхода в отставку в 1835 г.). С 1831 г. издавал при Московском университете журнал «современного просвещения» «Телескоп» (на правах частного издания) и литературное приложение к «Телескопу» «Молва».

С этого времени интонации Надеждина в отношении Пушкина изменились. Более того, он стремился привлечь поэта к сотрудничеству, прислал ему «билет» на «Телескоп». Пушкин понял шаг Надеждина и в письме М. П. Погодину от 3 января 1831 г. иронизировал: «Мы живем во дни переворотов – или переоборотов (как лучше?)» [34, с. 384–385]. В «Телескопе» Пушкин напечатал памфлеты против Булгарина под псевдонимом Феофилакт Косичкин. Надо заметить, что к этому сроку критические споры о романтизме, против которого недавно в «Вестнике Европы» рьяно боролся Надеждин, сменились на споры о народности, и проблема народности «количественно» заняла в его критике «преобладающее место» (Ю. В. Манн). С «Телескопом» сотрудничали многие литераторы, публиковался и редактировал журнал в отсутствие Надеждина В. Г. Белинский. Но в 1836 г. в «Телескопе» (№ 15) Надеждин, воспользовавшись доверчивостью цензора, опубликовал «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. 22 октября 1836 г. журнал закрыли, а Надеждин после покаянных признаний на допросах [19, с. 37–38] был сослан в Усть-Сысольск, затем в Вологду – с сохранением, однако, права заниматься литературной работой под собственным именем.

Как относились читатели к критике Надеждина? В период выхода «Телескопа» московскому студенчеству казалось, что вступили «на литературное поприще молодые люди», и «литературное направление» выражалось «Телеграфом», «Телескопом», «Молвою» [33, с. 150]. В Надеждине видели «определенный *тип времени*» (Ю. В. Манн); покоряла «быстрота» его пера, хотя, как вспоминал М. А. Максимович, в «литературном кругу» «слог первопечатных статей Надеждина не нравился вообще», «будучи еще не устроен – излишне витиеват, недовольно художественен» [14, с. 226, 229–230].

Но у близко знавших Надеждина людей формировалась и иная его характеристика. Так, Белинский писал К. С. Аксакову 21 июня 1837 г., что

Надеждин-критик «даже и не подозревал, чтобы на свете существовала добросовестность, убеждение, любовь к истине, к искусству»: «Он извивается, как змея, хитрит, клеветает, по временам притворяется дураком, и все это плоско, безвкусно, трактирно... Только глупое состояние нашей журналистики до 31 года помогло этому человеку составить себе какой-то авторитет» [3, с. 73]. Впрочем, после катастрофы с «Телескопом» имя Надеждина облекалось страдальческим ореолом. По свидетельству И. И. Панаева, статьи Надеждина в Петербурге хотя и «не нравились» «по своему тону, отзывавшемуся несколько бурсою», но «запрещение журнала всегда возбуждало в публике сочувствие и участие к журналисту, подвергнувшемуся опале» [33, с. 143]. Надеждину помогали существенно. В частности, братья Князевичи, обеспечившие ему после северной ссылки проживание и новую деятельность на юге страны.

По пути в Одессу: Князевичи и Надеждин

28 февраля 1838 г. ссыльный Надеждин, получив разрешение жить в обеих столицах, писал из Вологды М. А. Максимовичу, профессору Киевского университета Св. Владимира: «Если Бог продолжит ко мне свои милости, если изгнание коснется своего предела, то я обниму тебя скорее, нежели как ты думаешь. Потеряв все в Москве, не имел никогда ничего в Петербурге, – я имею твердое намерение пуститься на Юг, как скоро не буду привязан к Северу. Это тем более необходимо для меня, что здоровье мое требует укрепления физического. Мне необходимо южное небо, южный воздух.

В Одессе и в Крыму дружба истинная, высокая, беспримерная дружба, вынесшая огненную пробу, – готовит мне спокойный приют» [14, с. 229–230]. Так Надеждин сообщает о приглашении братьев Князевичей переехать в Одессу или Крым. Здесь необходимы пояснения.

Речь идет о четырех сыновьях Максима Дмитриевича Князевича, серба, поселившегося в России в екатерининские времена и при поддержке Г. Р. Державина получившего должность уфимского прокурора [29]. Сыновья были трудолюбивы, служили на высоких постах и при этом активно занимались литературой и издавали в 1822–1823 гг. «Библиотеку для чтения», литературное приложение к «Сыну Отечества». Старший, Дмитрий Максимович (1788–1844), служил в Министерстве финансов (при министре Е. Ф. Канкрине); занимался литературой [24, 27, 28], опубликовал сборник «Подарок на святки» (1822), «Полное собрание русских пословиц и поговорок», учтенное впоследствии В. И. Далем [26, с. 474–478; 27, с. 79–87]; являлся вице-президентом Вольного Общества любителей российской словесности (1824), выступал в столичных журналах и альманахах со статьями о русских синонимах, и статьи его заслужили похвалу А. А. Бестужева: «Князевич пишет мило, умно и правильно – три вещи, довольно редкие на Руси» [11, с. 335]. В феврале 1837 г. Д. М. Князевич избран членом Российской Академии. Соединявший таланты администратора-просветителя и филолога Д. М. Князевич в 1837 г. получил предложение от министра просвещения С. С. Уварова занять пост попечителя Одесского учебного округа (куда входили Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии и Бессарабский край).

Второй по старшинству из братьев – Александр Максимович Княжевич (1792–1872) – чиновник министерства финансов (в 1858–1862 гг. – министр финансов) России; заступничеством и хлопотами сыграл важнейшую роль в облегчении участи Н. И. Надеждина после 1836 г. Николай Максимович Княжевич (1794–1852) – полковник в отставке, участник заграничных походов, талантливый поэт; в 1836–1838 гг. являлся Рязанским вице-губернатором и до 1849 г. оставался председателем Рязанской казенной палаты. Младший из братьев – Владислав Максимович (1798–1873) – чиновник Министерства финансов и литератор [11, с. 333–341, 469–523]; в 1832 г. становится вице-губернатором Таврической губернии, поселяется в Симферополе и обустраивает имение Марьино; совместно с братьями покупает земли на морском побережье юго-востока Крыма (Кучук-Узень и Тувак), где постепенно развивается виноградарство. Знакомство Надеждина с Княжевичами произошло в начале 1830-х; особенно сблизился он с жившими в то время в Петербурге Александром и Дмитрием Максимовичами, и дружбой этой дорожил.

Наметив день отъезда из ссылки, Надеждин пишет Максимовичу 25 апреля 1838 г. из Вологды: «Да – я совершенно счастлив – потому, что прощен милосердным Монархом, совершенно возвращен к жизни, совершенно свободен! – Я все еще пока в Вологде, но уже не оттого, что не могу, а оттого, что нельзя тронуться с места. У нас только что начинается весна. Реки и болота вскрылись. Надо сидеть, по крайней мере, до мая. <...> Еду прямо в Питер. <...> С получения этого письма ты адресуйся ко мне уже в Петербург, надписывая «в канцелярию министерства финансов» (видимо, из канцелярии письма забирал А. М. Княжевич для передачи Надеждину. – Л. О.). Из Петербурга я выберусь уже с Дм. Макс. Княжевичем, который будет там в половине июля, с которым, верно, ты увидишься еще прежде, когда он поедет через Киев (из Одессы в Петербург. – Л. О.) <...>» [14, с. 230–231].

Если из февральского письма Надеждина следует, что, собираясь из ссылки, он не решил, где поселиться, в Одессе или Крыму («В Одессе и в Крыму дружба истинная...»), то в апреле уже вполне определенно связывает планы с переездом не в тихий Симферополь к В. М. Княжевичу, а в «южную Пальмиру», где недавно назначенный попечитель учебного округа Д. М. Княжевич со свойственной ему страстью развернул просветительскую деятельность, в том числе литературную и издательскую. В частности, в 1838 г. он готовил «Одесский альманах на 1839 год» и посылал литераторам приглашения в новое издание. Апрельское письмо сообщает, таким образом, что в начале лета 1838 г. Надеждин предполагает быть в Петербурге и там ожидать Д. М. Княжевича, чтобы в августе вместе отправиться в Одессу. Дальнейшее узнаем от И. И. Панаева.

«Одесский альманах»: Надеждин и Панаев

Остановился Надеждин в гостинице Демута (в центре Петербурга, на Мойке); здесь посещали его сочувствующие литераторы, в их числе 27-летний И. И. Панаев, старающийся узнать и понять Надеждина, «возбуждавшего большой энтузиазм между московскою студенческою молодежью» [33, с. 143]. При первой встрече Надеждин сумел «увлечь» Панаева «обширными сведениями, изумительной памятью, даром слова» [33, с. 145], но удивил «неуклюжестью и аляповатостью» манер, «крикливым» голосом, противоречивыми чертами личности. Спустя годы в

«Литературных воспоминаниях» Панаев сформулировал свое видение литературной судьбы Надеждина: «Если бы ум и знания соединялись в Надеждине с твердостью воли, он, вероятно, оставил бы по себе прочную память в летописях Московского университета или в истории русской литературы. К сожалению, при своем замечательном уме и при своих блестящих способностях, он вертелся, как флюгер, по прихоти случайностей <...>. В науке, в литературе, на служебной арене – он везде обнаружил большие способности, но не сделался серьезным ученым и не имел влияния ни в литературном, ни в чиновничьем мире. Надеждин был человек вполне просвещенный и свободномыслящий, но не имевший никаких твердых убеждений <...>» [33, с. 146].

Продуманная стилистика «беспристрастного летописания» в «Воспоминаниях» не оставляет сомнений, что автор многократно восстанавливал в памяти события и тщательно выбирал характерные эпизоды, диалоги, избегая мелочной детализации, однозначных оценок и даже комментария. Не сказано, к примеру, какие поступки Надеждина заставили Панаева написать, что «искренность и добродушие не были его отличительными качествами»: «Все его недостатки, истекавшие из слабости его характера, очень видимы были для всех его приятелей: они обсуживались за глаза строго, возбуждали даже негодование» [33, с. 146–147]. Но вот особо важное для нас обстоятельство, о котором рассказывает Панаев (в спокойно-объективированной тональности): в Петербурге возвратившийся из ссылки Надеждин «собирает» (несомненно, по просьбе Д. М. Княжевича. – Л. О.) материалы для «Одесского альманаха» (на 1839 год. – Л. О.); приглашает и Панаева. Приведем цитату с состоявшимся диалогом:

«Он (Надеждин. – Л. О.) собирал тогда статейки для «Одесского альманаха» и просил меня дать что-нибудь. Я написал для него рассказ под заглавием: «Как добры люди!» Этот рассказ был до такой степени пошл и плох, что мне стыдно вспоминать об нем. Я и тогда, впрочем, чувствовал, что он плоховат, и заметил это Надеждину, который вскрикнул:

– Э, ничего! Сойдет с рук!.. А давно ли вы видели нашего Лукьяна? – прибавил он (Якубовича звали Лукьяном). – Мне он нужен... Ведь и у него надо взять стишков на затычку...

И Надеждин, говоря это, осклаблялся и издавал звуки, похожие на смех» [33, с. 148].

Итак, по поручению Д. М. Княжевича Надеждин готовил для «Одесского альманаха на 1838 год» литературные материалы, используя возможности петербургского общения. Представляется, что тема принесенного Надеждину рассказа «Как добры люди!» – талантливый поэт и общество («добрые люди») – поставлена не только на психологическом, но и конкретно-историческом уровне. Что имеем в виду? Автор посвящает свой рассказ другу-современнику М. А. Языкову [1, с. 23–58] и открывает эпиграфом – первой строкой из сонета А. С. Пушкина «Поэту», написанного 1830 г., в период журнальной травли: «Поэт! не дорожи любовью народной...». Стихотворение публиковалось в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы на 1831 год», имевшем 4000 подписчиков [6, с. 152], и было хорошо известно читателям. Какие были основания у Панаева выбрать такой эпиграф?

В литературоведении обстоятельно изучалась реакция светского общества и властей на дуэль и смерть Пушкина в 1837 г. [13, с. 385–403]. Известно, что в числе немногочисленных печатных известий о кончине поэта [13, с. 390–391] были одесские: с одобрения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, 12 февраля 1837 г. в «Journal d'Odessa» была опубликована на французском языке посвященная Пушкину статья А. Г. Тройницкого, а 13 февраля 1837 г. – в «Одесском вестнике» – статья Н. Г. Тройницкого, на русском языке [32, с. 155–157].

В 1838 г., в годовщину смерти Пушкина, в литературно-общественной среде продолжались разговоры об обстоятельствах его гибели. Распространялись изустные интерпретации событий минувшего года, но печатных откликов «на смерть поэта» практически не было, поскольку с 1837 г. «все отклики на смерть Пушкина должны были проходить особую цензуру председателя цензурного комитета и самого министра» [3, с. 46]. Надеждин и Панаев об этом знали.

В то же время они знали о готовящемся посмертном Собрании сочинений Пушкина. Знали о недавнем выходе очередного – девятого – тома пушкинского «Современника» (цензурное разрешение 29 марта 1838 г.), редактируемого после смерти Пушкина его другом профессором П. А. Плетневым. Возможно, Панаев даже принес показать Надеждину этот том, где было опубликовано его стихотворение «Померкнул день» [45, с. 146], причем непосредственно после стихотворения Пушкина «Кто знает край...» [45, с. 143–145].

П. А. Плетнев тяжело переживал смерть Пушкина. Искренняя его боль подсказала не только слова, но интонации и жанр большого материала «О литературных утратах», помещенного в том же томе «Современника» в разделе «Современные события» [45, с. 27–56]. Вспоминая фамилии ушедших литераторов, составивших гордость России, последние страницы Плетнев посвящает Пушкину и говорит продуманное и выстраданное:

«Мы потеряли поэта в его лучшие годы. Смерть его произвела не жалость, но какое-то оцепенение. Странно было слышать, но мучительнее уверить себя в утрате, к которой ничто не готовяло. О нем можно сказать, что смерть не похитила его, но оторвала от нас. Чувство, испытанное современниками в ту минуту, не принимало обыкновенных оттенков, смотря по различию характеров и отношений: оно выразилось ровным болезненным содроганием. Теперь время и размышление привели душу в другое состояние: она измеряет пространство, отделявшее великого поэта от его последователей и задумчиво смотрит на судьбу благородного искусства, в котором так много народной славы» [45, с. 54].

Плетнев рассказывает о своей недавней поездке на могилу поэта в Святогорский монастырь, к каменной церкви Успения Божьей Матери, где за церковью «представляется площадка шагов в двадцать пять по одному направлению и около десяти по другому»:

«Она похожа на крутой обрыв. Вокруг этого места растут старые липы и другие деревья, закрывая собою вид на окрестности. Перед жертвенником

есть небольшая насыпь земли, возвышающаяся над уровнем с четверть аришина. Она укладена дерном. Посредине водружен черный Крест, на котором из белых букв складывается имя: П у ш к и н» [45, с. 56].

По сути дела, Плетнев впервые рассказал широкому читателю, где находится и как выглядит могила Пушкина. Его простые тихие слова заставляют замереть.

Характерно, что в статью Плетнев включает стихотворение Пушкина «Эхо», не упускает случая упомянуть его имя и в самом начале следующей статьи «Праздник в честь Крылова» [45, с. 57]. И в следующем, X томе «Современника» (цензурное разрешение 28 июня 1838 г.; цензоры А. Никитенко, В. Лангер) Плетнев публикует «Сцену из “Бориса Годунова”», а также биографию поэта «Александр Сергеевич Пушкин. 1799–1837» с фрагментами его стихотворений.

Может быть, именно начинания Плетнева сформулировали Панаеву идею для «Одесского альманаха» и именно тогда у него сложился план продолжить и конкретизировать мысли о великом таланте, «явлении неразгаданном, необъясненном», затронутые Плетневым в статье «О литературных утратах», а затем в биографии поэта («Современник», т. X). Утверждение Плетнева, что «никто не действует так прямо и сильно на общество, как человек с каким бы то ни было талантом», а также не случайное напоминание обществу стихотворения Пушкина «Эхо» с завершающей строкой *«Тебе ж нет отзыва... Таков и ты, поэт!»*, думается, вывело Панаева на мысль развить тему гения и толпы, а «подтекстово» – тему вины светского общества («добрых людей») в гибели великого дарования Пушкина.

Панаев строит повествование «по композиции» «Повестей Белкина»: рассказ едва знакомого «автору» человека об одиноком, талантливом поэте («с таким светлым умом, доходившим иногда до поэтического прозрения»). «Автору» довелось встретиться с этим поэтом, покоренным гением Моцарта, на представлении «Дона Жуана» (прозрачная аллюзия отсылает к «Моцарту и Сальери»). История поэта трагична, пересказана в сентиментально-романтической тональности, что дало повод В. Г. Белинскому в статье об «Одесском альманахе на 1839 год» написать, что «г. Панаев в своей повести “Как добры люди!” <...> очень неудачно хочет представить чем-то действительным иступленное фантазерство» [2, с. 15].

Но в данном случае важнее предшествующее основному тексту рассказа «предисловие» – о безмерной вере в «людскую доброту». Мелькающие здесь аллюзии на «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова – обличение светского общества с упоминанием о «терновом венце» и лаврах, а также выбор эпитафии – вызывают в читательской памяти трагический образ Пушкина. Причем начинает Панаев свою филиппику, имитируя полное «простодушие»: «Мне всегда казались сомнительными люди, нападающие на общество, люди, злословящие людей». После намеренно наивных строк переходит к намекам, иронии, даже сарказму. Необходимо видеть этот фрагмент без сокращений (сохраним и орфографию оригинала):

«Ради Бога, не уверяйте меня, что для людей мертва поэзия природы. Неправда! Они с благоговейным страхом, с молитвою на устах, внемлют гласу Божьему в час бури; они с трепетом сердца, с замиранием духа прислушиваются к выстраданной гармонии великого поэта.

Для них дорог он – избранник Господень, вдохновенный провидец грядущего, чудодейственно возносящий их к небу и с недостижимой высоты показывающий им, бедным муравьям, на точку земли, где они суетливо и бестолково роятся! И они, в награду за это, лелеют его, устилают жизненный путь его цветами, хранят его, как зеницу ока! – Я где-то читал: “общество убило поэта”. Какая нелепая фраза! Эти добрые, сострадательные люди, составляющие общество, посягнут на жизнь своего собрата, и еще какого собрата – который доставлял им столько светлых, отрадных минут в жизни? Они вырвут из собственной диадемы единственное ее украшение, многоценный камень, сиявший тысячами радужных переливов – вырвут и безумно втопчут его в грязь?.. Это смешно! Можно ли составлять такие бессмысленные фразы и так безжалостно позорить общество?..

Может быть, точно, люди бывают иногда причиной гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному неведению. И потом какими тяжкими страданиями, какую раздирающую горестию выкупают они свое невинное преступление! Посмотрите, как, рыдая, они обступают гроб великого человека – а ведь эти рыдания так искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятенное чело навеки успокоившагося страдальца. Когда терновый венок жизни упал с головы его, они украшают эту священную голову лаврами. Добрые люди! Что, если бы он, великий, возстал в эту минуту и посмотрел на свою апофеозу? Не правда ли, он примирился бы в лице этих людей с целым человечеством, он обнял бы их как братьев?

Да, несмотря ни на какие выходки ненавистников человечества, я снова повторяю, что убежден в доброте людей... И вот почему я люблю эти торжественные, великолепные сборища, их балы и рауты, где жизнь, доведенная до высшей степени цивилизации, как искусно выграненный алмаз, блестит, ослепляя...» [33, с. 491–492].

Понял ли Надеждин намеки? Несомненно. Понял также, что столичное общество, а тем более общество одесское, сочувственно относилось к Пушкину; догадывался, что выпады Надоумко против Пушкина после гибели поэта особенно оживлялись у всех в памяти. Между тем его планы переезда в Одессу связывались с возобновлением литературных и научных занятий. Позднее в «Автобиографии» он вспоминал: «По возвращении моем с дальнего севера, болезнь моя усилилась так, что я с глубочайшею благодарностию принял предложение ехать на жительство в южную Россию, именно в Одессу. <...> Покойный Д. М. Княжевич с жаром принялся тогда за водворение в этом новом крае истинного русского просвещения; между прочим, он основал в Одессе Общество истории и древностей, которого и был первым председателем. Это открыло мне новое поприще учено-литературной деятельности» [18, с. 67].

В Одессе Надеждин поселился у Д. М. Княжевича, который взял на себя заботы о больном и безденежном критике. Это узнаем из «Записок» Н. Н. Мурзакевича [17], а также из письма Д. М. Княжевича к С. Т. Аксакову от 4 марта 1842 г. [40].

«Русская Алгамбра»

Надеждин предчувствовал, что литературной Одессой благосклонно будет принят «пушкинский текст», тем более что именно в Одессе Пушкин готовил к печати «Бахчисарайский фонтан». Думается, так родился замысел «Русской Алгамбры», очерка для «Одесского альманаха на 1839 год». Исходя из сроков подготовки издания (цензурное разрешение «Одесского альманаха на 1839 год» датировано 31 декабря 1838 г.), очерк написан осенью 1838 г.

Содержание его составляло описание Бахчисарая и, в частности, Ханского дворца. Эпиграфом – строками из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина – открывался текст:

*Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.*

Не скупясь на романтические пассажи, автор воспевает образы, рожденные «гением незабвенного Пушкина» и явившиеся ему в тишине опустелого Ханского дворца:

*«О! велико могущество поэзии! это тихое журчание лениво каплющей струи как вдруг сделалось для нас красноречиво! Вам слышится в нем ропот знакомого голоса. Слепящаяся влага кажется действительно горячею слезою, выкипающею со dna измученного сердца. Вокруг вас возникает рой чудных призраков. Безмолвная пустота населается, оживает. Кто-то огненным дыханием коснулся вашей щеки... Это она! Это носится Зарема,
ревностью дыша,*

Средь опустелого гарема!

Какой-то шелест прокрался в ваш слух... Это он! Это неусыпный дракон, сторожащий заветные, недоступные плоды! Это он,

ступая тихо по коврам,

К послушным крадется дверям,

От ложа к ложу переходит...» и т. д. [21, с. 372–373].

И неважно, как звали «любимейшую из жен» Керим-Гирея. «Мы знаем ее под очаровательным именем Марии, которое нарекли ей вещи струны певца “Бахчисарайского фонтана”», – продолжает Надеждин [21, с. 372–373], будто в 1829–1830 гг. не изощрялся: «певец Фактыдурая», «фонтаны закланы для Пушкина». Впрочем, для читателя дело объяснялось бы просто: Надеждин посетил Бахчисарайский дворец, поразивший его до глубины души и открывший тайну «гения Пушкина».

Алгамбра (Алгамбра) – архитектурно-парковый ансамбль, созданный династией Насридов (1230–1492) в Гренаде; памятник исламской архитектуры. Название Надеждина «Русская Алгамбра» настраивало на осмысление исторических аналогий. Очерк лишь в самом начале имеет жанровые приметы «путешествия». Основная часть представлена тремя рожденными воображением автора «рассказами» из истории Крымского ханства. Первый относится к 1475 г.: в долине, на месте

будущего Бахчисарая, в своем шатре едва не убит заговорщиками хан Менгли-Гирей; в критическую минуту его спасает мангупский князь Исайко (Исаак). Рассказ второй – о дворцовых интригах и отречении от ханства Хаджи-Селим-Гирея. В третьем рассказе показаны события 1783 г., когда Крым перешел в подданство России. В результате «Русская Алгамбра» – объемное (более 100 страниц убористого текста) произведение, в работе над которым (в частности, над историческими рассказами) автор использовал, как пишет в послесловии [21, с. 473–478], труды по истории Крыма. Но понятно желание читателя почувствовать в тексте нечто «надеждинское» – чего, например, не заметили ранее путешествующие к Бахчисараю.

Напомним, что к моменту создания «Русской Алгамбры» уже были опубликованы описания Бахчисарайского дворца Манштейном, И. М. Муравьевым-Апостолом, П. П. Свиным. А в начале 1834 г. в Одессе при поддержке М. С. Воронцова вышел первый в истории «Путеводитель путешественника по Крыму» Ш. Монтандона [15], Покровительство Воронцова обеспечило Монтандону возможность объехать весь Крым, максимально наполнить «Путеводитель» выверенными сведениями, так что книга стала «универсальным справочником», «добросовестным и незаменимым руководством» для путешественников [23, с. 31]. Заметим, что эпиграфом ко всему «Путеводителю...» выбраны строки из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина:

*Волшебный край, очей отрада,
Все живо там, холмы, леса;
Янтарь и пурпур винограда,
Долин приютная краса!*

Кстати, не лишено оснований предположение о личном знакомстве Пушкина и Монтандона в Одессе. Это следует из письма Монтандона, отправленного Пушкину в 1834 г. вместе с подарочным экземпляром «Путеводителя» (хранится в Мемориальном Музее-квартире А. С. Пушкина на набережной Мойки) [23, с. 19–20].

«Путеводитель» Монтандона имелся во многих частных библиотеках России [23, с. 30–31]) и тем более в домах Одессы. Равно доступна была в Одессе и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие в Тавриду в 1820 году» [16]. К слову, Надеждин вслед за Муравьевым-Апостолом называет Бахчисарайский дворец Алгамброй: у Муравьева-Апостола – «таврическая Аламбра». Впрочем, признаем, что название «Русская Алгамбра» сообщило очерку историческую концептуальность. Но Надеждину важно было показать «пушкинский» Бахчисарай. Нужны были бахчисарайские картины, описания реалий. Они есть в очерке Надеждина, но очень «перекликаются» с текстом Монтандона.

Так, Монтандон при первом взгляде на город видит «мечети и многочисленные минареты, которые взвинчиваются всюду с пирамидальными тополями <...> на фоне изъеденных скал округлой формы» [15, с. 168].

Надеждин: «Под ногами у вас лес мечетей и минаретов, вокруг которых толпятся домики прихотливой азиатской физиономии <...>. Яркая зелень роскошной южной растительности, виющая пышными узорчатыми гирляндами по узорной канве фантастически взгроможденных скал, каймит этот восхитительный ландшафт <...>» [21, с. 372].

Есть необходимость подметить, что татарские домики простых людей имели, скорее, «неприхотливую» наружность, сооружались либо из дикого камня, либо это были плетневые строения, обмазанные глиной. Так, здание Бахчисарайского приходского училища было «частью плетневым, частью каменной постройки» [25, с. 262–263]. Да и невозможно разглядеть мусульманские жилища за высокими заборами. «Что касается до архитектуры обыкновенных домов, то она не отличается ничем особенным, кроме устройства труб, сквозных и сделанных в виде маленьких остроконечных башенок», – пишет посетивший Бахчисарай в 1837 г. А. Н. Демидов [8, с. 372]. Кроме того, «изъеденные скалы округлой формы» у Монтандона реалистично отражают бахчисарайский горизонт – в отличие от «фантастически взгроможденных скал» и «роскошной южной растительности» Надеждина, скорее ассоциирующихся с рельефами крымского Южного бережья, а не скромными видами засушливого Бахчисарая.

Вот как пишет Монтандон о главной улице Бахчисарая:

«Главная улица, плохо мощеная, где с трудом могут разминуться два экипажа, представляет собой почти не прерывающиеся на протяжении полутора верст два ряда лавок и торговых палаток из дерева, открытых на улицу, что позволяет видеть, как этот народ подковывает быков, раскладывает товары, работает бритвой, месит тесто, разделявает мясо и занимается разными привычными ему ремеслами» [15, с. 168].

Надеждин о той же улице:

«Главная бахчисарайская улица есть излучистый коридор бесконечного гостиного двора, такой узенький, что две маджары с трудом могут на ней разъехаться <...>. В распахнутых настезь лавках, которые по обе стороны улицы тянутся на протяжении почти двух верст <...> жители Бахчисарая «живут» в полном смысле слова <...>. Портной кроит платье, сапожник тачает сапоги, хлебник валяет тесто, мясник свежует баранов, кузнец стучит тяжелым молотом, цирюльник сверкает острою бритвою» [21, с. 372].

Настораживает «добавленная» Надеждиным сценка: «портной кроит платье». Шить одежду – занятие женщин; но шить в лавке, на виду у всех мусульманки не могли.

У Монтандона читаем:

«Торговля тканями, колониальными товарами и галантереей почти целиком находится в руках евреев-караимов с Чуфут-Кале, которые каждое утро спускаются со скал на ослах или мулах, чтобы идти торговать в больших лавках, а вечером вернуться к своим очагам» [15, с. 169].

Надеждин о том же:

«То, что составляет торговлю в собственном смысле, не входит в круг занятий настоящих граждан Бахчисарая: ею занимаются здесь почти исключительно жида-караимы, обитатели отдаленного подблачного предместья, известного под именем Чуфут-Кале, которые, ежедневно, с

рассветом утра спускаясь в город, а к ночи возвращаясь в свое птичье гнездо на тощих, ленивых ослах, придают картине еще более оригинальности» [21, с. 176].

Тот, кто действительно видел подъем на Чуфут-Кале, вряд ли назвал бы ленивыми ослов, ежедневно спускающихся и поднимающихся по каменистой крутой дороге в горный город с тяжелым грузом.

Проведенные наблюдения убеждают, что Надеждин прибегал к заимствованиям. Но бывал ли Надеждин в Бахчисарае до написания очерка? Сопоставим факты.

Надеждин впервые побывал в Крыму в 1832 г., на возвратном пути из заграничной поездки, которую, кстати, он совершил со своим другом Д. М. Княжевичем, в то время чиновником министерства финансов. В «Автобиографии» Надеждин коротко упомянул об этой поездке, но ничего не написал о Бахчисарае:

«Доктор признал необходимым, чтобы я на лето съездил за границу. Это заставило меня просить увольнения от службы с дозволением совершить путешествие. Разрешение на то и на другое, в виде отпуска, дано было мне в июне 1832 года. Я отправился в Германию, Францию и Италию и провел в этом путешествии до конца сей год, возвратясь в Москву в конце декабря месяца. <...> При возврате в отечество, я совершил довольно продолжительную экскурсию у себя дома, на берегах Черного моря, от Одессы до Керчи, изучая также памятники, собранные на этой классической почве монументальных развалин» [18, с. 67].

«Экскурсия», как следует из сообщенных Надеждиным дат, пришлась на осень (в декабре уже был в Москве); причем «экскурсия» была морской – из Одессы с остановками в крымских портах в Евпатории, Балаклаве, Ялте, Керчи. Разгрузка и погрузка грузов в портах, занимавшая несколько часов, позволяла пассажирам совершить небольшие экскурсии; однако упомянута лишь Керчь («...от Одессы до Керчи»). При таком маршруте поездка в Бахчисарай, т. е. далеко вглубь полуострова, потребовала бы много времени, сил и стоила дорого.

Ненастной осенью 1835 г. была у Надеждина еще одна поездка в Крым, на этот раз сухопутная и опять с Д. М. Княжевичем. Дорога по осенней распутице оказалась нелегкой. Но, думается, это была необходимая Княжевичу поездка к брату Владиславу в Симферополь, связанная, возможно, с покупкой земли на юго-востоке полуострова. Княжевич пригласил в поездку Надеждина, попавшего тогда в тяжелое положение в связи с несостоявшейся женитьбой на Е. В. Сухово-Кобылиной. В «объяснении» А. П. Доброклонского к письмам Надеждина этого периода, опубликованным Рязанской Ученой архивной комиссией, обстоятельства поездки выглядели так. После взбудоражившего Москву скандала об отношениях Надеждина и молодой Е. В. Сухово-Кобылиной, «в обстановке сплетен» и «догадок» Надеждин решает выйти в отставку из Московского университета, окончательно «сбросить с себя синюю профессорскую шкуру» и стать, например, вице-губернатором; даже «наметил», где получит должность. С. Т. Аксаков его отговаривает. А «Александр Княжевич со своей стороны даже улыбнулся, когда услышал от Надеждина, что тот хочет служить где-нибудь в губернском городе, а не в столице», – продолжает

А. П. Доброклонский [9, с. 582]. В таком настроении Надеждин решил на путешествие: «С ним собирался Дмитрий Княжевич со своим сыном и Константин Сергеевич Аксаков, но через несколько времени этот последний отдумал». Надеждин, «окончив в Московском университете курсовые экзамены, отправился за границу вместе с Д. Княжевичем», и «намеченный им путь» лежал по Северной Германии, Рейну, Швейцарии, Франции и верхней Италии. По возвращении Надеждина из заграничного путешествия, подмечает А. П. Доброклонский, «вопрос о женитьбе на Е. К. перестал его волновать»: «Путешествие ли охладило его страстный пыл, или другие обстоятельства помешали поддерживать близкие связи с Е. К-ой, об этом ничего не говорят сохранившиеся письма» [9, с. 583].

Итак, прежде чем поехать за границу, Надеждин с Княжевичем побывали в Крыму и возвратились в Москву. Вот письмо Надеждина М. А. Максимовичу из Симферополя от 7 ноября 1835 г. (сохраняем орфографию оригинала): «Не знаю, когда мы выберемся из Крыма и доберемся до Москвы. Дорога гнусная. Мы ехали снегом от Браулова до Перекопа... Одесса завалена сугробами... Половина Буга замерзла под Николаевым. Днепр под Бериславом переезжают по льду... В Крыму грязь непроходимая – туманы свинцовые... Солнце едва продирается сквозь тучи. Мы приехали сюда во вторник, 5 ноября, вечером; и в субботу думаем ехать на Южный берег... (видимо, в Кучук-Узень. – Л. О.). Я привезу тебе раковин... и т. д.» [18, с. 75]. О Бахчисарае ни слова. Да и как при такой беспутнице и сжатых сроках решиться на трудную дорогу в Бахчисарай; в Симферополе усталый Надеждин тепло был принят в имении Марьино (близ Симферополя) братом Д. М. Княжевича Владиславом Максимовичем, Таврическим вице-губернатором с 1832 г. [30, с. 431–461].

А в конце декабря 1835 г. путешественники были уже во Франции. Поездка продолжалась до середины апреля 1836 г. Путевые впечатления Надеждин заносил в дорожный дневник; записи легли в основу очерка «Путешествие по Рейну», напечатанного без подписи в «Телескопе» (№ 3, с. 494–573).

Итак, весьма трудно утверждать, что Надеждин побывал в Бахчисарае и Ханском дворце до 1838 г., т. е. до написания «Русской Алгамбры». Надеждин спешил. При небольшом количестве присланных для альманаха литературных материалов, ему приходилось подготовить сразу два текста, тематически привязанные к Новороссийскому краю. Причем они должны быть *объемными*, что, кстати, почувствовал Белинский и в обзоре «Одесского альманаха» отметил как лучшие статьи Надеждина «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийского края» и «Русскую Алгамбру», где «занимательность – ее достоинство, а растянутость – недостаток» [2, с. 15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала 1839 г. к печати уже готовился следующий выпуск «Одесского альманаха» – на 1840 год; для него Надеждин написал статью «Литературная летопись Одессы», где опять звучит имя Пушкина. По мысли Ю. Манна [13, с. 40–41], в этих текстах у Надеждина заметна перемена отношения к Пушкину, к его творчеству. «Перемену» заметили все. И насколько это было для Надеждина

актуально, видно из его письма к А. А. Краевскому от 29 января 1840 г.: «...Назад тому десять лет, при вступлении моем на литературное поприще, я <...> имел смелость восстать против Пушкина <...>. Я даже “ругал” его, если хотите <...>. Я сам отрекаюсь теперь от моих тогдашних выходок <...>. Образ мыслей моих, мой взгляд, моя, так сказать, душевная организация с тех пор значительно переменялись <...>. И это высказываю я громко <...>. Что же может тянуть меня за язык теперь и принуждать к притворству?.. Пушкин, верно, умел ценить меня <...>. Я имею от него письма. И все это было после моих критик! Стал ли бы он поступать так, если бы в статьях моих против него была злоумышленность?.. Будет время, когда я изложу в подробности и перед публикою не защищение свое (защищаться мне не в чем), но историю моего внутреннего развития и происходивших во мне *переворотов* (выделено мною – Л. О.): тогда объяснятся и мои отношения к великому незабвенному поэту» [31, с. 150].

ВЫВОДЫ

При всей противоречивости представленной в статье истории «Русской Алгамбры» необходимо учитывать, что появление в 1838 г. произведений, где подтекстово (как у И. И. Панаева) и в открытом тексте (как у Н. И. Надеждина) звучала пушкинская тема, разрывало установленные в начале 1837 г. «непревышения» на появление материалов о Пушкине. Объявленные тогда цензурные ограничения имели негласный эффект инерции и в 1838 г. Но «Одесский альманах на 1839 год» Д. И. Княжевича, безусловно, с одобрения Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова, открыто заговорил в очерке Надеждина о «гении незабвенного Пушкина». В следующем выпуске «Одесского альманаха» – на 1840 год появляется очерк Надеждина «Литературная летопись Одессы», интересный, как писал Белинский, «по живому воспоминанию о влиянии Новороссийского края на поэзию Пушкина» [4, с. 225]. Особый смысл виделся читателю в том, что о Пушкине писал тот самый скандально прославившийся в 1829–1830-х гг. Никодим Надоумко, причем писал в Одессе, из которой был выслан Пушкин в Михайловское, но в которой хранились воспоминания о Пушкине. В понимании читателей Одесса, а также Крым, становились «территориями Пушкина», с годами трансформирующимися в понятие «Пушкинские места».

Отметим, наконец, заслуги и личный вклад Надеждина в создание «Одесских альманахов» на 1839 и 1840 годы, ставших событием литературной жизни Юга России. Одесса заявила о себе ярко. Вышедшие альманахи отразили картину литературных интересов и опытов и, кроме того, весьма успешных историко-краеведческих инициатив [11, 433–449, 469–523].

И. И. Панаев и Н. И. Надеждин войдут в историю русской литературы как писатели пушкинской эпохи. В 1846 г. пушкинский «Современник» перейдет от П. А. Плетнева к И. И. Панаеву, Н. А. Некрасову, В. Г. Белинскому и станет в ряду самых авторитетных российских изданий, сыграет особую роль в сложных цензурных условиях времени Крымской войны 1853–1856 гг. [30, с. 311–363].

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Друг писателей» М. А. Языков и Ф. М. Достоевский: взаимоотношения в письмах, атрибуция, комментарий // Неизвестный Достоевский. Междунар. электронный науч. журнал. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 23–58.
2. [Белинский В. Г.] Одесский альманах на 1839 год. – Одесса. 1839. В городской типографии. 618 (16) // Московский наблюдатель. – 1839. – Ч. II. – № 3, отд. IV. – С. 13–17.
3. Белинский [В. Г.]. Письма: 3 т. / Ред. и примеч. Е. А. Ляцкого. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – Т. 1: [1829–1839]. – 1914. – VIII, 427 с.
4. Белинский В. Г. Полное собрание соч. В. Г. Белинского. В 12-ти томах / под ред. и с примеч. С. А. Венгерова. – Т. 5: Критические статьи. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. – 580 с.
5. Вацуро В. Э. Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. – Л.: Наука, 1979. – С. 46–64.
6. Вацуро В. Э. «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. – М.: Книга, 1978. – 287 с.
7. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 108, оп. 1. – Ед. хр. 70. – Л. 28.
8. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. – Москва: В тип. Александра Семена, 1853. – 543 с.
9. К биографии профессора Н.И. Надеждина // Русский архив. – 1885. – Вып. 8. – С. 573–583.
10. Кошелев В. А. «Вологодская история» Никодима Надоумко // Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. – Архангельск, 1985. – С. 166–180.
11. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828—1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / Под общ. ред. Е. О. Ларионовой – Санкт-Петербург, 2001. – 576 с.
13. Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. – СПб: Имп. Акад. наук, 1910. – 557 с.
14. Максимович М. А. Воспоминание о Надеждине // Москвитянин, учено-литературный журнал. – 1856. – Т. 1. – № 3. – С. 225–234.
15. Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Перевод с франц. В. В. Орехова. – К.: ИД «Стилос», 2011. – 416 с.
16. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 годѢ. – Санктпетербург: Печ. в тип., состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел, 1823. – 337 с.
17. Мурзакевич Н. Н. Записки // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – С. 477–498.
18. Надеждин Н. И. Автобиография. С дополнениями П. С. Савельева // Русский вестник. – 1856. – Т. 2. – № 3. – С. 49–78.
19. Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. статья, сост. и комм. Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1972. – 575 с.
20. Новикова Е. В. Выбор оружия. Эпиграмма в судьбе Пушкина // Звезда. – 1999. – № 6. – С. 164–175.
21. Одесский альманах на 1839 год / Сост. и ред. Н. И. Надеждин. – Одесса: в Городской Типографии, 1839. – 618 с.
22. Описание дворца Хана Крымского и столичного его города Бахчисарая, учиненное, по приказу графа Миниха, Капитаном Манштейном // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным, тип. Плавильщикова, 1824. – Ч. 19. – № 51. Июль. – С. 75–100.

23. *Орехов В. В.* Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – К.: ИД «Стилос», 2011. – С. 10–41.
24. *Орехова Л. А.* «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сб. науч. статей. – Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. – С. 114–124.
25. *Орехова Л. А.* «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина в литературе путешествий по Крыму: проблемы интерпретации // Вестник Псковского государственного университета. «Социально-гуманитарные науки». – Псков: Псковский гос. университет, 2015.– № 1. – С. 258–265.
26. *Орехова Л. А.* Д. М. Княжевич: литература и просвещение // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – Т. 2. – С. 474–478.
27. *Орехова Л. А.* Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2015. – Т. 1 (67). – № 1. – С. 79–87.
28. *Орехова Л. А.* Об одном эпизоде из литературной жизни 1823 года // «Липецкий потоп» и пути развития русской литературы: Сб. науч. статей по итогам Междунар. науч. конф. – Липецк: ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2006. – С. 67–76.
29. *Орехова Л. А.* Сосед Державина М. Д. Княжевич // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород: Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
30. *Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В.* Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2010. – 480 с.
31. *Осовцов С.* Кто был автором «Литературной летописи Одессы»? // Русская литература. – 1966. – № 1. – С. 145–150.
32. Отзывы одесских газет о смерти Пушкина / Сообщил Л. С. М-ч (Мацевич) // Русская старина. – 1887. – Т. 5. Апрель. – С. 155–158.
33. *Панаев И. И.* Литературные воспоминания / Вступ. ст. и комм. И. Г. Ямпольского. – М.: Правда, 1988. – 448 с.
34. Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. / Сост. и коммент. В. Э. Вацура и др. – 575 с.
35. *Пушкин А. С.* Бахчисарайский фонтан. Сочинение Александра Пушкина. – М.: Тип. Августа Семена при Имп. Медико-хирургич. академии, 1824. – 48 с.
36. Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830 / [А. М. Березкин и др.]; Под общ. ред. Е. О. Ларионовой / Вступ. ст. Е. О. Ларионовой. – СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. – 576 с.
37. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16-ти т. – Москва, Ленинград: АН СССР, 1937–1949.
38. Пушкин: Итоги и проблемы изучения: Коллективная монография / Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом); под ред. Б. П. Городецкого [и др.]. – Москва; Ленинград: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1966. – 663 с.
39. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1. А–Д. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2009. – 520 с.
40. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 10. – Оп. 1. – Ед. хр. 71. – Л. 23.

41. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века) / Сост.: М. И. Гиллельсон, К. А. Кумпан. – Л.: Советский писатель (Ленингр. отд-ние.), 1988. – 784 с.
42. *Свиньин П. П.* Бахчисарайский дворец. Из путевых записок издателя «Отчественных» зап<исок>» 1825 года // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. – С.-Петербург, в тип. К. Крайя, 1827. – Ч. 29. – № 1 (январь). – С. 3–27.
43. *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина / Ред. Н. С. Ашукин. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962. – 631 с.
44. Современная русская библиография (Б. п.) // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Николаем Гречем. – С.-Петербург, в тип. Н. Греча. – 1824. – Ч. 92. – № 12. – С. 233–235.
45. Современник. – Т. 9. – СПб: В тип. А. Воейкова и комп., 1838. – 170 с.

References

1. Andrianova I. S. «*Drug pisatelej*» M. A. Jazykov i F. M. Dostoevskij: vzaimootnoshenija v pis'mah, atribucija, kommentarij [Friend of Writers' M. A. Yazykov and F. M. Dostoevsky: relationships in letters, attribution, commentary]. *Neizvestnyj Dostoevskij. Mezhdunar. jelektronnyj nauch. zhurnal*. Petrozavodsk, Petrozavodskij gos. un-t Publ., 2017, vol. 4, no. 2, pp. 23–58.
2. [Belinskij V. G.] *Odesskij al'manah na 1839 god. – Odessa. 1839. V gorodskoj tipografii. 618 (16)* [Odessa almanac for 1839. – Odessa. 1839. In the city printing house. 618 (16)] // *Moskovskij nabljudatel'*, 1839, part II, no. 3, pp. 13–17.
3. Belinskij [V. G.]. *Pis'ma: 3 t. T. 1* [Letters. In 3 volumes. T. 1]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1914. 427 p.
4. Belinskij V. G. *Polnoe sobranie soch. V. G. Belinskogo. V 12-ti tomah. T. 5: Kriticheskie stat'i* [Complete works of V. G. Belinsky. In 12 volumes. T. 5: Critical articles]. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasjulevicha Publ., 1901. 580 p.
5. Vacuro V. Je. *Iz neizdannyh otklikov na smert' Pushkina* [From unpublished responses to the death of Pushkin]. *Vremennik Pushkinskoj komissii. 1976*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 46–64.
6. Vacuro V. Je. «*Severnye cvety*»: *Istorija al'manaha Del'viga – Pushkina* [“Northern Flowers”: The History of the Almanac of Delvig and Pushkin]. Moscow, Kniga Publ., 1978. 287 p.
7. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym* [State Archives of the Republic of Crimea]. Fund 108, inventory 1, storage unit 70, sheet 28.
8. Demidov A. N. *Puteshestvie v Juzhnuju Rossiju i Krym, cherez Vengriju, Valahiju i Moldaviju, sovershennoe v 1837 godu Anatolijem Demidovym* [Travel to Southern Russia and Crimea, through Hungary, Wallachia and Moldova, made in 1837 by Anatoly Demidov]. Moscow, V tip. Aleksandra Semena, 1853. 543 p.
9. *K biografii professora N. I. Nadezhdina* [To the biography of Professor N. I. Nadezhdin]. *Russkij arhiv*, 1885, no. 8, pp. 573–583.
10. Koshelev V. A. «*Vologodskaja istorija*» *Nikodima Nadoumko* [“Vologda history” by Nikodim Nadoumko]. *Vologodskie davnosti: Literaturno-kraevedcheskie ocherki*. Arhangel'sk, 1985. pp. 166–180.
11. *Krymskij mif v russoj kul'ture pervoj poloviny XIX v. Svod maloizvestnyh svidetel'stv sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture of the first half of the 19th century. A collection of little-known contemporary testimonies]. Ed. by K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orehova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet. Veliky Novgorod, Simferopol', Rastr Publ., 2017. 768 p.
12. Larionova E. O. «*Uslyshish' sud glupca...*» (*Zhurnal'nye otnoshenija Pushkina v 1828–1830 gg.*) [“You will hear the judgment of a fool...” (Journal relations of Pushkin in 1828–1830)]. *Pushkin v prizhiznennoj kritike. 1828–1830*. St. Petersburg, 2001. 576 p.

13. Lerner N. O. *Trudy i dni Pushkina* [Works and days of Pushkin]. St. Petersburg, Imp. Akad. nauk Publ., 1910. 557 p.
14. Maksimovich M. A. *Vospominanie o Nadezhdine* [Memories of Nadezhdin]. *Moskvitjanin, ucheno-literaturnyj zhurnal*, 1856, vol. 1, no. 3, pp. 225–234.
15. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym* [A traveler's guide to Crimea, decorated with maps and plans. Views and vignettes and preceded by an introduction about different ways to move from Odessa to Crimea]. Kyiv, Stilos, 2011. 416 p.
16. Murav'ev-Apostol I. M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 gode* [Travel to Taurida in 1820]. St. Petersburg: Kanceljarija Ministerstva Vnutrennih Del Publ., 1823. 337 p.
17. Murzakevich N. N. *Zapiski* [Notes]. *Russkaja starina*, 1887, vol. 55, pp. 477–498.
18. Nadezhdin N. I. *Avtobiografija. S dopolnenijami P. S. Savel'eva* [Autobiography. With additions by P. S. Savelyev]. *Russkij vestnik*, 1856, vol. 2, no. 3, pp. 49–78.
19. Nadezhdin N. I. *Literaturnaja kritika. Jestetika* [Literary criticism. Aesthetics]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1972. 575 p.
20. Novikova E. V. *Vybor oruzhija. Jepigramma v sud'be Pushkina* [Choice of weapons. Epigram in the fate of Pushkin]. *Zvezda*, 1999, no. 6, pp. 164–175.
21. *Odesskij al'manah na 1839 god* [Odessa almanac for 1839]. Odessa, Gorodskaja Tipografijai Publ., 1839. 618 p.
22. *Opisanie dvorca Hana Krymskogo i stolichnogo ego goroda Bahchisaraja, uchineno, po prikazu grafa Miniha, Kapitanom Manshtejnom* [Description of the palace of the Khan of Crimea and his capital city of Bakhchisarai, carried out, on the orders of Count Minich, by Captain Manstein]. *Otechestvennye zapiski*, 1824, part. 19, no. 51 (July), pp. 75–100.
23. Orehov V. V. *Pervyj putevoditel' po Krymu* [The first guide to Crimea]. *Montandon Sh. Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah pereezda iz Odessy v Krym*. Kyiv, Stilos Publ., 2011, pp. 10–41.
24. Orehova L. A. «Arzamas» i literaturnye orientiry D. M. Knjazhevicha [“Arzamas” and literary landmarks of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe obshhestvo «Arzamas»: istorija i sovremennost'.* *Sb. nauch. statej.* Arzamas, Nizhnij Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 114–124.
25. Orehova L. A. «Bahchisarajskij fontan» A. S. Pushkina v literature puteshestvij po Krymu: problemy interpretacii [“The Bakhchisarai Fountain” by A. S. Pushkin in the literature of travel around the Crimea: problems of interpretation]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki»*, 2015, no. 1, pp. 258–265.
26. Orehova L. A. *D. M. Knjazhevich: literatura i prosveshhenie* [D. M. Knyazhevich: literature and education]. *Russkij jazyk v polikul'turnom mire: X Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (8–11 ijunja 2016 g.): sb. nauch. statej. V 2-h t.* Simferopol', ARIAL Publ., 2016, vol. 2, pp. 474–478.
27. Orehova L. A. *Literaturno-kriticheskie vozzrenija D. M. Knjazhevicha (po publikacijam v «Sankt-Peterburgskom vestnike» 1812 goda)* [Literary and critical views of D. M. Knyazhevich (based on publications in the “St. Petersburg Bulletin” of 1812)]. *Uchenye zapiski KFU im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 79–87.
28. Orehova L. A. *Ob odnom jepizode iz literaturnoj zhizni 1823 goda* [About one episode from the literary life of 1823]. «Lipeckij potop» i puti razvitija russkoj literatury: *Sb. nauch. statej po itogam Mezhdunar. nauch. konf.* Lipeck, 2006, pp. 67–76.
29. Orehova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knjazhevich* [Derzhavin's neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskij Derzhavinskij sbornik (K 200-letiju so dnja smerti pojeta)*. Veliky Novgorod, Nov GU im. Jaroslava Mudrogo, 2016, pp. 130–142.
30. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa*

Орехова Л. А.

- [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
31. Osovcev S. *Kto byl avtorom «Literaturnoj letopisi Odessa»?* [Who was the author of the “Literary Chronicle of Odessa”?]. *Russkaja literatura*, 1966, no. 1, pp. 145–150.
  32. *Otzyvy odesskih gazet o smerti Pushkina. Soobshhil L. S. M-ch (Maceevich)* [Reviews of Odessa newspapers about the death of Pushkin. Reported by L. S. M-ch (Matseevich)]. *Russkaja starina*, 1887, vol. 5, pp. 155–158.
  33. Panaev I. I. *Literaturnye vospominanija* [Literary memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988. 448 p.
  34. *Perepiska A. S. Pushkina. V 2-h t.* [Correspondence of A. S. Pushkin. In 2 volumes]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1982, vol. 2. 575 p.
  35. Pushkin A. S. *Bakhchisarajskij fontan. Sochinenie Aleksandra Pushkina* [Bakhchisarai fountain. Essay by Alexander Pushkin]. Moscow, Tip. Avgusta Semena pri Imp. Mediko-hirurgich. akademii Publ., 1824. 48 p.
  36. *Pushkin v prizhiznennoj kritike: 1828–1830* [Pushkin in lifetime criticism: 1828–1830]. St. Petersburg, Gos. Pushkinskij teatral'nyj centr v Sankt-Peterburge Publ., 2001. 576 p.
  37. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: V 16-ti t.* [Complete works: In 16 volumes]. – Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1937–1949.
  38. *Pushkin: Itogi i problemy izuchenija: Kollektivnaja monografija* [Pushkin: Results and problems of study: Collective monograph]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ, 1966. 663 p.
  39. *Pushkinskaja jenciklopedija: Proizvedenija. Vyp. 1. A–D* [Pushkin Encyclopedia: Works. Vol. 1. A–D]. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2009. 520 p.
  40. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. Fund. 10, inventory 1, storage unit 71, sheet 23.
  41. *Russkaja jepigramma (XVIII – nachalo XX veka)* [Russian epigram (18th – early 20th century)]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1988. 784 p.
  42. Svin'in P. P. *Bakhchisarajskij dvorec. Iz putevyh zapisok izdatelja «Otechestvennyh» zap<isok>» 1825 goda* [Bakhchisarai Palace. From the travel notes of the publisher of “Otechestvennye zapiski” in 1825]. *Otechestvennye zapiski*, 1827, part 29, no. 1, pp. 3–27.
  43. Smirnov-Sokol'skij N. P. *Rasskazy o prizhiznennyh izdanijah Pushkina* [Stories about Pushkin's lifetime publications]. Moscow, Izd-vo Vsesojuz. kn. palaty Publ., 1962. 631 p.
  44. *Sovremennaja russkaja bibliografija* [Modern Russian bibliography]. Syn Otechestva, istoricheskij, politicheskij i literaturnyj zhurnal. St. Petersburg, Tip. N. Grecha Publ., 1824, vol. 92, no. 12, pp. 233–235.
  45. *Sovremennik. T. 9* [Sovremennik. T. 9]. St. Petersburg, Tip. A. Voejkova i komp. Publ., 1838. 170 p.

ABOUT PUSHKIN IN 1838: I. I. PANAEV AND N. I. NADEZH DIN

Orehova L. A.

In 1838, in St. Petersburg, under the “special supervision” of the Minister of Education, eight volumes of the posthumous Collected Works of A. S. Pushkin were published. P. A. Pletnev continues the publication of Pushkin's “Contemporary” (IX–XII vols.), and volume nine opened with the epigraph: “He shows the way and the staff gives” - a line from Pushkin's “Answer to Anonymous”. The year 1838 was not only the year of commemoration of Pushkin, comprehension of the circumstances of his death, but also the role of the “lost poet of Russia” (P. A. Pletnev) in national history. The publication in the South of Russia of the “Odessa Almanac for 1839” makes it possible to judge the unfolding trend of open conversation about Pushkin, the establishment of the memory of him in society.

Key words: A. S. Pushkin, “Odessa Almanac”, “Russian Alhambra”, I. I. Panaev, N. I. Nadezhdin, D. M. Knyazhevich.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 811.512.1

ПЕРВЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА: В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ 1920–1930-х ГОДОВ

Абдуллабекова У. Б.

*Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Российская Федерация
e-mail: irma-uma@mail.ru*

В статье описываются предпосылки становления терминографии в кумыкском языке. В предвоенный советский период после образования ДАССР в кумыкском языке наблюдалась интенсификация внедрения новых терминов, что было связано с необходимостью создания новой национальной системы и обеспечения эффективной коммуникации в стране. В 1932–1933 гг. в ДАССР был введен обязательный начальный всеобуч. В результате этого начали издаваться учебники на родных языках, в том числе на кумыкском, а также небольшие терминологические словари. В статье рассматривается макро и микроструктура первых терминологических словарей в кумыкском языке. Анализируемые издания являются первой попыткой научной систематизации понятийно-терминологического аппарата указанных предметных областей. В статье приводятся основные параметры словарей: по объему – краткие, по тематической ориентации – одноотраслевые, по функциональной нагруженности – учебные (словарь по делопроизводству – справочная функция), по языковой ориентации – двуязычные русско-кумыкские терминологические словари. При переводе терминов и терминологических словосочетаний часто используются следующие приемы: заимствование, семантическое переосмысление, калькирование, использование кумыкских словообразовательных аффиксов.

Ключевые слова: становление терминографии, терминологический словарь, тюркская терминология, кумыкская терминология, издание словарей, предпосылки для терминологии, кумыкский язык.

ВВЕДЕНИЕ

Терминология как самая динамичная часть литературного языка является зеркалом процессов в различных сферах духовной и материальной жизни общества. Ее формирование обусловлено влиянием как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов. Ключевыми экстралингвистическими факторами, определяющими эволюцию терминологии, являются общественная формация, историческая конъюнктура, а также политические и экономические факторы. Взаимодействие этих факторов с языком составляет предмет изучения социолингвистики.

Каждой общественной формации или историческому периоду соответствует в языке свой лексический пласт. Словарь любого литературного языка представляет собой сумму таких лексических пластов. Этот лексический пласт находит отражение в лексикографической работе.

В настоящей публикации рассматриваются предпосылки создания и структура первых терминологических словарей кумыкского языка. В ходе исследования решаются следующие задачи: описать предпосылки появления первых терминологических словарей в кумыкском языке, проанализировать макро- и микроструктуру трех словарей («Термины по физике» [13], «Термины по химии» [14], «Термины по математике» [12]), выявить и рассмотреть особенности словарей, описать основные характеристики терминологического состава словарей.

Выбор использованных методов исследования определяется целью и набором поставленных задач. Прежде всего использовались описательно-аналитический метод при характеристике макро- и микроструктуры словарей, а также индуктивно-дедуктивный метод для выявления сходств и различий структуры словарей, словарных статей, самих терминов, и терминологических словосочетаний. С помощью метода параметризации было посчитано количество терминов, принадлежащих к той или иной части речи. Метод параметризации применяется для более точной и всесторонней оценки характеристик терминов в кумыкском языке.

Теоретической основой исследования являются публикации авторов в области теории терминографии: С. В. Гринев-Гриневиц [4], Ю. Н. Марчук [8], А. Я. Шайкевич [17], З. И. Комарова [5], В. Д. Табанакова [10]; в области функционирования терминов в тюркских языках: Н. А. Баскаков [3], К. М. Мусаев [9] и др. Практическая значимость данной статьи заключается в том, что вопросы, рассмотренные в статье, могут быть использованы в преподавании дисциплины «Лексикография кумыкского языка».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В развитии терминологии в кумыкском языке выделяется четыре периода: дореволюционный (начало XX в.), довоенный (1920-е – начало 1930-х гг.), советский (конец 1930-х и середина 1980-х гг.), постсоветский (1985–20-е гг. XXI в.). Но в литературе по тюркологии часто приводится периодизация Н. А. Баскакова [8, с. 58–60], которая по временным рамкам имеет незначительные отличия. Данная периодизация детерминирована теми изменениями в развитии терминологии кумыкского языка, которые обусловлены социальными, культурными и политическими факторами.

В дореволюционный период начали появляться зачатки терминологии: языковедческой, религиозной, общественно-политической, медицинской. Таким образом, в дореволюционный период отсутствуют словари.

Данный период характеризуется сильным влиянием арабского и персидского языков, являвшихся языками религии, науки и культуры [3, с. 4]. В этот период заложена основа научной терминологии, и все основные научные понятия и категории выражались заимствованной арабской терминологией, например: *гъаракат* «движение», *маъна* «значение, смысл», *илму* «наука» и др.

После революции 1917 г. и возникновения ДАССР начинается изменение языковой ситуации. В 1921 г. на X съезде Коммунистической партии была выдвинута задача «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию» [6]. Также в фокусе внимания обкома партии СССР находится вопрос о языке и алфавите.

В 1921 г., с введением Дагестанской автономной социалистической советской республики (ДАССР), начинается процесс изменения языковой ситуации на территории Дагестана. В этот период происходит развитие языковой и школьной политики, изменения в планировании речевого корпуса, включая переход на латиницу в 1928 г. В результате были созданы условия для внедрения всеобщего начального образования в республике.

Как отмечает исследователь дагестанской лексикографии И. Х. Абдуллаев, «в связи с переходом на новый, латинизированный алфавит необходимо было решить вопросы нормализации формирующихся младописьменных языков, их орфографии, терминологии» [16, с. 26].

В июле 1930 г. состоялся пленум Областного комитета, который принял решение о неотложной работе над терминологией и правописанием местных языков, а также о подготовке и издании словарей.

В начале 1931/1932 учебного года школы первой ступени в Дагестанской Автономной ССР перешли на обучение на родных языках. Это нововведение вызвало острую необходимость в создании единых норм орфографии и терминологии по различным дисциплинам. Для решения этой задачи были организованы научные конференции, на которых обсуждались вопросы развития литературных языков народов Дагестана и создания учебников и терминологических словарей. В результате этих конференций в 1932 г. был начат процесс разработки кумыкской терминологии. В этот же период были изданы первые четыре небольших терминологических словаря на кумыкском языке: по делопроизводству (1932 г.) [11], по математике (1932 г.) [12], по химии (1932 г.) [14], по физике (1932 г.) [13]. Эти словари хотя и были краткими и однотипными, но заложили основу для систематизации кумыкской терминологии. В то время в кумыкском письменном языке не было терминов для многих областей знания. Поэтому возникла необходимость в терминах для учебных целей. 1932 г. можно считать началом развития кумыкской терминографии. Также необходимо указать, что в настоящее время данные словари являются библиографической редкостью. Экземпляры словарей хранятся в Химкинском книгохранилище РГБ в Москве, только «Терминология по делопроизводству» была включена в электронный каталог.

В последующие годы работа по упорядочению и стандартизации кумыкской терминологии продолжалась. В 1940 г. в связи с переходом на кириллицу был издан первый многоотраслевой терминологический словарь по истории, языку, литературе, математике, естествознанию и географии [7]. За ним последовали словари, изданные в 1982 [2], 2006 [1] и 2020 [11] годах. Эти словари стали важными инструментами для преподавателей и учащихся, помогая им осваивать и использовать научную лексику на родном языке.

Таким образом, в 1932 г. были изданы первые терминологические словари. Эти издания являются первой попыткой научной систематизации понятийно-терминологического аппарата указанных предметных областей: физика, математика, химия, делопроизводство. Правила отбора и организации материала в этих словарях одинаковы.

Основные параметры словарей совпадают (Табл. 1.):

Табл. 1. Параметры первых терминологических словарей кумыкского языка

	Терминология по делопроизводству	Термины по физике	Термины по химии	Термины по математике
Объем	Краткий (39 с.)	Краткий (38 с.)	Краткий (32 с.)	Краткий (30 с.)
Тематическая ориентация	Одноотраслевой	Одноотраслевой	Одноотраслевой	Одноотраслевой
Тип словаря	Справочный	Учебный	Учебный	Учебный
Языковая ориентация	Двуязычный русско-кумыкский	Двуязычный русско-кумыкский	Двуязычный русско-кумыкский	Двуязычный русско-кумыкский
Функция	Справочная	Учебная	Учебная	Учебная

Функциональная детерминированность является одним из основных параметров любого словаря. В. Д. Табанакова маркирует четыре функции: справочная, систематизирующая, учебная и нормативная функции [10, с. 158]. Что касается рассматриваемых словарей, в словаре по делопроизводству реализуются справочная функция, в терминологических словарях по математике, физике и химии реализуется учебная функция.

Объем любого терминологического словаря находится в прямой зависимости от его тематической ориентации, назначения и функции. В предисловии к словарю по делопроизводству отмечено, что «Выпускаемая в свет терминология по делопроизводству является справочником, содержащим минимум того, что трудящийся употребляет в деловой своей жизни. Назначение словаря заключается в том, чтобы дать местам возможность ускорить перевод повседневной работы своих аппаратов на родные языки и упорядочить делопроизводство на них» [11, с. 2]. Словари по физике, химии и математике охватывают термины в рамках школьной программы, предназначены для учителей и учащихся, выполняют учебную функцию, в связи с этим объем словарей – незначительный, краткий.

Далее проанализируем макро- и микрокомпозицию учебных словарей «Термины по физике» [13], «Термины по химии» [14], «Термины по математике» [12].

Данные словари выполнены терминологической комиссией в секторе языка и литературы Дагестанского научно-исследовательского института при Наркомпросе ДАССР. Переводчик словарей – Мурза Темирханов, ответственным редактором словаря по математической терминологии является Зияутдин Даилов, словаря по физической терминологии – Абдулла Алиев, словаря по химической терминологии – М. Ходжалиев.

В терминологическую комиссию входили знатоки языков и люди, знающие данную дисциплину. По кумыкскому языку это Зайнал Бамматов, Мурза Темирханов, Зурхай Темирханов, Ханмурзае¹, М. Ходжалиев, Абакаров, А. Мурзаев.

Анализируемые словари – это учебные словари с упрощенной структурой в объеме школьной программы. Данные терминологические словари представляют собой русско-кумыкские переводные терминологические словари, упорядоченные по

¹ К сожалению, на титульном листе анализируемых словарей некоторые фамилии указаны без инициалов.

алфавиту. В словарях используются две системы письма: для русской части – кириллическое письмо, для кумыкской части – латинское.

Макрокомпозиция словарей идентична, включает только собственно корпус словаря, в которые включено 867 терминов по математике, 1005 терминов по физике и 981 термин по химии.

Микрокомпозиция. Терминология систематизируется в алфавитном порядке: алфавитный список терминов на русском языке в левой части словарей, в правой части эквивалент термина в кумыкском языке на латинице. Какие-либо пометы отсутствуют.

Основные характеристики словарей:

1) В состав терминологического списка словарей входят существительные и номинативные сочетания (основное количество), прилагательные и глаголы (незначительное количество). Приведем примеры: физ. *газообразный* – *gazsypatly*, физ. *разомкнутый* – *acylqan*, физ. *градуировать* – *graduqlamaq*, физ. *наэлектризовать* – *elektrikleşdirmek*, хим. *газообразный* – *gaz gyrunuşly*, хим. *тугоплавкий* – *setim irijgen*, *градуировать* – *daraçalamaq*, хим. *прокаливать* – *qysdarmaq*, мат. *взаимно перпендикулярные* – *bir-birine tik*, мат. *вертикальный* – *tik*, мат. *вынести за скобки* – *tırnaqlardan сыqarmaq*, мат. *группировать* – *gruppalaşdarmaq*.

Как правило, термины рассматриваются как специфические лингвистические единицы, которые представляют собой имена существительные или словосочетания, образованные на их основе.

Адъективная лексика реализует в терминологии функции терминологических элементов. По мнению С. В. Гринев-Гриневица, глаголы лишены самостоятельного терминологического значения, поскольку их можно разбить на семантические элементы «производить, делать», + «обозначаемое действие» [4, с.29]. Необходимо отметить, что в математической терминологии прилагательные составляют 17%, глаголы – 5%, в терминах по физике – 1,6% и 0,4% соответственно, в терминах по химии – 1% и 0,3%.

2) Приводятся варианты способы терминообразования:

а) фонетико-графические варианты, например: физ. *аммиак* – *amonjak*, *amijak*, физ. *ватерпас* – *suv tereze*, *suv taraz*, хим. *химия* – *kimija*, *ximija*.

б) словообразовательные варианты: хим. *внутренний* – *icinde*, *icde*.

в) исконные и заимствованные дуплеты: заимствования из русского языка – физ. *мотор* – *terbetivcu*, физ. *гидравлический пресс* – *suv qьsqac*, *pres*, физ. *изоляция* – *isoljasija*, *ajььv*, хим. *железный купорос* – *temir kuporos*, *goktaş*, хим. *аморфный* – *amorf*, *suratsъz*, хим. *газомер* – *gas ölcevuc*, *gazometir*, мат. *биссектриса* – *bissektrisa*, *orta hъz*, мат. *параллельный* – *janaşaly*, *paralleli*; заимствования из арабского языка – физ. *всемирное тяготение* – *umumi çaziba*, *dunja tartььvi*, хим. *прозрачный* – *syzyk*, *saffaf*, хим. *химическое равновесие* – *kimijali teңlik*, *muvazanat*, мат. *действие* – *atalijat*, *iş*, мат. *доказательство* – *dalil*, *isbat*, мат. *количество* – *miqdarь*, *sanavi*; заимствования как из русского, так и из арабского языков: мат. *выражение* – *ifadaf*, *vrazenija*, *ajььv*, мат. *дробь* – *kasru*, *drob*, *gesek*, мат. *метод* – *metod*, *usul*, *kuj*, физ. *мениск* – *menisk*, *hilal*, *oraq*.

Одновременное наличие в словарях арабско-персидских заимствований и русизмов является признаком вытеснения из кумыкского языка арабизмов и персизмов русизмами.

г) дуплеты, заимствованные из разных языков: физ. *абсолютный* – *absalyt, mutlag*, физ. *инерция* – *salpu, inersija*, физ. *горизонт* – *ufug, gorizont*, хим. *сигнал* – *işarat, signal*, хим. *анализ* – *analiz, tahlil*, мат. *элементарный* – *adi, elementar*.

д) условные аспектные синонимы. Аспектные синонимы – это условные синонимы, которые отражают различные аспекты рассмотрения одного денотата [4, с. 108]. Приведем примеры: физ. *весомость* – *tartym* (ср. кум. *тартмакъ* «тянуть»), *avurluluq* (ср. кум. *авур* «тяжелый»), хим. *весовой анализ* – *tartuv analizi, avurluq analizi*, мат. *дуга* – *çaja* (ср. кум. *жая* «лук (для стрельбы)»), *qaitьq* (ср. кум. *къайтыкъ* «изогнутый»), физ. *соединение* – *qoşuv* (ср. кум. *къошмакъ* «прибавлять, добавлять»), *birleşdiriv* (ср. кум. *бирче* «вместе»).

В словарях варианты термины подаются через запятую.

3) а) Те термины-отглагольные существительные, которые на кумыкский язык переведены неопределенной формой глагола, обозначают процесс: хим. *промывание* – *çuvтаq*, хим. *никкелирование* – *nikillemek*, хим. *взбалтывание* – *caiqalатаq*, хим. *выщелачивание* – *kalavileşdirmek*, физ. *соприкосновение* – *tijmek*, физ. *сложение движений* – *harakatлаь qoşтаq*.

б) Те термины-отглагольные существительные, которые переведены отвлеченным существительным с аффиксом *-ьv, -uv, -ev, -iv, -luk, -lik, -lьk* или же заимствованы из русского или арабского языков, могут означать как процесс, так и результат процесса. Их преобладающее большинство. Приведем примеры: физ. *движение* – *terbeniv*, физ. *замерзание* – *buzlav*, физ. *излучение* – *şavlалаьv*, хим. *фильтрация* – *сузуv*, хим. *выпаривание* – *ruslandьrv*, хим. *обжигание* – *jandьriv*, мат. *вычисление* – *hisab etiv*, мат. *деление* – *railav*, мат. *дополнение* – *tamamлаьrv*.

4) а) В «Терминах по физике» и «Терминах по химии» в том случае, если термин является словосочетанием, он располагается в алфавитном порядке по первому слову: физ. *контактный детектор* – *kontakt detektoru*, физ. *дифракционная решетка* – *diffraksion celtiri*, физ. *линейная скорость* – *hьz caltlьqь*, хим. *азотная кислота* – *azot turşusu*, хим. *железный шпат* – *temir şpatь*, хим. *перегонный куб* – *distillasija savutu*. В словаре по математической терминологии словосочетания, первый компонент которого является прилагательным, располагаются по алфавиту второго компонента, т. е. существительного, например: мат. *знак противоположный* – *qarşьlьqlь işarasь*, мат. *знаменатель частный* – *xususi тахраç*, мат. *пояс сферический* – *sferik belbav*.

б) В том случае, если термин имеет связанные с ним терминологические сочетания меньшей семантической емкости, такие терминологические словосочетания имеют следующий порядок слов: общий компонент ставится на первое место. Такие термины приводятся по алфавиту второго компонента, например: хим. *спирт бутиловый* – *butil spirt*, *спирт метиловый* – *metil spirt*, хим. *ряд ацетиленовый* – *asatilin jezikleri*, *ряд парафиновый* – *parafin jezikleri*, физ. *движение вращательное* – *ailanaqan terbeniv*, *движение винтообразное* – *burav suratlь terbeniv*, *движение колебательное* – *titrejgen terbeniv*. В терминологическом словаре по химии первый компонент в переводе словосочетаний меньшего семантического объема заменяется прочерком.

6) 94% математической терминологической лексики, 86% терминов по физике и 88% терминов по химии составляют однокомпонентные и двухкомпонентные термины, трехкомпонентные составляют 4%, 13% и 11% соответственно.

7) В словарях прослеживается тенденция прямого заимствования лексем и фразем из русского языка, которые составляют самую многочисленную группу, присутствуют заимствования из арабского и персидского языков и термины, образованные на собственно кумыкской основе.

В Словаре активно представлены:

а) заимствования: из русского языка: физ. линза – *linza*, физ. кабель – *kabel*, физ. кинематика – *kinematic*, физ. магнитная аномалия – *magnit anomaliyasъ*, хим. реактив – *reaktif*, хим. кристаллоид – *kristalloid*, хим. молекула – *molekul*, мат. катет – *katet*, мат. корпус – *korpus*, мат. метр квадратный – *kvadrat metr*.

б) семантическое переосмысление: физ. летание – *uçuv*, физ. магнитное наклонение – *avut*, физ. мощность – *qudrat*, хим. растворение – *iritiv*, хим. неорганический – *çapsъz*, хим. органический – *çapnъ*, мат. кривизна – *qъnъrlъq*, мат. вес – *avurluq*, мат. грань – *хъr*.

в) словообразовательные кальки: физ. сифонный барометр – *sifonlu barometr*, физ. ионизация – *ionlaşdırъv*, физ. наэлектризовать – *elektrikleşdirmek*, хим. регенерирование – *regenerasijalanuv*, мат. группировать – *gruppalaşdırmaq*, мат. кубический – *kublu*.

г) фразеологические кальки: физ. водоносная жила – *suв taturu*, физ. искровой промежуток – *исqin aralъqъ*, физ. мягкие лучи – *jimъsaq şavllalar*, хим. молочный сахар – *syт şekeri*, хим. поваренная соль – *aş tuz*, хим. сернистая кислота – *govurtlu turşu*, мат. величина несоизмеримая – *өлsevсуz gyleт*, мат. касание внешнее – *тъşdan tijiv*.

д) фразеологические полукальки: физ. блок подвижный – *terbenegen blok*, физ. катушка Румкорфа – *Rumkorf sarъ*, физ. насос всасывающий водяной – *suв soragan pasos*, хим. куркуловая бумага – *kurkul kaqъzъ*, хим. обратная реакция – *ters riaksija*, мат. дробь десятичная – *onluq drob*, мат. единица квадратная – *kvadrat birligi*, мат. прогрессия арифметическая – *hisab progressi*.

В анализируемых словарях заимствованные из русского языка термины либо сохраняют написание, используя латиницу: мат. биссектриса – *bissektrisa*, мат. метод – *metod*, либо передаются на кумыкский язык следующими способами:

1) В кумыкском языке мягкий знак не используется для смягчения согласных, по этой причине при заимствовании русизмов с мягким знаком на конце мягкий знак в кумыкском языке опускается: физ. джоуль – *dzoul*, физ. дирижабль – *dirizabil*, мат. диагональ – *diagonal*, мат. дробь – *drob*, хим. эмаль – *etal* и др.

2) Так как для тюркских языков не характерен удвоенный согласный, при заимствовании он опускается, например: грамм – *gram*, килограмм – *kilogram*, хим. металл – *metal*, мат. коэффициент – *koefisient*, хим. аммоний – *atonijm*, хим. кристалл – *kristal*.

3) В некоторых случаях буква *o* заменяется буквой *a* при заимствовании: хим. молекула – *molekula*.

4) Иногда буква *в* заменяется буквой *f*: физ. автоматический – *aftomatik*, хим. штатив – *ştatif*.

ВЫВОДЫ

Проанализированные словари – это учебные словари, соответствующие объему школьной программы. Первые русско-кумыкские терминологические словари с упрощенной структурой созданы, когда вопросы терминологии только начали разрабатываться, с целью объединить общесоветскую интернациональную культуру и выполнить новую социальную функцию кумыкского языка: стать языком преподавания. Создание этих словарей является следствием всеобщего школьного обучения в ДАССР, а также заказом становления кумыкского письменного языка. Словник кумыкской части представлен на латинице.

Эти словари хотя и были краткими и однотипными, но заложили основу для систематизации кумыкской терминологии. 1932 год можно считать началом развития кумыкской терминографии. Развитие кумыкской терминологии способствовало повышению качества образования на родном языке, а также стало основой для дальнейшего развития кумыкского литературного языка.

В анализируемых словарях выделяются тенденции замены арабско-персидской терминологии заимствованиями из русского языка, национализации терминов на основе семантического переосмысления, калькирования и использования словообразовательных аффиксов.

В качестве перспективы исследования предлагается провести сопоставительный анализ генезиса становления терминографии в тюркских языках России.

Список литературы

1. *Бамматов Б. Г.* Русско-кумыкский терминологический словарь. – Махачкала, 2006. – 408 с.
2. *Бамматов З. З., Жанаева В. Н.* Школалар учун русча-къумукъча терминлер сезлюгю. Тил, литература ва педагогика. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 35 с.
3. *Баскаков Н. А.* Современное состояние терминологии в языках народов СССР // Вопросы терминологии. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 55–70.
4. *Гринева-Гринева С. В.* Терминоведение. – М.: ИЦ «Академия», 2008. – 304 с.
5. *Комарова З. И.* Когда и почему возникла терминография как научно-прикладная дисциплина? // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. – 2016. – № 3. – С. 90–107.
6. *Курбанов М. А.* Развитие народного образования Дагестана. 20–30-е годы XX века. 2012. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/5_NITS_2015/Istoria/2_184819.doc.htm. – (Дата обращения: 17.01.2024).
7. *Къумукъ тилни терминологический словари* / ред. Б. Мустапаев. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1940. – 134 с.
8. *Марчук Ю. Н.* Основы терминографии. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1992. – 76 с.
9. *Мусаев К. М.* Актуальные проблемы терминологии на тюркских языках СССР // Тюркология – 88. Тезисы докладов и сообщений всесоюзной тюркологической конференции / (7-9 сентября 1988 года). – Фрунзе: «ИЛИМ», 1988. – С. 15–17.
10. *Табанакова В. Д., Ковязина М. А.* Функциональная модель переводного специального словаря. – Вестник ТюмГУ. – Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2006. – С. 158–165.
11. *Таймасханова Т. Г., Абдуллабекова У. Б.* Отраслевая лексика кумыкского языка. – Махачкала: АЛЕФ; ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2020. – 332 с.
12. *Терминология по делопроизводству.* Вып. I. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 39 с.

13. Термины по математике / пер. М. Темирханов, отв. ред. З. Даибов. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 30 с.
14. Термины по физике / пер. М. Темирханов; отв. ред. А. Алиев. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 38 с.
15. Термины по химии / пер. М. Темирханов; отв. ред. М. Хаджалиев. – Махачкала: Даггосиздат, 1932. – 32 с.
16. Шайкевич А. Я. Проблемы терминологической лексикографии. – М.: ВЦП, 1983. – 67 с.
17. Юсупов Х. А. Даргинская лексикография и её роль в развитии литературного языка. – Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2021. – 180 с.

References

1. Bammатов В. Г. *Russko-kumyckskii terminologicheskii slovar'* [Russian-Kumyk terminological dictionary]. Makhachkala, 2006. 408 p.
2. Bammатов Z. Z., Zhanaeva V. N. *Shkolalar uchun ruscha-k"umuk"cha terminler sezlyugyu. Til, literatura va pedagogika* [The school's Russian-Kumyk terminological dictionary. Language, literature and pedagogy]. – Makhachkala: Daguchpedgiz Publ., 1982. – 35 s.
3. Baskakov N. A. *Sovremennoe sostoyanie terminologii v yazykakh narodov SSSR* [The current state of terminology in the languages of the peoples of the USSR]. *Voprosy terminologii*, M., AN SSSR Publ., 1961. pp. 55–70.
4. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. M., «Akademija» Publ., 2008. 304 p.
5. Komarova Z. I. *Kogda i pochemu vznikla terminografiya kak nauchno-prikladnaya distsiplina?* [When and why did terminography arise as a scientific and applied discipline?]. *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*, 2016, no 3. pp. 90–107.
6. Kurbanov M. A. *Razvitie narodnogo obrazovaniya Dagestana. 20–30-e gody XX veka* [The development of public education in Dagestan. The 20–30s of the 20th century]. 2012. Available from: http://www.rusnauka.com/5_NITS_2015/Istoria/2_184819.doc.htm (accessed 17 January 2024).
7. *K"umuk" tilni terminologicheskii slovary* [Terminological dictionary of the Kumyk language]. Ed. by B. Mustapaev. Makhachkala, Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1940. 134 p.
8. Marchuk Yu. N. *Osnovy terminografii* [Fundamentals of terminography]. M., MGU named after M. V. Lomonosov Publ., 1992. 76 p.
9. Musaev K. M. *Aktual'nyi problemy terminologii na tyurkskikh yazykakh SSSR* [Actual problems of terminology in the Turkic languages of the USSR]. *Tyurkologiya – 88. Tezisy dokladov i soobshchenii vsesoyuznoi tyurkologicheskoi konferentsii / (7-9 sentyabrya 1988 goda)*. Frunze, «ILIM» Publ., 1988. pp. 15–17.
10. Tabanakova V. D., Kovyazina M. A. *Funksional'naya model' perevodnogo spetsial'nogo slovarya* [Functional model of a translated special dictionary]. *Vestnik Tyum GU*, Tyumen', Tyum GU Publ., 2006. pp. 158–165.
11. Taimaskhanova T. G., Abdullabekova U. B. *Otraslevaya leksika kumykskogo yazyka* [The branch vocabulary of the Kumyk language]. Makhachkala, ALEF Publ.; IYaLI DFIT's RAN, 2020. 332 p.
12. *Terminologiya po deloproizvodstvu* [Terminology for office work]. Issue I, Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. 39 p.
13. *Terminy po matematike* [Math terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by Z. Daibov. Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. 30 p.

14. *Terminy po fizike* [Physics terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by A. Aliev. Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. 38 p.
15. *Terminy po khimii* [Chemistry terms]. Trans. by M. Temirkhanov, ed. by M. Khadzhaliev. Makhachkala, Daggosizdat Publ., 1932. 32 p.
16. Shaikovich A. Ya. *Problemy terminologicheskoi leksikografii* [Problems of terminological lexicography]. M., VTsP Publ., 1983. 67 p.
17. Yusupov Kh. A. *Darginskaya leksikografiya i ee rol' v razvitii literaturnogo yazyka* [Darginian lexicography and its role in the development of the literary language]. Makhachkala, IYaLI DFITs RAN, ALEF Publ., 2021. 180 p.

**THE FIRST TERMINOLOGICAL DICTIONARIES
OF THE KUMYK LANGUAGE:
IN THE CONTEXT OF REFORMS OF THE 1920-1930s**

Abdullabekova U. B.

At the beginning of the article, the author describes the prerequisites for the formation of terminography in the Kumyk language from the point of view of historical, cultural and social conjuncture. In the pre-war Soviet period, after the formation of the DASSR, there was an intensification of the introduction of new terms in the Kumyk language. This was due to the need to create a new national system and ensure effective communication in the country. In 1932-1933, compulsory primary education was introduced in the DASSR. As a result, textbooks in native languages, including Kumyk, as well as small terminological dictionaries, began to be published.

The article examines the macro and microstructure of the first terminological dictionaries in the Kumyk language, namely "Terms in physics", "Terms in chemistry" and "Terms in mathematics". The analyzed publications are the first attempt at scientific systematization of the conceptual and terminological apparatus of these subject areas. The year 1932 is defined as the year of the origin of Kumyk terminography. The article provides the main parameters of dictionaries: in terms of volume – brief, in terms of thematic orientation – single-branch, in terms of functional load – educational (a dictionary on office management is a reference function), in terms of language orientation – bilingual Russian-Kumyk terminological dictionaries. When translating terms and terminological phrases, the following techniques are often used: borrowing, semantic reinterpretation, calcification, and the use of Kumyk word-formation affixes.

Keywords: formation of terminography, terminological dictionary, Turkic terminology, Kumyk terminology, publication of dictionaries, prerequisites for terminology, Kumyk language.

УДК 81'811.111:22

ОБ ИЗМЕНЕНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Бочкарев А. И.

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: arsentiy_87@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению основных антиценностей, приписываемых стереотипному образу Дональда Трампа как в качестве лингвокультурного типажа “celebrity businessman”, так и в качестве лингвокультурного типажа “republican president”. Впервые рассматривается вопрос смены лингвокультурных типажей в рамках одного стереотипного образа. Материалом для исследования послужили скрипты и записи скетчкома “Saturday Night Live” и прожарки Дональда Трампа. В представленной статье используется лингвоаксиологический подход, направленный прежде всего на выявление аксиологических смыслов, закрепленных за соответствующим стереотипным образом. К основным антиценностям, характерным для лингвокультурного типажа “celebrity businessman”, относятся тщеславие, непривлекательность, похоть и бесполезность. В свою очередь, к основным антиценностям лингвокультурного типажа “republican president” относятся тщеславие, глупость и неискренность, при этом последние две являются антиценностями, которые не приписывались Дональду Трампу в его бытность “celebrity businessman”. Тщеславие является антиценностью Дональда Трампа вне зависимости от его социального статуса. Таким образом, стереотипный образ конкретной личности представляет собой совокупность как личностных характеристик конкретного человека, так и общих характеристик доминирующего лингвокультурного типажа, который реализует данная личность в определенный момент времени.

Ключевые слова: стереотипы, антиценности, комический дискурс, гиперболизация, социальные характеристики.

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике пристальное внимание уделяется исследованию различных особенностей стереотипизации действительности. Одним из основных признаков стереотипа является оценочность, т. е. те или иные явления оцениваются, в том числе и через призму, сложившихся стереотипов, при этом зачастую человек формирует свое отношение к определенному явлению еще до встречи с ним [14]. Кроме того, обычно стереотипы не только не изменяются под влиянием опыта, но сами могут структурировать и определять опыт [12, с. 59]. К типичным признакам высказываний-стереотипов относятся обобщение и гиперболизация [6, с. 453].

В комическом дискурсе высмеиваемые стереотипные характеристики могут приписываться как определенной социальной группе, так и отдельным личностям [10, с. 224]. Определяющей чертой комических стереотипов является гиперболизация. В наибольшей степени исследованы комические этностереотипы, при этом одной этнической группе обычно приписываются определенные гиперболизированные антиценности, например, в американской лингвокультуре с поляками ассоциируется глупость, в британской лингвокультуре с ирландцами – пьянство [7; 10]. Отдельные личности также обладают характерными пороками, при этом данные пороки могут быть как присуще соответствующим личностям в других типах дискурса, так и быть характерными для них только в рамках комического

дискурса [9]. Отмечается, что использование стереотипов в шутках распространено по той причине, что они известны большей части общества, и, как следствие, не вызывают трудностей в их правильной интерпретации [20, с. 196].

В результате закрепления определенных стереотипных черт за теми или иными языковыми личностями формируются соответствующие лингвокультурные типажи, под которыми понимаются «языковые личности, оказавшие существенное влияние на развитие лингвокультуры в целом» [4, с. 17]. При этом основу лингвокультурного типажа составляет стереотипная роль как общая схема поведения [5].

В свою очередь, в комическом дискурсе к наиболее распространенным высмеиваемым антиценностям, которые закрепляются за определенными социальными группами и отдельными индивидами, относятся глупость [2; 15], похоть [11; 13] и непривлекательность [1].

Также следует отметить, что в последнее время в рамках аксиологической лингвистики появляются работы, посвященные исследованию закрепления аксиологических смыслов за различными артефактами и пространственно-временными континуумами [3; 8].

В представленной работе применяется лингвоаксиологический подход, который заключается в выявлении основных аксиологических смыслов, закрепленных за соответствующими явлениями, и особенностей их реализации. В данной статье анализируются особенности актуализации лингвокультурных типажей, соотносящихся со стереотипным образом Дональда Трампа.

Практическим материалом для нашего исследования послужили англоязычные анекдоты, а также скрипты и записи: прожарки Дональда Трампа; выпуски скетчкома ‘Saturday Night Live’, в которых высмеивался Дональд Трамп в качестве президента США.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование стереотипного образа Дональда Трампа в рамках комического дискурса представляется интересным вследствие того, что сначала данный деятель воспринимался в качестве “celebrity businessman” затем он сменил свой основной социальный статус на “republican president”.

Таким образом, в рамках этой статьи будут проанализированы качественные и количественные изменения аксиологических характеристик одного и того же человека, последовательно реализующего два разных лингвокультурных типажа.

В качестве лингвокультурного типажа “celebrity businessman” Дональд Трамп высмеивался за тщеславие, непривлекательность, похоть и бесполезность.

Наиболее высмеиваемой антиценностью, приписываемой Дональду Трампу, является тщеславие:

This guy has an ego. When Trump bangs a supermodel, he closes his eyes and imagines he's jerking off (Roast of Donald Trump 2011).

Основным атрибутом непривлекательности Дональда Трампа является его прическа:

Donald Trump, you are known for your terrible haircut, and now I can see why. Your hair sucks. You look like Justin Bieber caught on fire? (Roast of Donald Trump 2011).

Похоть Дональда Трампа заключается в желании большого количества партнеров, к внешности которых предъявляются высокие стандарты:

You've always gotten beautiful women. You've ruined more models' lives than bulimia (Roast of Donald Trump 2011).

В рамках бесполезности Дональда Трампа осмеянию подвергаются прежде всего построенные им здания:

Donald Trump, without a doubt, you're a New York landmark, which means it's only a matter of time until you bulldoze yourself to build some gaudy, tacky monstrosity and put your name on it (Roast of Donald Trump 2011).

При обретении социального статуса “republican president” основными высмеиваемыми характеристиками Дональда Трампа стали глупость и тщеславие, при этом в большинстве случаев они неразрывно связаны друг с другом.

Тщеславие продолжает оставаться основной высмеиваемой антиценностью Дональда Трампа:

Fake Trump: Pence has started to believe I've president almost 100 days and I've already done so much. It's hard to keep track of it all. Read to me again from the list of my accomplishments. Fake Pence: Of course, sir. Nominated Neil Gorsuch. Fake Trump: God, I love that list. What a beautiful, long list (Saturday Night Live. Donald Trump Cold Open).

Глупость Дональда Трампа преимущественно актуализируется через незнание действительности, а именно: непонимание происходящего вокруг него (слов и/или событий):

Fake Merkel: Are your people still protesting? Fake Trump: Yes, everyone is marching in the street, they're so upset how bad "The Apprentice" has gotten (Saturday Night Live. Oval Office Cold Open).

В этом плане интересным представляется тот факт, что последние республиканские президенты (Джордж Буш-младший, Дональд Трамп) неизменно ассоциируются с глупостью в отличие от демократических президентов (Билл Клинтон, Барак Обама). Следует отметить, что Джо Байдену начали приписывать глупость еще в бытность сенатора (например, стендап концерт Робина Уильямса “Weapons of Self-Destruction”).

Относительно актуализации стереотипного образа Дональда Трампа в англоязычных анекдотах можно отметить, что в данном комическом жанре реализуется прежде всего лингвокультурный типаж ‘republican president’, т. е. до того времени как Дональд Трамп стал президентом США, он не был героем анекдотов. Следует также отметить, что в анекдотах Дональду Трампу помимо тщеславия и глупости также довольно часто приписывается неискренность. При этом можно выделить два типа актуализации Дональда Трампа в анекдотах: 1) подстановка его имени в существующие типизируемые анекдоты (т. е. имя Дональда Трампа подставляется вместо другого персонажа); 2) создание анекдота вокруг образа Дональда Трампа.

В первом случае Дональд Трамп замещает другого персонажа, если он ассоциируется с глупостью, при этом проявление глупости может приводить к летальному исходу:

Donald Trump, Bill Gates, the Pope and a schoolboy are on a crashing airplane. There are only 3 parachutes. Well,"says Bill Gates, I am the most important businessman in the world and I need to continue running my company."He takes the first parachute and jumps out. Well,"says Trump, I am America's smartest president, and my people need me."He takes the second parachute and jumps out. The Pope takes the third parachute and hands it to the child. Take this,"the Pope says, I am old and I will pass on soon anyways. This world needs you more than it needs me."That's okay, Your Holiness, we can BOTH have a parachute," says the schoolboy. But how is that possible,"asks the Pope, flabbergasted. Because,"says the schoolboy, America's smartest president took my bookbag"(Upjoke.com).

Второй случай протекает преимущественно по двум сценариям: 1) подстановка линии поведения или ситуации характерной для Дональда Трампа в известный клишированный анекдот; 2) создание сюжета, связанного с конкретным событием из жизни Дональда Трампа.

Так, одним из типичных зачинов в американских анекдотах является схема “How many X does it take to change a lightbulb?” В подобных случаях, Дональду Трампу может приписываться, например, склонность ко лжи:

How many Trump supporters does it take to change a lightbulb? None. Trump says it's changed and his supporters all cheer in the dark (Upjoke.com).

В оригинальных анекдотах довольно часто поднимается тема о несправедливости выигрыша Дональдом Трампом выборов на пост президента США:

Donald J. Trump has been impeached. Finally, something he's earned (Upjoke.com).

Также следует отметить, что, несмотря на прекращения пребывания на посту президента США, осмеяние Дональда Трампа на текущий момент осуществляется по схеме “republican president”. На наш взгляд, это обусловлено тем, что: с одной стороны, Дональд Трамп воспринимается в качестве одного из главных претендентов на этот пост от республиканцев; с другой стороны, социальный статус президента значительно выше, чем социальный статус знаменитого бизнесмена.

ВЫВОДЫ

Таким образом, наше исследование показало, что при смене Дональдом Трампом социального статуса с “celebrity businessman” на “republican president” произошли как качественные, так и количественные изменения. Во-первых, количество высмеиваемых характеристик уменьшилось с четырех до трех. Во-вторых, основной характеристикой Дональда Трампа при приобретении им статуса “republican president” стала глупость, которая не приписывалась ему в его бытность “celebrity businessman”. Также в анекдотах Дональду Трампу приписывается неискренность, которая реализуется как через ложь, так и через лицемерие. При этом следует отметить, что тщеславие является антиценностью, которая приписывается Дональду Трампу вне зависимости от его социального статуса.

Соответственно, можно прийти к выводу, что стереотип конкретной личности представляет собой совокупность как личных характеристик конкретного человека, так и общих характеристик доминирующего лингвокультурного типажа, который реализует данная личность в определенный момент времени.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
2. Бочкарев А. И. Комические характеристики ценностного концепта «глупость» в англосаксонской лингвокультуре на материале стендап-комедий // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2022. – № 80. – С. 30–44.
3. Гордеева М. Н. Аксиологические характеристики концепта «смерть» в стендап концерте Джимми Карра «His Dark Material» // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сб. материалов 3 Всерос. науч.-практ. онлайн-конф., Орел, 30 марта 2023 г. – Орел: ОГУ им. И. С. Тургенева, 2023. – С. 76–80.
4. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
5. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
6. Крысин Л. П. Этностереотипы в современном языковом сознании: к постановке проблемы // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 450–455.
7. Кулинич М. А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – 180 с.
8. Макарова Н. Е. Языковые особенности реализации ценностной концептосферы комического в юмористической передаче «Roast of Justin Bieber» // Интерэкспо ГЕО-Сибирь 2022: сб. материалов 18 междунар. науч. конгр., Новосибирск, 18–20 мая 2022 г.: в 8 т. Т. 5: Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое измерение. – Новосибирск: Изд-во СГУГиТ, 2022. – С. 111–115.
9. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 144 с.
10. Attardo S. Linguistic theories of humor. – New York: Mouton de Gruyter, 1994. – 238 p.
11. Bochkarev A. I. The Role of the Anti-Value Concept ‘Lust’ in Modern English-Language Humor // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2023. – Вып. 1 (61). – С. 9–23.
12. Dabrowska J. Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung. – Tübingen: Narr, 1999. – 346 s.
13. Greengross G. Sex and gender differences in humor: Introduction and overview // Humor: International Journal of Humor Research. – 2020. – Vol. 33 (2). – P. 175–178.
14. Lippmann W. Public opinion. – New York: Harcourt, 1992. – 327 p.
15. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humor. – Boston: D. Reidel Publishing Company, 1985. – 284 p.
16. Roast of Donald Trump. – Режим доступа: https://subslikescript.com/movie/Comedy_Central_Roast_of_Donald_Trump-1865333ю – (Дата обращения: 20.02.2024).
17. Saturday Night Live. Donald Trump Cold Open. –Режим доступа: <https://snltranscripts.jt.org/15/donald-and-melania-trump-cold-open-2.phtml>. – (Дата обращения: 20.02.2024).

18. Saturday Night Live. Oval Office Cold Open. – Режим доступа: <https://snltranscripts.jt.org/17/oval-office-cold-open.phtml>. – (Дата обращения: 20.02.2024).
19. Upjoke.com. – Режим доступа: <https://upjoke.com/>. – (Дата обращения: 20.02.2024).
20. Yus F. *Relevance-Theoretic Treatments of Humor // The Routledge handbook of language and humor*. – New York: Routledge, 2017. – P. 189–203.

References

1. Bahtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1990. 543 p.
2. Bochkarev A. I. *Komicheskie karakteristiki cennostnogo koncepta «glupost'» v anglosaksonskoj lingvokul'ture na materiale standap-komedij* [Humorous characteristics of the axiological concept “stupidity” in Anglo-Saxon linguaculture based on stand-up comedies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2022, no. 80, pp. 30–44.
3. Gordeeva M. N. *Aksiologicheskie karakteristiki koncepta «smert'» v standap koncerte Dzhimmi Karra «His Dark Material»* [Axiological characteristics of the concept of death in “His Dark Material” by Jimmy Carr]. *Aktual'nye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. materialov 3 Vseros. nauch.-prakt. onlajn-konf., Orel, 30 marta 2023 g.* Orel, OGU im. I. S. Turgeneva, 2023, pp. 76–80.
4. Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX v.* [Linguocultural types of Russia and France in the 19th century]. Volgograd, Peremena Publ., 2007. 307 p.
5. Karasik V. I., Dmitrieva O. A. *Lingvokul'turnyj tipazh: k opredeleniyu ponyatiya* [Linguocultural type: to the definition of the concept]. *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnye tipazhi*. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. pp. 5–25.
6. Krysin L. P. *Jetnostereotipy v sovremennom jazykovom soznanii: k postanovke problemy* [Ethnostereotypes in modern linguistic consciousness: towards the formulation of the problem]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti*. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2005, pp. 450–455.
7. Kulnich M. A. *Lingvokul'turologija jumora (na materiale anglijskogo jazyka)* [Linguoculturology of English humor]. Samara, SamGPU Publ., 1999. 180 p.
8. Makarova N. E. *Jazykovye osobennosti realizacii cennostnoj konceptosfery komicheskogo v jumoristicheskoy peredache «Roast of Justin Bieber»* [Linguistic features of the implementation of the value conceptual framework of humor in “Roast of Justin Bieber”]. *Interjekspo GEO-Sibir' 2022: sb. materialov 18 mezhdunar. nauch. kongr., Novosibirsk, 18–20 maja 2022 g.: v 8 t. T. 5: Jelektronnoe geoprostranstvo: filosofsko-gumanitarnoe i social'no-pravovoe izmerenie*. Novosibirsk, SGUGiT Publ., 2022, pp. 111–115.
9. Shmeleva E. Ja., Shmelev A. D. *Russkij anekdot: Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote: Text and genre]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2002. 144 p.
10. Attardo S. *Linguistic theories of humor*. New York, Mouton de Gruyter, 1994. 238 p.
11. Bochkarev A. I. *The Role of the Anti-Value Concept 'Lust' in Modern English-Language Humor*. *LUNN Bulletin*, 2023, no. 1 (61), pp. 9–23.
12. Dabrowska J. *Stereotype und ihr sprachlicher Ausdruck im Polenbild der deutschen Presse: eine textlinguistische Untersuchung*. Tübingen, Narr, 1999. 346 p.
13. Greengross G. *Sex and gender differences in humor: Introduction and overview*. *Humor: International Journal of Humor Research*, 2020, no. 33(2), pp. 175–178.
14. Lippmann W. *Public opinion*. New York, Harcourt, 1992. 327 p.
15. Raskin V. *Semantic Mechanisms of Humor*. Boston, D. Reidel Publishing Company, 1985. 284 p.

16. *Roast of Donald Trump*. Available from: https://sublikescript.com/movie/Comedy_Central_Roast_of_Donald_Trump-1865333 (accessed: 20 February 2024).
17. *Saturday Night Live. Donald Trump Cold Open*. Available from: <https://snltranscripts.jt.org/15/donald-and-melania-trump-cold-open-2.phtml> (accessed: 20 February 2024).
18. *Saturday Night Live. Oval Office Cold Open*. Available from: <https://snltranscripts.jt.org/17/oval-office-cold-open.phtml> (accessed: 20 February 2024).
19. Upjoke.com. – Available from: <https://upjoke.com/> (accessed: 20 February 2024).
20. Yus F. *Relevance-Theoretic Treatments of Humor. The Routledge handbook of language and humor*. New York, Routledge, 2017, pp. 189–203.

ABOUT CHANGES IN AXIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE STEREOTYPICAL IMAGE OF DONALD TRUMP IN HUMOROUS DISCOURSE

Bochkarev A. I.

This article examines the main anti-values attributed to the stereotypical image of Donald Trump both as a linguocultural type of celebrity businessman and as a linguocultural type of republican president. This paper considers the issue of changing linguistic and cultural types of one stereotypical image for the first time. The data comprise the scripts and recordings of Saturday Night Live and the roast of Donald Trump. The author uses a linguaxiological approach which aims at identifying the axiological components assigned to the corresponding stereotypical image. The main anti-values attributed to the a linguocultural type of celebrity businessman are vanity, unattractiveness, lust and uselessness while a linguocultural type of republican president is strongly associated with vanity, stupidity and insincerity where the last two anti-values are the main anti-values which are not connected with celebrity status of Donald Trump. In turn, vanity is an anti-value of Donald Trump, regardless of his social status. Thus, a stereotype of a particular person is a combination of both the personal characteristics of a particular person and the general characteristics of the dominant linguistic and cultural type that a person realizes at a certain point in time.

Key words: stereotypes, anti-values, humorous discourse, hyperbolisation, social characteristics.

УДК 81.42-340.692

ДИСКУРС ВРАЖДЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРИЗЫВОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Колесникова И. Е.

*Крымский филиал Краснодарского университета МВД России,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: irak07@mail.ru*

В статье представлено описание призывов к совершению противоправных действий как элементов политического дискурса с учетом лингвистических и юридических знаний. Объектом исследования служат фрагменты речевых актов призыва к совершению противоправных действий, разжиганию вражды, пропаганды насильственного свержения конституционного устройства государства. Применен междисциплинарный подход с использованием знаний из области права, криминалистики, теории судебной экспертизы и лингвистики. Используются методы дискурсивного и контент анализа. Показано использование механизмов прямого и скрытого вербального воздействия на сознание реципиента с целью навязывания идеологического доминирования, управления поступками людей и осуществления контроля за их поведением. Определена и апробирована схема проведения лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности с элементами экстремистского характера.

Ключевые слова: призыв, судебно-лингвистическая экспертиза, экстремизм, политический дискурс, побуждение, юридическая норма, речевой деликт.

ВВЕДЕНИЕ

Современная публичная коммуникация осуществляется в условиях идеологического, военного и цивилизационного противостояния. Глобализация СМИ способствовала трансформации данного феномена в удобную платформу для совершения речевых действий, квалифицируемых Уголовным кодексом РФ как уголовные преступления. В аспекте такой деятельности особую опасность представляют поступки, которые совершаются против определенного лица или группы лиц, нарушая законы сосуществования людей в обществе. Соответствующие речевые преступления (деликты – от лат. *delictum* «проступок, правонарушение») могут подпадать под юридическое определение призыва к насильственному свержению конституционного устройства, изменению территориальных границ государства, совершению террористических актов, содействию терроризму, насилию и жестокости, посягательству на права и свободы человека, а также пропаганде войны и расовой нетерпимости, разжиганию межнациональной и религиозной розни [13].

Если в 2012 г. список дел о признании материалов экстремистскими включал в себя 1588 наименований [14], то к концу 2022 г. количество соответствующих номинаций увеличилось до 5372. В медиапространстве экстремистские действия, в первую очередь, вербальные (словесные), достигли наибольшей остроты после начала специальной военной операции [16].

Объектом исследования является параметризация понятий «призыв», «пропаганда» и «разжигание вражды», имеющих место в продуктах речевой деятельности, с целью диагностирования их экстремистской направленности, с учетом как юридических, так и лингвистических знаний.

Предметом исследования служат фрагменты речевых актов призыва к совершению противоправных действий (далее – призыв), разжиганию вражды, пропаганды войны и насильственному свержению конституционного устройства.

Цель работы заключается в разработке теоретических, правовых и методических стратегий экспертной деятельности, а также в апробации специальных юридических и лингвистических знаний для подготовки будущих правоохранителей.

В правоприменении при рассмотрении уголовных дел, в которых составом преступления признаются те или иные речевые действия, очевидна потребность привлечения специальных лингвистических знаний. В процессе речевой агрессии используются механизмы прямого и скрытого персуазивного воздействия [6] на сознание личности с целью идеологического доминирования, управления поступками людей и осуществления контроля над их поведением [2, с. 2].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Лингвистическая диагностика призыва включает в себя принятие во внимание комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, что является необходимым условием для установления факта речевого действия и определения его прагматического содержания.

Концептуально такое исследование опирается на теорию речевых актов и теорию скрытого речевого влияния на сознание. Одним из важнейших методологических «инструментов» эксперта-лингвиста в данном случае является дискурсивный анализ, позволяющий изучать коммуникацию интегрально, с учетом её формы, функции, ситуативной и социально-культурной обусловленности [1, с. 10].

Исследуемые речевые действия часто осуществляются именно в сфере политического общения, так как в политическом дискурсе, являющимся катализатором разных общественных процессов, использование языка максимально обусловлено идеологическими и социальными факторами. Развитие политического дискурса происходит целенаправленно, что дает возможность и создает условия для воспроизведения и тиражирования в разных текстах определенной общественной идеологии. Именно в политическом дискурсе слово становится орудием власти и манипуляций, средством навязывания определенных установок и идеологически пристрастных взглядов [5]. Общение в политической сфере часто используется как инструмент влияния на поведение и сознание целых лингвосоциумов [7]. С учетом всех юридических и лингвистических корреляций речевой акт «призыв к противоправному действию» возможно квалифицировать как феномен политического дискурса.

При лингвистической диагностике призыва к противоправным действиям объектом экспертизы могут выступать разножанровые тексты варьирующегося объема: лозунги, агитационные открытки, публицистические тексты, научные и научно-публицистические статьи, художественные произведения. Дискурсивная принадлежность анализируемого текста в таких случаях также является одной из важных задач лингвистической экспертизы наряду с извлечением «из контекста и

подтекста каскадов намеков и вопросов, разоблачением изощрённых стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов» [1, с. 3].

Лингвистическая диагностика состава речевого деликта предполагает применение определенной последовательности формализованных процедур дискурсивного анализа. В частности, эксперт-лингвист должен установить, что содержанию анализируемого текста присущи следующие характеристики:

- 1) существование политического дискурса, частью которого является рассматриваемый речевой акт как фрагмент общественно-политической коммуникации;
- 2) коммуникатор и его адресат, выступающие политическими субъектами коммуникации;
- 3) идеал и действия, направленные на достижение этого идеала;
- 4) вербальное побуждение адресата к выполнению этих действий и/или указание на необходимость направлять свое поведение на достижение этих идеалов;
- 5) содержание призыва, находящееся в диспозиции с соответствующей юридической нормой.

При успешной реализации речевого акта эти составляющие легко восстанавливаются экспертом с учетом общего коммуникативного контекста, в котором реконструкция этих составляющих является обязательной предпосылкой осмысленного восприятия сообщения.

Лингвистическая диагностика факта реализации речевого акта «призыв» и его прагматического содержания предполагает поэтапную процедуру лингвистического анализа.

Примером применения данной процедуры может служить анализ выступления бывшего командующего сухопутными силами США в Европе генерала Б. Ходжеса от 12 июля 2022 г.:

«Давно надо было стратегически задуматься над тем, как провести деколонизацию России. Никогда у нас еще не было более подходящей возможности поддержать устремления тех народов Поволжья, что хотят разорвать связи с Кремлем» [12].

В данном продукте речевой деятельности присутствуют все коммуникативные составляющие призыва.

- 1) политический дискурс, частью которого является рассматриваемый речевой акт как фрагмент общественно-политической коммуникации;
- 2) коммуникатор и его адресат, выступающие политическими субъектами коммуникации (Б. Ходжес и его аудитория);
- 3) «идеал» и действия, направленные на достижение этого «идеала»: *«...поддержать устремления тех народов Поволжья, что хотят разорвать связи с Кремлем»;*
- 4) побуждение адресата к выполнению этих действий и/или указание на необходимость направлять свое поведение на достижение этих «идеалов»: *«Давно надо было стратегически задуматься над тем, как провести деколонизацию России»;*

5) содержание призыва, находящееся в диспозиции с соответствующей юридической нормой: осуществление действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, что образует состав преступлений, предусмотренных статьями 280.1, 280.2 УК Российской Федерации [13].

Коммуникативные составляющие речевого акта «призыв», представленные в указанном фрагменте, демонстрируют разноуровневые структуры. Содержание этого призыва сводится к подготовке и превращению современных поволжских республик в отдельные государства. В результате чего неизбежно претерпевает изменения территориальная целостность Российской Федерации и ее государственные границы.

Результаты анализа выступления британских представителей в Риге на открытии саммита курируемых Великобританией Совместных экспедиционных сил от 19 декабря 2022 года свидетельствуют о масштабном применении многочисленных манипуляционных технологий, используемых с целью создания отрицательного коннотационного потенциала текста [4]:

«В. В. Путин осознаёт, что не может одержать победу на поле боя. А это означает, что он теперь идёт по пути эскалации конфликта в такой форме, которая несёт откровенно ужасающие последствия для народа Украины. <...> В текущем контексте любой односторонний призыв России к прекращению огня абсолютно не имеет смысла. Я думаю, что это – фальшивый призыв. Он будет использован Россией для перегруппировки и довооружения войск. До тех пор, пока они не выведены с захваченных территорий, не может и не должно быть никаких реальных переговоров. <...> Необходимо продолжить фокусироваться на снижении способности России провести перегруппировку и передислокацию цепочек снабжения с целью контроля над ними и лишения её международной поддержки». Британец также указал на необходимость продолжить линию на ужесточение экономических последствий для России от вводимых Западом санкционных мер» [15].

С учетом широкого коммуникативного контекста, можно утверждать, что анализируемый текст содержит все составляющие компоненты призыва:

1) политический дискурс, частью которого является рассматриваемый речевой акт как фрагмент общественно-политической коммуникации;

2) коммуникатор и его адресат, выступающие политическими субъектами коммуникации (спикер от Великобритании и представители Совместных экспедиционных сил);

3) «идеал» и действия, направленные на достижение этого «идеала»: «... Необходимо продолжить фокусироваться на снижении способности России провести перегруппировку и передислокацию цепочек снабжения с целью контроля над ними и лишения её международной поддержки»;

4) побуждение адресата к выполнению этих действий и/или указание на необходимость направлять свое поведение на достижение этих «идеалов»:

«... необходимость продолжить линию на ужесточение экономических последствий для России от вводимых Западом санкционных мер».

5) содержание призыва, находящееся в диспозиции с соответствующей юридической нормой: осуществлению действий, образуют составы преступлений, предусмотренные статьями 205.2, 280, 280.1, 280.3 УК Российской Федерации [13].

Анализ выступления министра обороны Л. Остина на совместной пресс-конференции с госсекретарем Э. Блинкеном от 25 апреля 2022 г. показал, что данный фрагмент моделирует ситуацию реализации враждебных намерений:

«Мы хотим, чтобы Россия ослабла до такой степени, чтобы она не могла делать то, что сделала, вторгнувшись на Украину. Сказать по правде, она уже потеряла значительную часть своего военного потенциала, много войск. И мы хотим, чтобы они [россияне] не смогли очень быстро восстановить этот потенциал» [11].

Прагматический и семантический анализ публикации с учетом широкого коммуникативного контекста позволяет утверждать, что анализируемый текст содержит все коммуникативные составляющие речевого акта «призыв»:

1) политический дискурс, частью которого является рассматриваемый речевой акт как фрагмент общественно-политической коммуникации;

2) коммуникатор и его адресат, выступающие политическими субъектами коммуникации;

3) идеал и действия, направленные на достижение этого идеала: *«Мы хотим, чтобы Россия ослабла до такой степени, чтобы она не могла делать то, что сделала, вторгнувшись на Украину»;*

4) побуждение адресата к выполнению этих действий и/или указание на необходимость направлять свое поведение на достижение этих идеалов: *«Мы хотим, чтобы они [россияне] не смогли очень быстро восстановить этот потенциал».*

5) содержание призыва находится в диспозиции с соответствующей юридической нормой: продукт речевой деятельности возбуждает социальную, расовую, межнациональную рознь; автор сознательно и целенаправленно стремится возбудить ненависть и вражду по отношению к людям той или иной нации, вероисповеданию, унижить их человеческое достоинство, исходя из национальности, происхождения, отношения к религии и т.д. что соответствует преступлениям, предусмотренные статьями 280, 280.1, 280.4 УК Российской Федерации [13].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистическая экспертиза как прикладное направление языкознания выдвигает к своему конечному продукту четко оговоренные требования, что дает основания рассматривать лингвоэкспертное исследование как технологический процесс – упорядоченную последовательность действий и операций, которые выполняются над исходными данными для получения обоснованного результата.

Для лингвистической экспертизы текста, как и для других прикладных направлений лингвистических знаний, важное значение приобретает «технологическая доступность» такого исследования. Следует учитывать, что конечным потребителем лингвистической экспертизы становятся не

профессиональные лингвисты, а юристы, занимающиеся рассмотрением дел, требующих профессиональной интерпретации фактов устной и письменной речи, в тех случаях, когда различные интерпретации предполагают серьезные юридические последствия.

Технология осуществления различных лингвистических экспертиз может отличаться, однако она должна быть четко структурирована с выделением последовательных стадий исследования и их отдельных операций. Как и любая технология, лингвистическая экспертиза текста стремится к достижению непротиворечивого и обоснованного результата.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. – М.: Флинта, 2009. – 592 с.
2. Ермакова Л. В. Дискурсивный анализ: современные подходы: учебно-методическое пособие. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. – 53 с.
3. Кара-Мурза Е. С. Лингвистические показатели речевых преступлений в политике // Язык СМИ и политика. – Москва, Издательство МГУ, 2012. – С. 797–855.
4. Кислицына Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. – Ч. 2. – С. 129–136.
5. Кислицына Н. Н., Мельниченко Т. В. Реализация коннотационного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика (на материале англоязычных СМИ) // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 65 (3). – С. 92–108.
6. Кислицына Н. Н., Секрет Т. А. Статистическое представление волатильности научного интереса к категории персуазивности как объекту лингвистических исследований // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 143–152.
7. Кислицына Н. Н., Меленцова М. С. Стилистические приемы как инструмент когнитивного моделирования сознания // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 82–85.
8. Колесникова И. Е. Призыв к противоправным действиям экстремистской направленности: лингвистический аспект его описания // Вопросы государства и права. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 159–62.
9. Колесникова И. Е. Теоретические аспекты судебно-лингвистической экспертизы текста в уголовном и гражданском производстве // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы XI Всероссийской научно-практ. конференции. Краснодар, 2022. – С. 144–45.
10. Информационный портал *telegra.ph*: Антироссийские высказывания официальных представителей Великобритании (октябрь 2022 – январь 2023) – Режим доступа: <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3>. – (Дата обращения 09.12.2023).
11. Информационный портал *telegra.ph*: Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного политистеблишмента и международных организаций (за 2022-2023 гг.) – Режим доступа: <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02> (дата обращения 07.12.2023).

12. Информационный портал «Русский мир»: МИД РФ опубликовал примеры русофобских заявлений со стороны представителей Запада. – Режим доступа: <https://russkiymir.ru/news/310650/> – (Дата обращения 20.10.2023).
13. Кодексы и Законы: правовая навигационная система / «Глава 29 УК РФ. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/uk/gl29/> (дата обращения 22.10.2023).
14. Министерство юстиции Российской Федерации: Экстремистские материалы. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения 25.10.2023).
15. РИА-Новости: «Преступный подход»: почему Зеленский призвал считающих себя русскими жителей Донбасса уехать в Россию – Режим доступа: <https://russian.rt.com/ussr/article/892931-rossiya-reakciya-zelenskii-donbass-otnoshenie> – (Дата обращения 22.10.2023).
16. ТАСС Новости: В РФ в январе почти на 160% выросло количество преступлений экстремистской направленности – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/17194839> – (Дата обращения 25.10.2023).

References

1. Baranov A. N. *Lingvisticheskaya e`kspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow, Flinta Publ., 2009. 592 p.
2. Ermakova L. V. *Diskursivnyi analiz: sovremennye podkhody: uchebno-metodicheskoe posobie* [Discursive analysis: modern approaches: educational and methodological manual]. Blagoveshchensk, AmGU Publ., 2021. 53 p.
3. Kara-Murza E. S. *Lingvisticheskie pokazateli rechevykh prestuplenii v politike* [Linguistic indicators of speech crimes in politics]. *Yazyk SMI i politika*. Moscow, MGU Publ., 2012, pp. 797–855.
4. Kislitsyna N. N. *O meste konnotativnogo znacheniya v semanticheskoy strukture slova* [The question of the connotative meaning position in the semantic structure of a word]. *Ucheny`e zapiski Tavricheskogo nacional`nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Socialnye kommunikacii»*, 2011, Vol. 24 (63), no 4, p.2, pp. 129–136.
5. Kislitsyna N. N., Melnichenko T. V. *Realizaciya konnotacionnogo potenciala metafory` pri sozdanii obraza zhenshhiny`- politika (na materiale angloyazy`chny`x SMI)* [The use of metaphor's connotative potential for constructing a woman politician's image (in English-language Mass Media)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2020, no. 65 (3), pp. 92–108.
6. Kislitsyna N. N., Sekret K. A. *Statisticheskoe predstavlenie volatil`nosti nauchnogo interesa k kategorii persuazivnosti kak ob`ektu lingvisticheskix issledovanij* [Statistical representation of the volatility of scientific interest to the category of persuasiveness as a subject of the linguistic research]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2022, no 2, pp. 143–152.
7. Kislitsyna N. N., Melentsova M. S. *Stilisticheskie priemy` kak instrument kognitivnogo modelirovaniya soznaniya* [Stylistic devices as a tool of cognitive modeling of consciousness]. *Baltiyskij gumanitarnyj zhurnal*, 2019, Vol. 8, no. 1(26), pp. 82–85.
8. Kolesnikova I. E. *Prizyv k protivopravnym deistviyam ekstremistskoi napravlenosti: lingvisticheskii aspekt ego opisaniia* [An appeal to illegal actions of an extremist orientation: the linguistic aspect of its description]. *Voprosy gosudarstva i prava*. Krasnodar, Krasnodarskii universitet MVD Rossii Publ., 2023, pp. 159–162.
9. Kolesnikova I. E. *Teoreticheskie aspekty sudebno-lingvisticheskoi ekspertizy teksta v ugovnom i grazhdanskom proizvodstve* [Theoretical aspects of the judicial and linguistic examination of the text in criminal and civil proceedings]. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii. Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-praktich. konferentsii*. Krasnodar, 2022, pp. 144–145.

10. *Informatsionnyi portal telegra.ph: Antirossiiskie vyskazyvaniia ofitsial'nykh predstavitelei Velikobritanii (2022 - 2023)* [Anti-Russian statements of official representatives of Great Britain (October 2022 - January 2023)]. Available from: <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22-3> (accessed 9 December 2023).
11. *Informatsionnyi portal telegra.ph: Primery ispol'zovaniia antirossiiskoi i rusofobskoi ritoriki predstaviteliami zapadnogo politisteblishmenta i mezhdunarodnykh organizatsii (2022-2023)* [Informational portal telegra.ph: Examples of the use of anti-Russian and Russophobic rhetoric by representatives of the Western political establishment and international organizations (for 2022-2023)]. Available from: <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstavitelyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02> (accessed 7 December 2023).
12. *Informatsionnyi portal «Russkii mir»: MID RF opublikoval primery rusofobskikh zaiavlenii so storony predstavitelei Zapada* [Informational portal «Russkii mir»: The Russian Ministry of Foreign Affairs published examples of Russophobic statements by representatives of the West]. Available from: <https://russkiymir.ru/news/310650/> (accessed 20 December 2023).
13. *Kodeksy i Zakony: pravovaia navigatsionnaia sistema / «Glava 29 UK RF. Prestupleniia protiv osnov konstitutsionnogo stroia i bezopasnosti gosudarstva* [Codes and laws: legal navigation system / Chapter 29 of the Criminal Code of the Russian Federation. Crimes against the Foundations of the Constitutional Order and State Security]. Available from: <https://www.zakonrf.info/uk/gl29/> (accessed 22 October 2023).
14. *Ministerstvo iustitsii Rossiiskoi Federatsii: Ekstremistskie materialy: Ministerstvo iustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Ministry of Justice of the Russian Federation: Extremist materials: Ministry of Justice of the Russian Federation]. Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (accessed 25 October 2023).
15. *RIA-Novosti: «Prestupnyi podkhod»: pochemu Zelenskii prizval schitaiushchikh sebia russkimi zhitelei Donbassa uekhat' v Rossiiu* [RIA-Novosti: The criminal approach: why Zelensky called on residents of Donbas who consider themselves Russian to leave to Russia]. Available from: <https://russian.rt.com/ussr/article/892931-rossiya-reakciya-zelenskii-donbass-otnoshenie> (accessed 22 October 2023).
16. *TASS Novosti: V RF v ianvare pochno na 160% vyroslo kolichestvo prestuplenii ekstremistskoi napravlennosti* [TASS News: In the Russian Federation, the number of extremist crimes increased by almost 160% in January]. Available from: <https://tass.ru/proisshestviya/17194839> (accessed 25 October 2023).

HATE DISCOURSE: LINGUISTIC CRITERIA FOR THE IDENTIFICATION OF EXTREMIST APPEALS

Kolesnikova I. E.

The article presents a description of calls to commit illegal actions as elements of political discourse taking into account linguistic and legal knowledge. The study focuses on fragments of speech acts calling for the commission of unlawful acts, incitement of hatred, propaganda for the violent overthrow of the constitutional order of the State. The multidisciplinary approach is applied, using knowledge from law, forensics, forensic theory and linguistics. Methods of discursive and content analysis are used. The use of mechanisms of direct and hidden verbal influence on the recipient's consciousness with the purpose of imposing ideological domination, managing people's actions and exercising control over individuals' behavior is shown. The scheme of linguistic examination of products of speech acts with elements of extremist character has been determined and tested.

Key words: appeal, forensic linguistics, extremism, political discourse, incitement, legal norm, verbal tort.

УДК 811.161.1

КОНЦЕПТЫ «СЕМАНТИКА» И «ПРАГМАТИКА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Литвинчук И. Н.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: irinlitvi@gmail.com*

В статье представлен краткий обзор современных подходов к изучению проблемы соотношения семантики и прагматики в современной междисциплинарной научной парадигме. Процесс интерпретации терминов будущими специалистами подразумевает взаимодействие профессионального и обыденного уровней языкового сознания. Применяя метод ассоциативного эксперимента, удастся выявить особенности влияния каждого из этих уровней на содержание исследуемых концептов в количественном и качественном аспектах. В качестве респондентов выступили обучающиеся учреждений высшего образования Республики Крым различных направлений подготовки. В результате анализа данных, полученных в эксперименте, сформировано ассоциативное поле концептов «семантика» и «прагматика», выявлены ядро и периферия концептов. Определены семантические особенности ассоциатов. Большинство респондентов ассоциирует понятие семантики со смысловыми и вербальными феноменами. Ядро концепта «прагматика» формируют реакции, связанные не с областью лингвистики, а со сферой социально-экономических отношений и с такими направлениями научно-практических знаний, как математика, философия, логика, информационные технологии. Выявлены синтагматические и парадигматические реакции на каждый из предъявленных стимулов.

Ключевые слова: семантика; прагматика; концепт; ассоциативный эксперимент; языковое сознание.

ВВЕДЕНИЕ

В «Опыте общей теории лексикографии» академик Л. В. Щерба при рассмотрении вопроса о семантике языковых знаков, и в частности специальных терминов, указал на то, что они имеют разные значения в общелитературном и специальном языке, раскрывая бытовые и научные представления о вещи, свойстве, действии [17]. Ю. Д. Апресян отмечал наличие подобной двойственности значений у специальных терминов: по его мнению, понятие наивной модели мира и обыденного сознания раскрывает перед семантикой новые возможности, отражая духовный и материальный опыт народа [2].

Терминоведение, как одно из актуальных и практически ориентированных направлений лингвистики, опирается на сведения не только о национальной научной картине мира [10, с. 112], но и о наивной картине мира субъектов речевой деятельности. Известные специалисты в области лексической семантики рассматривают картину мира в качестве важнейшего предмета изучения в русле как теоретических, так и прикладных исследований языкового сознания и способов его репрезентации [2; 4; 5; 8; 18].

Дискуссии по проблеме различия между семантикой и прагматикой ведутся в философии языка еще с начала XX столетия: первоначально основные черты, лежащие в основе такого различия, были описаны еще в работе Ч. Морриса «Основания теории знаков» [16, с. 45–97]. В современной науке прослеживается интерес к вопросу о соотношении понятий «семантика» и «прагматика» в широком междисциплинарном аспекте, включая философскую и лингвофилософскую парадигмы [23; 24].

Отечественные авторы отмечают важность изучения данного различия в аспекте «систематического формального подхода к исследованию языка» [6, с. 99].

В зарубежной науке популярным является собственно терминологический подход к сопоставлению семантики и прагматики в полисемантических дистрибутивных языковых моделях [19; 27]. В программной работе Е. Борг осуществлен анализ содержания понятий «прагматика» и «семантика» в рамках различных дискурсов и исследовательских парадигм, описаны основные теории о соотношении прагматики и семантики, рассматриваются вопросы о роли прагматики в усовершенствовании семантического истолкования различных феноменов языка и речи и о том, можно ли рассматривать прагматику и семантику как независимые друг от друга понятия [20].

Перспективным направлением в исследовании проблемы «семантика vs прагматика» является кросскультурный подход в русле контрастивной лингвистики [26]. Вопрос о первичности семантики по отношению к прагматике поднимается также в рамках биологии познания [13, с. 60]. Обсуждение особенностей «отношений» семантики и прагматики нашло отражение в клинической лингвистике и психиатрии, в частности – в исследовании речевых коррелятов афазии [22; 25]. Рассмотрение семантико-прагматического интерфейса в коммуникативно-речевом аспекте фокусируется на анализе характера интенций субъекта говорения и особенностей имплицитных значений лексико-семантических конструкций, актуализируемых им в потоке речи [21, с. 16].

В процессе преподавания университетского курса дисциплины «Семантика и прагматика языковых единиц в текстах разных жанров» автором была отмечена тенденция к довольно свободной трактовке обучающимися термина «прагматика» на фоне узкого и осторожного истолкования термина «семантика». Так возникла идея исследовать структуру данных концептов в ассоциативном эксперименте: каково их содержание и какую интерпретацию они претерпевают в языковом сознании обучающихся?

Процесс интерпретации терминов будущими специалистами подразумевает взаимодействие профессионального и обыденного метаязыкового уровней языкового сознания. Применение такого метода, как ассоциативный эксперимент, позволяет выявить особенности влияния каждого из этих уровней на содержание исследуемых концептов в количественном и качественном аспектах.

Как отмечает А. Ф. Колясева, «на метаязыковом уровне под обыденным понимается языковое сознание наивных лингвистов (но профессионалов в своей области) и под профессиональным – языковое сознание профессиональных лингвистов, а в применении к терминологии – профессиональных терминологов» [9, с. 157]. По мнению Е. И. Головановой, «между двумя глобальными сферами жизнедеятельности человека – бытовой и социально обусловленной профессиональной – нет непроходимых границ. Более того, они взаимосвязаны и взаимообусловлены...» [7, с. 53].

В качестве **гипотезы** данного исследования выступило предположение о том, что концепты «семантика» и «прагматика» имеют уровневую структуру и на формирование их содержания оказывают преимущественное влияние разные уровни языкового сознания субъектов речевой деятельности – профессиональное и обыденное метаязыковое сознание.

В качестве основной была принята дефиниция концепта, как «...сложного и многоярусного ментального образования, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы,

показывающие отношение человека к познаваемому» [1, с. 155]. При этом «концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [14, с. 14]. Н. В. Уфимцева отмечает, что «ассоциативный эксперимент дает возможность выявить объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [15, с. 12].

Обсуждая алгоритм выявления когнитивных признаков изучаемых концептов в качестве ментальных единиц, З. Д. Попова и И. А. Стернин особо выделяют актуальную для исследователя возможность при интерпретации вербальных реакций, которые продуцируют респонденты в ассоциативном эксперименте, «вычислить яркость каждого признака в структуре концепта, что позволяет ранжировать когнитивные признаки в концепте по яркости, выделить ядро и периферию» [14, с. 113]. Изучение содержания концептов в компаративном аспекте посредством ассоциативного эксперимента «способствует экспликации характера устойчивых связей, сложившихся в концептуальной системе языковой личности как активного субъекта образовательной деятельности, и определению качества взаимодействия анализируемых концептов, особенностей пересечения концептуальной семантики» [12, с. 8].

Отметим, что исследование особенностей языковой личности студентов осуществляется в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского на постоянной и плановой основе [1, с. 99], что позволяет постоянно совершенствовать методологическую базу и открывает перспективу широких обобщений.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве респондентов ассоциативного эксперимента выступили обучающиеся учреждений высшего образования Республики Крым. Направления подготовки участников исследования можно обобщенно обозначить как инженерно-техническое, филологическое, естественнонаучное, юридическое, медицинское и др. Общее количество респондентов – 209 человек, их возраст – от 17 до 24 лет. Таким образом, в исследовании приняли участие представители поколения Z [11]. Участие в ассоциативном эксперименте носило добровольный характер.

В качестве стимульного материала был предъявлен список из 20 слов, в который были включены слова-стимулы «семантика» и «прагматика» (в стимульном материале они были предъявлены не последовательно, а разделены друг с другом другими словами-стимулами). Анализ ассоциативных реакций на остальные лексические стимулы не является целью данного исследования. Заданием для участников исследования была просьба написать, не раздумывая, первое слово-ассоциацию, которое пришло в голову. В случае отказа написать реакцию было рекомендовано ставить прочерк. Время предъявления стимулов и работы респондентов с ними было стандартным для всех участников исследования.

АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Общее количество слов-ассоциаций, которые дали респонденты на стимул «*семантика*», – 311. Перечень ассоциаций представлен ниже. Количество упоминаний респондентами каждой ассоциации в вербальном материале, полученном в данном исследовании, обозначено в скобках. Список составлен по принципу убывания количества выявленных ассоциативных реакций. Перечень ассоциативных реакций,

количество упоминаний которых в экспериментальном материале одинаково, представлен в алфавитном порядке.

Результаты анализа ассоциативного материала на слово-стимул «*семантика*» и их интерпретация. Общее количество *однословных* ассоциативных реакций – 234: *значение* (38 упоминаний), *смысл* (35); *слово* (27); *романтика* (12); *язык* (11); *филология* (9); *сеть* (8); *лингвистика* (7); *наука* (6); *информация* (5); (по 3 упоминания) *Айти*, *восприятие*, *знак*, *сентимент*, *чувства*; (по 2 упоминания) *текст*, *компьютер*, *ошибка*, *сериал*, *сема*; (по 1 упоминанию): *автоматика*, *биология*, *высказывание*, *грамматика*, *грамотность*, *заклинание*, *значимость*, *значимый*, *каталог*, *коннотация*, *культурная*, *лексика*, *лексикология*, *литература*, *магия*, *математика*, *обозначение*, *определение*, *пневматика*, *познание*, *поле*, *понимание*, *похожее*, *правило*, *предмет*, *предложение*, *программирование*, *происхождение*, *разбор*, *раздел*, *речь*, *семечки*, *семиотика*, *символы*, *симпатия*, *синица*, *синтаксис*, *словарь*, *слово*, *словосочетание*, *словообразование*, *сом*, *термин*, *филолог*, *философия*, *часть*, *чувствительность*, *чувство*, *эзотерика*, *языковая*, *языкознание*.

Результаты анализа ассоциативного материала показывают, что ядро концепта «семантика» представляют лексемы с нейтральным значением (*смысл*, *слово*). Эти ассоциаты высокочастотны в реакциях респондентов: их количество значительно превышает количество других реакций и свидетельствует о том, что большинство респондентов ассоциирует понятие семантики со смысловыми и вербальными феноменами. Обращает на себя внимание ассоциат *романтика*, который можно рассматривать как фонетически созвучную реакцию. Ближнюю периферию формируют ассоциаты, указывающие на то, что в языковом сознании многих респондентов-обучающихся различных направлений подготовки концепт «семантика» соотносится с научной сферой, и в частности – с филологией и лингвистикой.

Общее количество *ассоциатов-словосочетаний* на стимул «*семантика*»: *значение слов* (5); *семантическая сеть* (4); (по 3 упоминания) *знак*, *русский язык*; (по 2 упоминания) *единицы языка*, *раздел лингвистики*; (по 1 упоминанию) *дикий бред*, *запросы в поиске*, *зачет по введению в специальность*, *литературное направление*, *набор ключевых слов*, *набор слов*, *направление в лингвистике*, *напустить тумана*, *научная точность*, *поиск смысла*, *смысловое значение*, *смысл слова*, *разбор слова*, *часть речи*, *что-то заумное*, *что-то идеальное*, *что-то неконкретное*, *что-то из разряда романтического*.

Таким образом, ядро концепта «семантика» представлено немногочисленными ассоциатами-словосочетаниями, почти все из которых демонстрируют, что респонденты осознают связь данного понятия с языкознанием. Однако находящиеся на периферии реакции-словосочетания указывают на факт или десемантизации данного слова-стимула (*что-то неконкретное*, *напустить тумана*), или придания ему значения необычности, недоступности для понимания (*что-то романтическое*, *что-то идеальное*, *что-то заумное*) и даже – яркой эмоциональной окраски (*дикий бред*). При этом более 40% реакций-словосочетаний, формирующих периферию ассоциативного поля данного концепта, показывают, что респонденты соотносят «семантику» именно со сферой языкознания.

Ниже представлены **результаты анализа ассоциативного материала** на слово-стимул «*прагматика*» и их интерпретация.

Общее количество слов-реакций, который дали респонденты на стимул «прагматика», – 185. Следует отметить, что было получено довольно много отказов дать ассоциативную реакцию на данный стимул, что, по словам респондентов, которые выбрали такой вариант реагирования, обусловлено их неспособностью определить точное значение данного понятия, его явной многозначностью и соответственно – затруднениями в выборе адекватного варианта реакции.

В анализируемом ассоциативном материале выявлено *однословные* реакции на данный стимул: *деньги* (16); *выгода* (11); *программирование* (9); (по 7 упоминаний) *математика, программа; философия, человек* (6); (по 5 упоминаний) *знак, логика*; (по 4 упоминания) *айти, личность*; (по 3 упоминания) *наука, отношения, польза, правила*; (по 2 упоминания) *информатика, контекст, отношение, прагматик, прагматичность, простота, логика, отношение*; (по 1 упоминанию) *быт, гибкость, действие, дискурс, думать, задача, значение, лингвистика, люди, материализм, многозадачность, неактивность, непонятно, оперативность, парадигма, перевод, прямолинейность, полезный, последовательность, прагматизм, практика, продумывание, псих, раздел, расчет, расчетливость, рациональность, реалист, результат, решение, семиотика, семья, серьезность, символ, система, ситуация, скрупулезность, сложно, слово, совершенство, стигматизация, тишина, точность, уверенность, филология, цинизм, циничный, языкознание*.

В отличие от реакций, полученных на стимул «семантика», ядро концепта «прагматика», по данным нашего ассоциативного эксперимента, формируют реакции, значение которых не связано со сферой лингвистики и филологии в целом (исключение представляет ассоциация *знак*). Так, наиболее частотными являются вербальные реакции, которые соотносятся со сферой социально-экономических отношений (*деньги, выгода*). Интересным является факт, что респонденты ассоциируют стимул «прагматика» с такими направлениями научно-практических знаний, как *математика, философия, логика, информатика*. Такие реакции были представлены в ответах обучающихся различных направлений подготовки, в том числе и гуманитарных. Обращают на себя внимание и высокие количественные показатели присутствия в ассоциативном материале лексики, связанной со сферой информационных технологий (*программирование, программа, айти* и др.), но при этом являющейся общеупотребительной. Как показывает анализ ассоциативного материала, слова-термины, характеризующие сферу филологии, одиночны и формируют дальнюю периферию. Довольный обширный пласт представляют реакции с семантикой психологических качеств и характеристик (*циничность, псих, расчетливость, серьезный, многозадачность, уверенность, оперативность*) и даже с утилитарно-бытовой семантикой (*быт, семья, люди* и др.).

Общее количество *ассоциатов-словосочетаний*, которые респонденты продуцировали на стимул «прагматика», – 21: (по 2 упоминания) *очень сложно, прагматичный человек, практичный человек, раздел языкознания, решение задач, что-то умное*; (по 1 упоминанию) *русский язык, логичные люди, речевая практика, победа всего разумного, практическая польза, ничего конкретного, лучший выбор, создание программ, языковой знак*.

Ядро концепта выражено слабо: его формируют немногочисленные реакции-словосочетания, только 2 из которых указывают на то, что респонденты ассоциируют стимул «прагматика» со сферой языкознания. Остальные реакции свидетельствуют о том, что в языковом сознании большинства обучающихся-респондентов актуализируется

нетерминологическое значение прагматики («отношение к чему-либо с точки зрения практической полезности, ценности»), а также представление о прагматике как о чем-то неконкретном: это демонстрируют, например, реакции *очень сложно, что-то умное, ничего конкретного*.

ВЫВОДЫ

Таким образом, ассоциативное поле «семантика» сформировано большим количеством ассоциатов по сравнению с полем «прагматика» (311 и 185 ассоциативных реакций соответственно).

Все ассоциативные реакции в ядерной зоне обоих концептов являются парадигматическими, в то время как периферийной зоне концепта «семантика» выявлены синтагматические ассоциаты (*культурная, языковая, значимый, похожая*), что представляет 1,7 % от общего числа однословных ассоциативных реакций респондентов на стимул «семантика». На периферии концепта «прагматика» выявлены три синтагматических ассоциата (*думать, сложно, непонятно*): это 2,2 % от всех однословных ассоциативных реакций, которые продуцировали респонденты.

Анализ ассоциативного поля концептов «семантика» и «прагматика» и их структуры позволяет сделать вывод о том, что на формирование содержательных характеристик первого из них преимущественное влияние оказывает профессиональный уровень языкового сознания респондентов, в то время как на содержание второго – обыденное метаязыковое сознание.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф.* Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта, 2010. – 224 с.
2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. – 2-е изд. – М, 1995. – 472 с.
3. *Аржанцева Т. В.* и др. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – 199 с.
4. *Балашова Е. А.* К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикографии и лексикологии // Филологические исследования. 2006. – Т. 4. – № 2. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/268477853.pdf>. – (Дата обращения: 21.04.2023).
5. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
6. *Вострикова Е. В.* Семантика vs прагматика: современные подходы // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. 30. – № 4. – С. 99–115.
7. *Голованова Е. И.* Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2011. – 224 с.
8. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Константы и переменные русской языковой картины мира. Серия «Язык. Семиотика. Культура». – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
9. *Коляева А. Ф.* Терминология в зеркале языкового сознания // Филология и человек. – 2014. – Вып. 2. – С. 151–161.
10. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – Москва: ЧеРо, 2003. – 349 с.
11. *Кулакова А. Б.* Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 2 (42). – С. 1–10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt>. – (Дата обращения: 14.05.2023).

12. Литвинчук И. Н. Исследование концептуального пространства «субъекты образовательной деятельности» в ассоциативном эксперименте // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2021. – Том 7. – № 2 (26). – С. 6–22.
13. Петрова В. М. Соотношение семантики и прагматики в лексическом значении в свете теории биологии познания // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. Филология. – 2013. – С. 60–63.
14. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
15. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: Коллективная монография / под ред. Н. В. Уфимцевой. – Москва–Ярославль: Канцлер, 2017. – 240 с.
16. Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. Изд. – 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – 702 с.
17. Щерба Л. В. Опыт общей системы лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 265–304.
18. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
19. Bianchi C. Semantics and pragmatics: The distinction reloaded. The Semantics/Pragmatics distinction. – Stanford: CSLI, 2004. – P. 1–11. – Режим доступа: https://www.academia.edu/2556767/The_semantics_pragmatics_distinction_CSLI_Stanford_2004. – (Дата обращения: 27.11.2023).
20. Borg E. Semantics without pragmatics? // The Cambridge handbook of pragmatics. – Cambridge, Cambridge University Press, 2012. – P. 513–528. – Режим доступа: https://assets.cambridge.org/9780521192071/frontmatter/9780521192071_frontmatter.pdf. – (Дата обращения: 21.11.2023).
21. Börjesson K. The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects // Langages. – 2016. – № 201. – P. 15–32. – Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-langages-2016-1-page-15.htm> – (Дата обращения: 15.10.2023).
22. Capone A. On the tension between semantics and pragmatics // Pragmemes and theories of language use. – 2016. – P. 769–790 – Режим доступа: https://www.academia.edu/34009578/On_the_Tension_Between_Semantics_and_Pragmatics. – (Дата обращения: 17.11.2023).
23. Depraetere I. Meaning in context and contextual meaning: a perspective on the semantics-pragmatics interface applied to modal verbs // Anglophonia. French journal of English linguistics, no 28, 2019. – Режим доступа: <https://journals.openedition.org/anglophonia/2453?lang=fr>. – (Дата обращения: 19.10.2023).
24. Depraetere I., Salkie R. Semantics and pragmatics: Drawing a line. // Springer. – 2017. – Vol. 11. – Available from: https://www.researchgate.net/publication/320711111_Ilse_Depraetere_and_Raphael_Salkie_ed_s_Semantics_and_Pragmatics_Drawing_a_Line. – (Дата обращения: 21.10.2023).
25. Graci R., Capone A. Perspectives on the semantics/pragmatics debate: insights from aphasia research. // Frontiers in Psychology. – 2023. – № 14. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/374265083_Perspectives_on_the_semantics_pragmatics_debate_insights_from_aphasia_research. – (Дата обращения: 24.11.2023).
26. Houser J., Kadar D. Cross-cultural pragmatics // Acta universitatis sapientiae. Philologica. – 2022. – № 14 (2). – P. 151–156. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/366324880_Research_Report_Cross-cultural_Pragmatics – (Дата обращения: 20.11.2023).

27. Wang Y., Daille B., Hathout N. Exploring terminological relations between multi-word terms in distributional semantic models. // Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication. – 2023. – 10.1075. – P. 1–24. – Режим доступа: <https://hal.science/hal-04148578/document> – (Дата обращения: 21.09.2023).

References

1. Alefirenko N. F. *Lingvokul'turologija. Cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka* [Linguoculturology. The value-semantic space of language]. Moscow, Flinta Publ., 2010. 224 p.
2. Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaja semantika* [Selected works. Vol. I. Lexical semantics]. 2nd ed., Moscow, 1995. 472 p.
3. Arzhanceva T.V. i dr. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching the Russian language in Crimea: historical and ethnocultural context: collective monograph]. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2022. 199p.
4. Balashova E. A. K voprosu ob otrazhenii naivnoj kartiny mira v leksikografii i leksikologii [On the issue of reflecting the naive picture of the world in lexicography and lexicology]. *Filologicheskie issledovanija*, 2006, V. 4, no 2. Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/268477853.pdf> (accessed 21 April 2023).
5. Vezhbickaja A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.
6. Vostrikova E. V. *Semantika vs pragmatika: sovremennye podhody* [Semantics vs pragmatics: modern approaches] *Jepistemologija i filosofija nauki*, 2011, Vol. 30, no 4, pp. 99–115.
7. Golovanova E. I. *Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: ucheb. posobie* [Introduction to cognitive terminology: textbook]. Moscow, FLINTA Publ., 2011. 224 p.
8. Zaliznjak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira. Serija «Jazyk. Semiotika. Kul'tura»* [Constants and variables of the Russian language picture of the world. Series "Language. Semiotics. Culture"]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2012. 696 p.
9. Koljaseva A. F. *Terminologija v zerkale jazykovogo soznanija* [Terminology in the mirror of linguistic consciousness]. *Filologija i chelovek*. 2014. Issue 2, p. 151–161. .
10. Kornilov O. A. *Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow, CheRo Publ., 2003. 349 p.
11. Kulakova A. B. *Pokolenie Z: teoreticheskij aspekt* [Generation Z: theoretical aspect]. *Voprosy territorial'nogo razvitija*, 2018, no 2 (42), pp. 1–10. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskij-aspekt> (accessed 14 May 2023).
12. Litvinchuk I. N. *Issledovanie konceptual'nogo prostranstva «sub#ekty obrazovatel'noj dejatel'nosti» v associativnom jeksperimente* [Study of the conceptual space "subjects of educational activity" in an associative experiment]. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates*, 2021, Vol. 7, no 2 (26), pp. 6–22.
13. Petrova V. M. *Sootnoshenie semantiki i pragmatiki v leksicheskom znachenii v svete teorii biologii poznanija* [The relationship between semantics and pragmatics in lexical meaning in the light of the theory of cognitive biology]. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. I. Gercena. Filologija*, 2013, pp. 60–63.
14. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST «Vostok-Zapad» Publ., 2007. 226 p.

15. *Regional'noe jazykovoje soznanie komi, russkih, tatar: problemy vzaimovlijanija* [Regional linguistic consciousness of Komi, Russians, Tatars: problems of mutual influence]. Collective monograph. Ed. by N. V. Ufimceva. Moscow–Jaroslavl, Izdatel'stvo Kancler Publ., 2017. 240 p.
16. *Semiotika: Antologija* [Semiotics: An Anthology]. Comp. Ju. S. Stepanov. Ed. 2nd, rev. and add. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2001. 702 p.
17. Shcherba L. V. *Opyt obshhej sistemy leksikografii* [Experience of a general system of lexicography]. *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. Moscow, 1974, pp. 265–304.
18. *Jazykovaja kartina mira i sistemnaja leksikografija* [Linguistic picture of the world and systemic lexicography]. V. Ju. Apresjan, Ju. D. Apresjan, E. Je. Babaeva and others. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2006. 912 p.
19. Bianchi C. *Semantics and pragmatics: The distinction reloaded. The Semantics/Pragmatics distinction*. Stanford, CSLI, 2004, pp. 1–11. Available from: https://www.academia.edu/2556767/The_semantics_pragmatics_distinction_CSLI_Stanford_2004 (accessed 27 November 2023).
20. Borg E. *Semantics without pragmatics?* The Cambridge handbook of pragmatics. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 513–528. Available from: https://assets.cambridge.org/9780521192071/frontmatter/9780521192071_frontmatter.pdf (accessed 21 November 2023).
21. Börjesson K. *The semantics-pragmatics interface: The role of speaker intentions and the nature of implicit meaning aspects*. *Langages*, 2016, no. 201, pp. 15–32. Available from: <https://www.cairn.info/revue-langages-2016-1-page-15.htm> (accessed 15 October 2023).
22. Capone A. *On the tension between semantics and pragmatics*. *Pragmemes and theories of language use*, 2016, pp. 769–790. Available from: https://www.academia.edu/34009578/On_the_Tension_Between_Semantics_and_Pragmatics (accessed 17 November 2023).
23. Depraetere I. *Meaning in context and contextual meaning: a perspective on the semantics-pragmatics interface applied to modal verbs*. *Anglophonia*. French journal of English linguistics, 2019, no. 28. Available from: <https://journals.openedition.org/anglophonia/2453?lang=fr> (accessed 19 October 2023).
24. Depraetere I., Salkie R. *Semantics and pragmatics: Drawing a line*. Springer, 2017, Vol. 11. Available from: https://www.researchgate.net/publication/320711111_Ilse_Depraetere_and_Raphael_Salkie_ed_Semantics_and_Pragmatics_Drawing_a_Line (accessed 21 October 2023).
25. Graci R., Capone A. *Perspectives on the semantics/pragmatics debate: insights from aphasia research*. *Frontiers in Psychology*, 2023, no. 14. Available from: https://www.researchgate.net/publication/374265083_Perspectives_on_the_semantics_pragmatics_debate_insights_from_aphasia_research (accessed 24 November 2023).
26. Houser J., Kadar D. *Cross-cultural pragmatics*. *Acta universitatis sapientiae. Philologica*, 2022, no. 14 (2), pp. 151–156. Available from: https://www.researchgate.net/publication/366324880_Research_Report_Cross-cultural_Pragmatics (accessed 20 November 2023).
27. Wang Y., Daille B., Hathout N. *Exploring terminological relations between multi-word terms in distributional semantic models*. *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 2023, 10.1075, pp. 1–24. Available from: <https://hal.science/hal-04148578/document> (accessed 21 September 2023).

**CONCEPTS «SEMANTICS» AND «PRAGMATICS»
IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
OF STUDENT REPRESENTATIVES**

Litvinchuk I. N.

The article presents a brief overview of modern approaches to studying the problem of the relationship between semantics and pragmatics in the modern interdisciplinary scientific paradigm. The process of interpretation of terms by future specialists involves the interaction of professional and everyday levels of linguistic consciousness. The use of a method such as an associative experiment makes it possible to identify the features of the influence of each of these levels on the content of the concepts under study in quantitative and qualitative aspects. The method of associative experiment was used in order to study the content of the concepts «semantics» and «pragmatics» in the linguistic consciousness of representatives of student youth in Crimea. An associative field of the concepts «semantics» and «pragmatics» was formed as a result of the analysis of the data obtained in the experiment, the core and periphery of the concepts were identified. Semantic features of associates are defined. Most respondents associate the semantics with meaningful and verbal phenomena. The core of the concept of “pragmatics” is formed by reactions associated not with the field of linguistics, but with the sphere of socio-economic relations and with such areas of scientific and practical knowledge as mathematics, philosophy, logic, information technology. Syntagmatic and paradigmatic reactions to each of the presented stimuli were identified. The hypothesis about the level structure of the concepts “semantics” and “pragmatics” was confirmed as a result of the analysis of the associative reactions of respondents. Analysis of the associative field of the concepts «semantics» and «pragmatics» and their structure allows us to conclude that the formation of the content characteristics of the first of them is predominantly influenced by the professional level of linguistic consciousness of the respondents, while the content of the second is influenced by ordinary metalinguistic consciousness.

Key words: semantics; pragmatics; concept; associative experiment; linguistic consciousness.

УДК 81'272

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «НАРОД» / «ВЛАСТЬ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С.

*Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация
e-mail: bekketsam@yandex.ru, bell12bell@rambler.ru*

Статья посвящена анализу базовых концептов «народ» и «власть», актуализованных в пространстве общественно-политического журнального дискурса. Дается определение термину общественно-политический журнальный дискурс, который представляет коммуникативное явление, порождаемое коммуникативно-прагматическими и когнитивными целеустановками автора, в котором участвуют две стороны: адресант и адресат. Кратко описываются теоретические подходы к исследованию понятия концепт и концептуализация, в частности, когнитивная лингвистика, представляющая собой современный подход к исследованию значения, организации языка и концептуальной структуры. Концептуализация понимается как один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов и концептуальных структур. Выявлены признаки концептов «народ», «власть», описаны их ядерные и периферийные признаки.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, дискурс, концепт, ядро концепта, периферия концепта, концептуальные признаки, концептуализация, актуализация концепта, народ, власть.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена обращением к проблеме изучения концептуализации ключевых понятий «народ» и «власть» в общественно-политическом журнальном дискурсе. Общественно-политический дискурс является одним из способов институционального общения, которое осуществляется в социально-фиксированной ситуации и в конкретной культурно-политической ситуации. Под общественно-политическим журнальным дискурсом мы понимаем всю совокупность текстов, функционирующих в общественно-политических журналах в целом, отвечающих публицистическому жанру. Общественно-политический журнальный дискурс представляет собой коммуникативное явление, порождаемое коммуникативно-прагматическими и когнитивными целеустановками автора, в котором участвуют две стороны: адресант (говорящий, пишущий) и адресат (слушающий или читающий).

Материалы и методы исследования

В рамках данного исследования были использованы следующие методы: описания, сплошной выборки, контекстуального и дискурсивного анализа, лексико-семантического анализа. Для полного и всестороннего анализа отобранного материала нами применялись когнитивно-прагматический и функциональный подходы к критическому анализу общественно-политического журнального дискурса. Материалом исследования послужили заголовки и тексты статей официальных Интернет-версий общественно-политических журналов, а также материалы национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Общественно-политический журнальный дискурс обладает особым подязыком, он является институциональным видом общения и использует определенную систему

профессионально ориентированных знаков. Макроструктура дискурса в общественно-политическом журнале состоит из крупных составляющих: это эпизоды в рассказе, абзацы в журнальной статье, комментариев и т.д. Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются отдельно более длинными текстовыми фрагментами, отрывками, графическим выделением, а также специальными лексическими средствами (служебными словами или словосочетаниями). Важно отметить, что внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, референциальное (т.е. единство участников описываемых событий), событийное, временное, пространственное. Данные общественно-политические журналы являются авторитетными качественными изданиями, новостная повестка которых предназначена широкому кругу читателей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Масштабные перемены, произошедшие в социально-политической жизни России и других государств в XX-XXI вв., продолжающиеся преобразования, затрагивающие политику, экономику, культуру и другие сферы жизни, повлекли за собой большие изменения в общественном сознании людей и, как следствие, в словарном составе языка. Когнитивная лингвистика – одна из важнейших современных дисциплин, занимающиеся анализом актуальных для когнитивистики феноменов. Когнитивно-функциональные и лингвокультурные особенности общественно-политического журнального дискурса способствуют организации современного знания и представлений человека об окружающем мире и формированию медийной картины мира. Исследование концептов, концептуализация понятий, выявление различий между языковым и концептуальным значением – одна из главных задач когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика представляет собой современный подход к исследованию значения, организации языка и концептуальной структуры. «Семантические репрезентации в системе языка взаимодействуют с репрезентациями в концептуальной системе, семантическая структура уравнивается с концептуальной структурой. Концептуальная структура, с которой соотносится семантическая структура, формирует обширную сеть структурированного знания» [5].

Краткий словарь когнитивных терминов определяет понятие «концептуализация» как один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов и концептуальных структур [4].

Концептуализация окружающей действительности происходит неравномерно: одни концепты имеют больше вариантов реализации в то время, как другие – значительно меньше [1].

Ю. Д. Апресян основывается на следующих положениях теории концепта: 1) каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям; 2) свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально специфичен; 3) взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивные представления [2]. Стоит заметить, что

высоковероятным компонентом семантики языкового концепта является когнитивная память слова: смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка [2,10]. Однако концептологически наиболее существенным здесь оказывается так называемый культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики единиц естественного языка и отражающий «языковую картину мира» его носителей.

Согласно А. А. Бахшалиевой, «первое, что выделяется в концепте, это выражение определенного значения, что называется концептуальным смыслом. При этом когнитивные пласты сохраняются в ядре концепта» [3].

Нам представляется важным привести выводы Ю. Е. Прохорова о том, что «концепт – действительно есть симулякр – не реальность, а ее отражение; не просто отражение, а отражение третьего порядка – он отражает не картину мира, а здесь и сейчас именованное представление о некотором элементе картины мира. Концепт есть некоторая совокупность отношений к элементам картины мира. Концепт и всеобщ, и национально и личностно специфичен, что находит свое отражение в выборе языковых средств его реализации» [8, с. 158]. Одна из самых популярных структур концепта принадлежит Ю. С. Степанову. Концепт имеет «слоистое» строение, а его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Структура концепта включает в себя: Основной (актуальный признак); дополнительный (пассивный, исторический) признак; внутреннюю форму (обычно неосознаваемую) [9].

В. И. Карасик же в свою очередь предлагает рассматривать предложенные слои Ю. С. Степанова как отдельные концепты различного объема, но не как компоненты единого концепта. «Активный слой (основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него) входит в общенациональный концепт; пассивные слои (дополнительные признаки, актуальные для отдельных групп носителей культуры) принадлежат концептосферам отдельных субкультур); внутренняя форма концепта (известная лишь специалистам, определяющая внешнюю, знаковую форму выражения концептов) для большинства носителей культуры является не частью культуры, а одним из детерминирующих его культурных элементов [6, с.54].

Изучение содержания медиатекстов позволило выделить ряд ключевых концептов в современном русскоязычном и англоязычном журнальном дискурсе: «Власть / Power», «Политика / Politics», «Лидер / Leader», «Народ / People», «Общество/ Society».

В центре нашего исследования концептуализация понятий «народ» и «власть» в общественно-политическом журнальном дискурсе.

В современных толковых словарях русского языка существительное «народ» трактуется в основном как: 1) население государства, жители страны; 2) нация, национальность или народность; 3) основная трудовая масса населения страны; 4) люди [7].

Сопоставление трактовок слова *народ* в толковых словарях разных эпох показывает, что народ – это сообщество людей, ограниченное определенной территорией; имеющее государственное устройство, социальную организацию, а также объединенное общими культурно-историческими традициями. Выделяя

основные признаки, составляющие структуру понятия народ, считаем возможным выделить в качестве базовых следующие: а) принадлежность его к определенной территории; б) общность социальной и государственной организации; в) общность культурно-исторических традиций членов этой общности; г) количественный состав (большое количество или группа людей). Приведем некоторые примеры из статей общественно-политических журналов:

Губернатор Ямала уехал в народ (Коммерсант, 19.08.2020).

Греф: люди должны понимать, что могут потерять работу в будущем из-за роботизации (Ведомости, 2021.05.22).

Силуанов: простые люди не угадают, как будет вести себя валюта (Коммерсант, 27.08.2018).

Советником президента Армении стал гражданин России (Коммерсант, 07.10.2019).

Нельзя безнаказанно понизить уважение к правителю Китая внутри его социальной группы, а тем более сделать это публично на весь мир. В этом случае вы приобретете врага на всю оставшуюся жизнь в лице униженного и в глазах всей нации (Эксперт 5.12.2023).

Анализ материалов общественно-политических журнальных медиатекстов показывает, что семантическое поле понятия «народ» в основе своей представлено следующими существительными: жители государства, люди, простые люди, граждане, гражданин, публика, народность, нация. К ядерной части мы относим здесь следующие существительные люди и нация, понимая, что данные слова наиболее полно и обще выражают семантику исследуемого концепта в рамках общественно-политического дискурса, включая его концептуальные свойства и нюансы. Оставшиеся же образования составляют его периферию. Сказанное позволяет слову *народ* появляться в контекстах самого разного толка, материалы общественно-политических журналов ориентируют читателя замечать в его семантической структуре в самую первую очередь центр и уже потом, по-видимому, периферию, часто личностного свойства.

Обращаясь к концепту «Власть» как одному из базовых в рамках общественно-политического журнального дискурса, отмечаем его многоаспектность. В коллективном сознании власть нередко характеризуется негативной оценкой. В рамках общественно-политического дискурса «власть» отождествляется в преобладающих случаях именно с политической властью.

Власть получит от населения то, что ей нужно (Коммерсант, 27.02.2020).

Валентина Матвиенко считает, что государство должно лучше заботиться о соцработниках (Парламентская газета, 06.08.2021).

Власть у нас помогает совсем уж бедным (Коммерсант, 14.12.2020).

Власти должны продолжить курс на сокращение бедности и неравенства, заявлял глава государства (Эксперт 07.01.2024).

Понятийное ядро концепта «власть» – различного рода государственная власть, государство, орган государственного управления. Периферию концепта образуют лица, работающие в органах власти, местные власти, представители власти, глава исполнительной власти и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования, направленного на анализ концептуализации концептов «народ» и «власть» в рамках общественно-политического журнального дискурса, были выявлены разные признаки данных концептов: выделены ядерные и периферийные признаки исследуемых концептов. При помощи метода контекстуального анализа были выявлены и описаны базовые концептуальные признаки: «народ» – люди, простые люди, нация, жители государства, граждане; «власть» – государство, орган государственного управления, право. В процессе исследования мы пришли к выводу о том, что основными функциями в общественно-политического журнального дискурса являются: аналитическая функция, информативная (информирование и обзор событий) и воздействующая функции, при этом присутствуют и иные функции, но выступают в качестве второстепенных. Перспективными для дальнейших исследований являются и некоторые более частные проблемы. Ориентация проведенного исследования на выявление общих принципов и закономерностей стала причиной того, что за пределами рассмотрения осталось множество вопросов, связанных с ролью медийной картины мира в индивидуальных стилях конкретных авторов или в контексте представления информации в глобальной сети Интернет, а также с различиями, которые обусловлены специфическими чертами систем русского и английского языков. Особенно перспективным в этом отношении представляется последовательное рассмотрение новых возможностей, которые характеризуют современные печатные и онлайн издания.

В заключение отметим, что проведенное исследование может служить отправным пунктом для научных исследований в области когнитивной лингвистики (анализ современного состояния массового сознания, мышления, стереотипов и предубеждений). Материалы исследования могут быть также использованы другими дисциплинами, такими как этническая журналистика и политология. Как свидетельствует анализируемый материал, концепты «народ» и «власть» образуют концептуальную оппозицию и проявляют взаимосвязь в общественно-политическом журнальном дискурсе.

Список литературы

1. Амтикян А. Г. «Вербализация концепта «учитель» во французской и русской лингвокультурах» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2023. – Вып. 2 (317). – С. 58–64.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. – М., 1995. – 766 с.
3. Бахшалиева А. А. Теоретическая основа концепта // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2021. – Вып. 4 (287). – С. 13-19.
4. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.
5. Манаенко Г. Н. Соотношение концепт – значение языкового выражения // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 24–32.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М., 2008. – 296 с.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений. – 28-е изд., перераб. – Москва, 2015. – 1375с.
8. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. – М., 2009. – 176 с.

9. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 75 с.
10. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 216 с.

References

1. Ampikjan A. G. «Verbalizacija koncepta «uchitel'» vo francuzskoj i ruskoj lingvokul'turah» [Verbalization of the concept “teacher” in French and Russian linguistic cultures]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija i iskusstvovedenie*, 2023, no. 2 (317), pp. 58–64.
2. Apresjan Ju. D. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works: in 2 volumes]. Moscow, 1995. 766 p.
3. Bahshalieva A. A. *Teoreticheskaja osnova koncepta* [Theoretical basis of the concept]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologija i iskusstvovedenie*, 2021, no. 4 (287), pp. 13-19.
4. *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms] comp. Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L G. Moscow, 1996. 245 p.
5. Manaenko G. N. *Sootnoshenie koncept – znachenie jazykovogo vyrazhenija* [Correlation between the concept and the meaning of a linguistic expression]. *Nauchnyj dialog*, 2012, no. 3, pp. 24–32.
6. Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, 2008. 296 p.
7. Ozhegov S. I. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 100000 slov, terminov i vyrazhenij. 28-e izd., pererab.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 100,000 words, terms and expressions. 28th ed., revised]. Moscow, 2015. 1375 p.
8. Prohorov Ju. E. *V poiskah koncepta* [In search of a concept]. Moscow, 2009. 176 p.
9. Stepanov Ju. S. *Al'ternativnyj mir. Diskurs, Fakt i Princip Prichinnosti* [Alternative world. Discourse, Fact and the Principle of Causality]. *Jazyk i nauka konca XX veka: sb. statej.* Moscow, RGGU Publ., 1995. 75 p.
10. Teliya V. N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, 1996. 216 p.

CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPTS «PEOPLE» / «POWER» IN THE DISCOURSE OF SOCIO-POLITICAL MAGAZINES

Luchinskaya E. N., Kabanyan B. S.

The article is devoted to the analysis of the basic concepts of «people» and «power» in the discourse of socio-political magazines. The term socio-political magazine discourse is defined, it represents a communicative phenomenon generated by the communicative-pragmatic and cognitive goal settings of the author, in which two parties participate: the addresser and the addressee. Theoretical studies of the concept and conceptualization are briefly described. In particular, cognitive linguistics that is a modern approach to the study of meaning, language organization, and conceptual structure. Conceptualization is understood as one of the most important processes of human cognitive activity, which consists in comprehending the information coming to him and leading to the formation of concepts and conceptual structures. The signs of the concepts «people» and «power», their core and peripheral signs are revealed.

Keywords: cognitive linguistics, discourse, concept, core of the concept, periphery of the concept, conceptual features, conceptualization, actualization of the concept, people, power.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81

ПЕРЕВОД СТАТЬИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕМАТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛНОЦЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Ромашин М. Г.

*Институт иностранных языков
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Научно-исследовательский институт трубопроводного транспорта,
Москва, Российская Федерация
e-mail: oilandgasindustry@bk.ru*

Статья посвящена специфике научно-технической литературы и особенностям, на которые следует обратить внимание при переводе данного вида текстов. В результате проведенной работы выполнен обзор характеристик научной статьи на английском языке и ее перевода на русский язык. В исследовании проведен анализ англоязычной статьи, сложностей работы с текстом, с которыми может столкнуться переводчик при переводе узкоспециализированного текста, и особенностей, на которые следует обратить внимание.

Ключевые слова: анализ текста, научно-технический стиль, перевод, переводческие трансформации, техническая литература.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время появляется все больше лингвистических работ, посвященных тем или иным аспектам перевода. В своем текущем состоянии переводоведение охватывает все больше различных направлений исследований, рассматривая перевод как процесс и как результат. Проблематикой переводов занимаются как лингвисты-исследователи, так и узконаправленные специалисты, отмечая отсутствие единства мнений касательно особенностей переводческого анализа текстов. Одним из направлений перевода специальных текстов следует отметить научно-технический перевод [12].

Развитие научно-технического перевода является одним из ведущих направлений в области лингвистики. В связи с расширением научно-технического сотрудничества с дружественными странами, укреплением экономических связей и увеличением объема обмена зарубежным опытом умение корректно переводить научно-техническую литературу становится все более актуальным. Именно благодаря адекватности перевода литературы и текстов докладов на различных мероприятиях зависит то, насколько понятно будет донесена информация до аудитории.

К специфике научно-технической литературы следует отнести максимальную точность, содержательность и лаконичность. К особенностям, отличающим данный вид литературы от других текстов, можно отнести значительное количество специальных словосочетаний, формул, графиков, определений, перевод которых может вызвать сложности. Концентрация специальных терминов в технических текстах довольно высока и, в среднем, их доля составляет около 15–20 %. Поэтому

переводчику научно-технических текстов совершенно необходимо обладать определенным уровнем знаний из той области, к которой относится переводимый текст, будь то биология, физика, астрономия, или какая-нибудь другая отрасль знания. Все большее значение уделяется исследованиям перевода научно-технических текстов и лингвистическим требованиям к научно-техническому переводу.

Следует отметить, что по причине довольно динамичного развития профильных областей науки и появления новых терминов, специальные словари нередко не успевают пополняться. Что в свою очередь тоже ставит перед переводчиками довольно серьезные задачи.

К сложностям, с которыми может столкнуться переводчик, следует отнести:

- результативность в части адекватности перевода;
- большое количество тем из разных сфер деятельности, которые могут содержаться в тексте, с которым переводчик должен быть хорошо знаком;
- несовпадение языковых средств двух языков при выражении идентичных терминов.

Среди направлений технического перевода хотелось бы выделить нефтегазовую тематику, поскольку данная отрасль является одной из ведущих в мировой экономике. Кроме того, в этой сфере активно развивается международное сотрудничество.

Актуальность рассматриваемой проблематики определяется необходимостью корректного перевода научно-технической литературы, технических текстов и специальной терминологии в узкоспециализированных областях, в частности. От переводчика в таких случаях требуется не только хорошее знание обоих языков, но и детальное понимание предмета исследования. При переводе специфических узкоспециальных текстов необходимо отчетливо владеть обширным лексическим запасом и уметь наиболее точно передать специальную терминологию на русском языке. Кроме того, многие термины в нефтегазовой сфере основаны на таких предметах, как геология, инженерное дело, химия и др. Для современного высококвалифицированного переводчика необходимо быть компетентным в исследуемой сфере и уметь совмещать как приемы художественного, так и научного перевода.

Целью предлагаемого исследования является проведение анализа научной статьи на языке оригинала и рассмотрение особенностей ее перевода на русский язык.

Материалом исследования стала зарубежная статья, написанная на английском языке [17].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Автором данной статьи был проведен анализ зарубежной статьи «*Oil pipeline leakage monitoring developments in China*», написанной на английском языке коллективом авторов из Китайского нефтяного университета (Китай, Хуадун) и Китайской трубопроводной компании China Oil & Gas Pipeline Network Corp, также известной как PipeChina (Китай) [17].

До того, как перейти к разбору научной статьи, автором был проведен анализ текста на стадиях «предпонимания» и «понимания». В результате прохождения данных этапов рассмотрения была раскрыта информация об основных сведениях материала статьи:

- основные сведения об авторах и организациях, на базе которых подготовлена научная статья;
- ключевые слова;
- стиль изложения материала;
- терминология (в области научных исследований в сфере трубопроводного транспорта и контроля обнаружения утечек нефти в Китае);
- сводная информация по общей протяженности нефте- и газопроводов в мире и доля трубопроводов, которая приходится на Китай;
- обзор существующих методов контроля и обнаружения утечек нефти в Китае.

В результате анализа рассматриваемой статьи на стадии понимания сделан вывод о содержании в статье следующих сведений:

1. Основные причины возникновения утечек на трубопроводах.
2. Диаграмма Исикавы анализа аварийности и утечек на нефте- и газопроводах.
3. Статистические данные по протяженности трубопроводов, транспортирующих нефть и газ в Китае, и сведения об аварийности в период с 2008 по 2022 год.
4. Законодательство в нефтегазовой сфере и локальные нормативные правовые акты провинций Китая.
5. Методы контроля и обнаружения утечек нефти в Китае, принцип их действия, область применения, преимущества использования каждого способа.
6. Методы обнаружения утечек, основанные на машинном обучении.
7. Описание и блок-схема выбора способов контроля и обнаружения утечек нефти.
8. Перспективы разработки нового метода обнаружения утечек, основанного на анализе большого объема данных.

На основании выводов, сделанных на предыдущих этапах анализа текста, необходимо было принять решение: какой стратегии следует придерживаться при выполнении перевода – форенизации или доместикации? На наш взгляд, целесообразно говорить о форенизации, поскольку рассматриваемый текст относится к научно-публицистическому стилю и искажение или замена специальных терминов повлечет за собой искажение смысла и возможному непониманию у реципиента (в нашем случае к нему относятся: научные работники, инженеры, специалисты и кадры высшей квалификации), что, разумеется, недопустимо.

При рассмотрении научной англоязычной статьи [17] дополнительно был определен такой фактор, как компрессивность (плотность информации) [4, с. 7]. В статье содержится значительное количество терминов, статистических данных, присутствуют таблицы с большим объемом данных, ленточные диаграммы, выкопировки из карт, схемы, блок-схемы. Все это относится к средствам повышения плотности информации, что свойственно для когнитивного типа информации.

Основной отличительной чертой рассматриваемой научной статьи является то, что она рассчитана на специалиста в данной отрасли. Наиболее типичным лексическим признаком научной и технической литературы и анализируемого текста, в частности, является насыщенность специальными терминами и терминологическими словосочетаниями. В лингвистическом аспекте терминам, как и другим словам языка, свойственно явление многозначности, поэтому в научно-технической области их требуется переводить точно, иначе последствия будут неприятны.

В рассматриваемой нами статье, начиная с заголовка статьи, и далее по тексту встречаем распространенный термин «leakage». Для точного перевода данной лексической единицы обратимся к англо-русским словарям, которые нам дают следующие варианты перевода:

- утечка, протечка [13];
- утечка, течь, просачивание, вытекание, негерметичность, подтекание, ток утечки, протекание [19];
- утечка, протечка, проникновение [15].

Как мы видим, довольно много вариантов перевода, из которых переводчику требуется выбрать единственный верный вариант. Из вышеприведенных вариантов наиболее точным и корректным является слово «утечка», поскольку в рассматриваемой статье речь идет именно о различных способах и методах определения целостности стенки трубопроводов, а термин «система обнаружения утечек» [14] является устойчивым для нефтегазовой отрасли, который подходит для нашего случая перевода.

Далее во введении встречается термин «*mileage*», который переводится на русский язык как «пробег, расстояние в милях, километраж» [13, 19]. Данный термин в англоязычной версии статьи встречается в следующем контексте: «*the total mileage of global oil and gas pipelines exceeds 3.5 million kilometers, the length of China's oil and gas pipelines is 193,000 kilometers*» [17]. Хотелось бы обратить внимание читателя на то, что в рассматриваемом предложении это существительное является ключевым и далее по тексту дважды используется слово «*kilometers*», которое согласно англо-русским переводчикам [13, 19] имеет схожий перевод – «*километр*». Но в контексте рассматриваемой научной статьи можно заметить, что в данном предложении речь идет об общей протяженности нефте- и газопроводов, единицей измерения которой является километр. Итоговый перевод данного предложения нами представлен как *общая протяженность нефте- и газопроводов в мире составляет свыше 3,5 млн километров, из которых на долю Китая приходится 193 тыс. километров.*

При переводе текстов не обойтись без изменения структуры предложений, замены синтаксического и морфологического характеров. При переводе научно-технических текстов стоит отметить использование таких распространенных грамматических трансформаций, как замена (членов предложения, частей речи, форм слова), опущение и перестановка, без которых перевод невозможен из-за различий в грамматическом строе языков [10, с. 81]. Обращаясь к тексту оригинала и переведенного варианта, можно увидеть много таких характерных примеров, приведем один из таких примеров.

«However, with the increase of pipeline *service time*, part of pipeline is *ageing and becoming thinner*, which increases the probability of *pipeline failure*». Особенно внимательно поочередно рассмотрим *выделенные курсивом* англоязычные термины, варианты их перевода на английский язык и оставим некоторые комментарии к каждому из них.

1. *Service time* – срок службы, время обслуживания [19], продолжительность эксплуатации [15, 19]. Из представленных вариантов теоретически каждый может иметь место в переводе (без привязки к конкретному приложению и контексту).
2. *Ageing* – вызревание, дисперсионное твердение, механическое старение, выдержка, вылеживание [15], старение [15, 19]. На первый взгляд, все термины так или иначе связаны с действием, которое происходит с течением времени (корень «age» в переводе означает возраст, срок [18]).
3. *Becoming thinner* – становиться тоньше [18], терять вес [19]. Как видно из текста, данное словосочетание относится к существительному «pipeline», но применить варианты перевода, которые предложили нам словари, неуместно. В данном случае по тексту речь идет об уменьшении толщины стенки трубопровода. Поэтому при переводе предложения необходимо учитывать именно этот смысл термина.
4. *Pipeline failure* – неисправность трубопровода [19], выход трубопровода из строя [18]. Оба русскоязычных варианта на первый взгляд нам подходят, определенно требуется ориентироваться на контекст при переводе смысла предложения.

Стоит отметить, что большинство приведенных русскоязычных словосочетаний так или иначе относятся к техническим наукам и выбор того или иного варианта может заставить переводчика задуматься и ориентироваться исключительно на контекст и отрасль, в которой выполняется перевод. Теперь, вдаваясь в специфику и технические особенности трубопроводного транспорта, предложим перевод данного фрагмента англоязычного текста. *Однако с увеличением срока эксплуатации трубопроводов толщина стенки уменьшается, что в свою очередь влияет на вероятность возникновения аварий на объекте.*

На примере данного предложения можно заметить, что в первой его части для более корректной структуры изложения текста на русском языке использовано сочетание трансформации опущения и замены. Кроме данных типов трансформаций возможно использование и других, которые в чистом виде редко встречаются, чаще всего представляя различные сочетания и комбинации, при которых образуются трансформации смешанного типа. Но в любом случае при переводе нужно быть внимательным как к переводу каждого слова в отдельности, так и перевода смысла предложения в целом, что подтверждает необходимость наличия у переводчика определенного уровня знаний в сфере, в которой проводится анализ материала. С нашей точки зрения, опущение текста значительными фрагментами недопустимо, поскольку не учтенный текст может содержать важную информацию, особенно если рассматривается перевод проекта организации строительства, технического перевооружения объекта (например, пояснительная записка) либо важная техническая документация.

После вступительной части научной статьи, где описываются основные статистические данные, в хронологическом порядке приводится информация об основных законах, принятых ранее в сфере энергетической безопасности в Китае. Наименование одного из основных разделов статьи [17] – *Development of oil pipeline safety management in China* (раздел 2).

Для понимания общей информации, которую содержит раздел, выполним перевод его заголовка. Учитывая полисемантическую природу слова «*development*», в англо-русских словарях можно увидеть довольно много различных трактовок данной лексической единицы и в зависимости от конкретного случая требуется использовать тот или иной вариант. Кроме того, в зависимости от контекста и рассматриваемой отрасли переводчику требуется определить вариант предложенного словарем перевода. В случае с рассматриваемым словом «*development*» предлагаются следующие виды перевода [19]: разработка, развитие, возникновение, застройка, район строительства, событие, проявление (пленки). Вернемся к переводу данного слова после перевода важного словосочетания в рассматриваемом предложении, как «*safety management*». Перевод данных слов поочередно [19]: *безопасность, сохранность, защита, охрана, обеспечение безопасности, надежность, безопасный, защитный, предохранительный, страховочный; управление, руководство, менеджмент, регулирование, администрация, дирекция, управленческий, административный*. Комплексно, рассматривая перевод каждого слова в наименовании раздела, автором статьи было принято решение о его переводе следующим образом. *Развитие процесса управления безопасностью трубопроводного транспорта нефти в Китае*.

При переводе некоторых предложений по тексту, наименований подразделов 2.1 и 2.2, в частности, для того, чтобы более понятно был передан смысл исходного материала, нами при переводе были использованы трансформации добавления. Рассмотрим некоторые из них.

1. National policies and relevant laws (подраздел 2.1);
2. Local policies and regulations of each province (подраздел 2.2).

В обоих случаях нами была дополнена уточняющая информация в части конкретизации рассматриваемой промышленности и сферы исследования. Без данных дополнений, по нашему мнению, переведенные варианты будут носить более общий характер. Поскольку если перевести заголовок без данного уточнения, то раздел по умолчанию должен содержать значительно больше информации о законах и ведомственных нормативных документах, чем национальные системы безопасности в сфере энергетики и реформы, устанавливающие ответственность за несанкционированные действия на объектах критической инфраструктуры. Итак, учитывая вышеизложенное, перевод рассматриваемых предложений мы предлагаем выполнить следующим образом.

1. Национальная политика Китая и законодательство в области трубопроводного транспорта;
2. Законодательство в нефтегазовой сфере и локальные нормативные правовые акты провинций Китая.

Также хотелось бы обратить внимание читателя на англоязычный термин «fluid», который переводится в словаре технических терминов на русский язык как «жидкость» [7, с. 69, 15]. Данное слово по тексту статьи на английском языке можно встретить в нескольких местах статьи, в т.ч. в следующем контексте [17]:

1. «the *fluid* at the leaking point quickly losses»;
2. «the *fluid* on both sides of the leaking point»;
3. «method uses physical parameters such as *fluid* pressure»;
4. «the *fluid* has flow continuity».

С учетом специфики исследуемой отрасли и терминологии, комплексно рассматривая фрагмент текста, в частности, по тексту исследуемых разделов речь идет о методах контроля и обнаружения утечек. Далее предлагается перевод вышеприведенных англоязычных фрагментов текста.

1. *количество нефти*, вытекшей через отверстие, резко возрастает;
2. *транспортируемая среда* до и после места утечки (по ходу и против движения нефти);
3. в методе используется такая физическая величина как давление (*перевод термина fluid намеренно опущен*);
4. для *транспортируемой среды* характерна непрерывность потока.

Как видим, во всех вариантах перевода нами использованы синонимы предложенного словарем русскоязычного варианта. Перевод термина как «жидкость», на наш взгляд, в рассматриваемом тексте возможен, но не в каждом случае. Поскольку, во-первых, в качестве перекачиваемой среды (транспортируемой жидкости) в научной статье речь идет именно о нефти. Во-вторых, с целью замены слова и исключения повтора термина на русском языке в тексте следует использовать синонимы, близкие по смыслу и тематике перевода.

Стоит отметить, что текст оригинала англоязычной работы первоисточника [17] содержит ряд терминов, которые можно перевести на русский язык при помощи транскрипции, транслитерации и калькирования. Познакомимся с некоторыми такими примерами. Рассмотрим несколько используемых в тексте англоязычных слов в словарях и проследим за их переводом на русский язык:

1. «reform» – *реформа* [13], преобразование, реформирование [19],
2. «committee» – *комитет* [13], комиссия [19],
3. «system» – *система*, метод, устройство, организм [13], установка, сеть, устройство [18],
4. «risk» – *риск*, угроза [13], опасность, вероятность [19].

Теперь приведем примеры из текста, которые содержат вышеперечисленные англоязычные слова, а далее представим перевод соответствующих словосочетаний и выражений [17]:

1. «supply reforms» – *провести реформы*,
2. «standing committee of Zhejiang Provincial People's Congress» – *постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей*,
3. «video monitoring system» – *система видеонаблюдения*,
4. «to reduce the risk» – *снизить риск*.

В дополнение к обозначенным лексическим трансформациям хотелось бы отметить то, что при работе с научно-техническими текстами и при разработке их

переводов следует обращать внимание на соблюдение стилистики и четко придерживаться стиля изложения материала, не допуская искажение. Нарушение стилистики порой и не так критично при переводе общего смысла текста, но, тем не менее, читатель статьи может оценить специфику узконаправленного текста не в полном объеме доводимой до него информации. В заключительной части рассматриваемой статьи [17] обратим внимание на несколько таких предложений:

1. «*A large number of domestic and foreign scholars have studied and analyzed oil pipeline leakage monitoring methods...*». При переводе на русский язык такие слова, как «domestic» и «foreign» могут иметь варианты перевода, не характерные для терминологии нефтегазовой отрасли (домашний, бытовой; инородный, чужой, посторонний [19]). На наш взгляд, более корректно перевод должен выглядеть следующим образом – *Ученые из Китая и других стран провели ряд исследований и выполнили анализ способов и систем обнаружения утечек нефти.*
2. «*...but there are still many difficulties, such as high false alarm rate, high missing alarm rate, low positioning accuracy, and long response time*». В данном фрагменте текста содержится ряд специальных терминов и при переводе следует придерживаться стиля и специфики терминологии: «false alarm rate», «high missing alarm», «low positioning accuracy», «long response time». Мы бы предложили перевести данный фрагмент так – *однако все еще существует ряд аспектов, требующих доработки, такие как: большое количество ложных срабатываний и отсутствие сигналов, низкая точность определения сигнала утечки, длительное время отклика.*
3. «*Combined with the existing problems, we predict the development direction of oil pipeline leakage monitoring in the future*». В данном случае, учитывая различные значения перевода некоторых слов из предложения, следует верно изложить смысл, который хотел довести автор англоязычной статьи. Такие слова, как «combined», «development», «direction», в частности, могут быть переведены по-разному. Нами предлагается выполнить перевод следующим образом. *Учитывая ряд существующих проблемных вопросов, нами предлагается обозначить следующие перспективные направления развития в области контроля и обнаружения утечек нефти.*

И хотелось бы обратить внимание на одну из сложностей при переводе научно-технических текстов – различные аббревиатуры и всевозможные сокращения. Поскольку требования к ним, параметры различных государственных стандартов и документов в различных странах отличаются. Например, по тексту англоязычной статьи встречается аббревиатура SCADA (с английского – Supervisory Control And Data Acquisition). При переводе, на наш взгляд, требуется сохранить аббревиатуру, поскольку это имя собственное, а также добавить пояснение, чтобы читателю было понятно, о чем идет повествование. В контексте русскоязычного варианта предлагается использовать следующий перевод – *программный пакет по управлению и сбору данных SCADA*. При необходимости, можно было бы и дополнить деталями и подробностями программного пакета (предназначен для разработки и обеспечения работы в реальном времени систем сбора, обработки, отображения и архивирования информации) [16].

ВЫВОДЫ

В результате анализа англоязычной статьи и рассмотрении вариантов перевода терминологии нефтегазовой тематики следует заметить, для того чтобы перевод научно-технической литературы был адекватным и успешным, переводчику необходимо обладать достаточным лексическим запасом терминов из рассматриваемой области, навыками использования специальных словарей, знаниями специфических грамматических конструкций переводимого языка, и, одно из самых важных, необходимо ориентироваться в сфере исследуемого переводимого текста. Также к трудностям перевода стоит отнести внутриязыковую насыщенность грамматическими явлениями и необходимость понимания ключевых понятий общей теории текста, в частности, связностью. Ошибки и недочеты, которые могут встречаться в различных переводах текстов как общих, так и узкоспециализированных тематик, можно разделить на нормативные и смысловые, которые делятся на искажения и неточности. При выполнении перевода научно-технических текстов рекомендуется пользоваться источниками технической и лингвистической информации, поскольку процесс предполагает не только перевод с одного языка на другой, но и комплекс знаний, как лингвистических, так и узкоспециализированных [11, с. 53, 54].

Для более точного и корректного перевода при переводе автором данной статьи приходилось дополнительно обращаться к сайту Китайской трубопроводной компании, нормативным правовым актам Китая и описанию существующих способов контроля и обнаружения утечек нефти в мире и в Китае, в частности.

В заключение из анализа литературы и рассмотренных ранее переводов хотелось бы добавить, что многие переводческие неточности могут быть связаны не только с рассматриваемым текстом и его характеристиками, но и ошибочным подходом к самому процессу перевода [6]. К основным причинам ошибок на лексическом уровне следует отметить игнорирование контекста, как единой целой мысли и идеи исходного текста, отсутствие опыта перевода текстов узконаправленной специальности, невозможность переводчика отличить свободно используемые словосочетания от устойчивых выражений. Из основных ошибок перевода на синтаксическом уровне следует отметить неверное определение членов предложения и, соответственно, недопонимание основного смысла исходного текста и, как следствие владение приемами трансформаций не в полном объеме.

Список литературы

1. *Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории. – М.: Междунар. отношения, 2008. – 184 с.
2. *Алексеева Л. М.* Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект). Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2013. – 189 с.
3. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
4. *Гараева М. Р., Гиниятуллина А. Ю.* Переводческий анализ текста. Учебное пособие «Переводческий анализ текста. Translation analysis». – Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) федерального университета, 2016. – 94 с.
5. *Гредина И. В.* Перевод в научно-технической деятельности. Учебное пособие – Томск:

- Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 121 с.
6. *Коняева Л. Я.* О некоторых трудностях научно-технического перевода // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2015. – № 11. – С. 50–54.
  7. *Коркин В. Д., Табунициков Ю. А., Бродач М. М.* Англо-русский и русско-английский словарь – М.: «Авок-пресс», 2001. – 340 с.
  8. *Люткин И. Д.* Научно-технический перевод с русского языка на английский. Методическое пособие для переводчика-практика. – М.: Изд-во ВЦП, 1991. – 125 с.
  9. *Мишкуроев Э. Н.* Смысл перевода и перевод смыслов (социально-исторические, логико-философские и лингвокультурологические этюды) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2009. – № 4. – С. 56–74.
  10. *Реуцкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. – М.: Междунар. отношения, 1974. – 240 с.
  11. *Федорова Н. Ю., Ярмухамедова Ф. М.* Причины трудностей перевода научных текстов в магистратуре и аспирантуре // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 2 (38). – Режим доступа: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.19> – (Дата обращения: 14.12.2023).
  12. *Шимановская Л. А.* Переводческие исследования и их специфика // Вестник Казанского технологического университета. – 2010. – № 3. – С. 450–456.
  13. Dictionary.cambridge.org – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru> – (Дата обращения: 15.12.2023).
  14. Leak Detection – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Leak_detection – (Дата обращения: 13.01.2024).
  15. Ruscorgora.ru – Режим доступа: <https://ruscorporga.ru> – (Дата обращения: 15.12.2023).
  16. SKADA – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/SKADA> – (Дата обращения: 13.01.2024).
  17. *Tong Wu, et. al.* Oil pipeline leakage monitoring developments in China // Journal of Pipeline Science and Engineering. – 2023. – May, China. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667143323000215?ref=pdf_download&fr=RR-2&rr=84501cbab9fd9d63 – (Дата обращения: 13.01.2024).
  18. Translate.academic.ru – Режим доступа: <https://translate.academic.ru> – (Дата обращения: 16.12.2023).
  19. Translate.yandex.ru/dictionary – Режим доступа: <https://translate.yandex.ru/dictionary> – (Дата обращения: 16.12.2023).

References

1. *Alekseeva I. S.* *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [The text and translate. Questions of a theory]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2008. 184 p.
2. *Alekseeva L. M.* *Specifika nauchnogo perevoda (antropocentricheskij aspekt)*. Uchebnoe posobie [Specific of a scientific translate (an anthropocentric aspect): a training manual]. Perm', Permskij gosudarstvennyi nacional'nyi issledovatel'skij universitet Publ., 2013. 189 p.
3. *Barhudarov L. S.* *Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda)* [The language and translate (Questions of a general and private theory of translation)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1975. 240 p.
4. *Garaeva M. R.* *Perevodcheskij analiz teksta. Uchebnoe posobie «Perevodcheskij analiz teksta Translation analysis»* [Translation analysis of the text: a training manual]. Kazan', Kazanskij (Privolzhskij) federal'nij universitet Publ., 2016. 94 p.
5. *Gredina I. V.* *Perevod v nauchno-tehnicheskij dejatel'nosti. Uchebnoe posobie* [The translate in scientific and technical activities: a training manual]. Tomsk. Tomskij politehnicheskij universitet Publ., 2010. 121 p.

6. Konjaeva L. Ya. *O nekotoryh trudnostjakh nauchno-tehnicheskogo perevoda* [On some difficulties of scientific and technical translation]. *Perevod i sopostavitel'naja lingvistika*, 2015, no. 11, pp. 50–54.
7. Korkin V. D. Tabunshhikov Ju. A, Brodach M. M. *Anglo-russkij i russko-anglijskij slovar'* [English-Russian and Russian-English dictionary]. Moscow, Avok-press Pub., 2001. 340 p.
8. Lyutkin I. D. *Nauchno-tehnicheskij perevod s russkogo jazyka na anglijskij. Metodicheskoe posobie dlja perevodchika-praktika* [I. D. Lyutkin. The scientific and technical translate from English to Russian. The training manual for interpreter in practice]. Moscow, VCP Pub., 1991. 125 p.
9. Mishkurov Je. N. *Smysl perevoda i perevod smyslov (social'no-istoricheskie, logiko-filosofskie i lingvokul'turologicheskie jetjudy)* [A meaning of the translation and a translation of the meanings (social-historical, logical-philosophic, lingua-cultural sketches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. «Teorija perevoda»*, 2009, no. 4, pp. 56-74.
10. Recker Ya. I. *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* [Translation theory and practice]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1974. 240 p.
11. Fedorova N. Yu., Yarmuhamedova F. M. *Prichiny trudnostej perevoda nauchnyh tekstov v magistrature i aspiranture* [Reasons for the difficulties of translation of scientific texts in master's and postgraduate studies]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2023, no. 2 (38) – Available from: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.19> (accessed 14 December 2023).
12. Shimanovckaya L. A. *Perevodcheskie issledovanija i ih specifika* [Translational research and its specificity]. *Vestnik Kazanskogo universiteta*, 2010, no. 3, pp. 450–456.
13. Dictionary.cambridge.org. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed 15 December 2023).
14. Leak Detection. Available from: https://en.wikipedia.org/wiki/Leak_detection (accessed 13 January 2024).
15. Ruscorpora.ru. Available from: <https://ruscorpora.ru> (accessed 15 December 2023).
16. SKADA. Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/SKADA> (accessed 13 January 2024).
17. Tong Wu, et. al. Oil pipeline leakage monitoring developments in China. *Journal of Pipeline Science and Engineering*, 2023, May, China. Available from: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2667143323000215?ref=pdf_download&fr=RR-2&rr=84501cbab9fd9d63. (accessed 13 January 2024).
18. Translate.academic.ru. Available from: <https://translate.academic.ru> (accessed 16 December 2023).
19. Translate.yandex.ru/dictionary. Available from: <https://translate.yandex.ru/dictionary> (accessed 16 December 2023).

THE ARTICLE'S TRANSLATION IN OIL AND GAS SPHERE: THE PROBLEM OF TRANSLATION COMPLETENESS

Romashin M. G.

The article is devoted to specificity of scientific and technical literature and features that should be paid attention when this type of the texts is translated. As a result of the work, a review of the characteristics of the scientific article in English and its translation into Russian was performed. The study analyzed the English-language article, the difficulties of working with the highly specialized text, which the translator may face and features that should be paid attention to.

Key words: text analysis, scientific and technical style, translation, translation transformation, technical literature.

УДК 811.161

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Чабаненко Т. С.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: kostina-tatyana@mail.ru*

В статье показан пример рассуждений, позволяющих определить лексико-грамматический разряд существительных в тех случаях, когда он не очевиден. Существительные, называющие плоды, ягоды одноименных растений, типа «клубника», «смородина», «виноград» и под., в толковых словарях толкуются неоднозначно, многие из них имеют помету «собираательные». Мы уверены, что распределение существительных на лексико-грамматические разряды должно опираться в первую очередь на их семантику, описание которой до сих пор неоднозначно и неполно. Так, в определении и вещественных, и собираательных существительных используются понятия «целостность», «однородность», что мешает разграничению этих разрядов. Функционально же вещественные и собираательные существительные различаются: первые передают категории низшего уровня, из которых состоят все объекты окружающего мира, а вторые предназначены для обозначения категорий высшего уровня, объединение в которые происходит благодаря появлению некоторого важного нового признака. Это различие помогает однозначно определить лексико-грамматический разряд слов «клубника», «смородина», «виноград» и под. Подтверждается наш вывод анализом синтагматических и деривационных особенностей слов этой тематической группы. Употребительность или неупотребительность в формах единственного и множественного числа для вещественных и собираательных существительных различительным критерием служить не может.

Ключевые слова: лексико-грамматический разряд, вещественные существительные, собираательные существительные, семантика.

ВВЕДЕНИЕ

Лексико-грамматические разряды существительных играют важную роль в передаче информации о реальной действительности, в категоризации разного рода объектов. Их изучение ведется уже долгое время, однако до сих пор сопряжено с рядом трудностей. В частности, у ученых отсутствует общий взгляд на критерии разграничения лексико-грамматических разрядов и на саму систему лексико-грамматических разрядов имени существительного. В лингвистической литературе XX в., особенно в учебной, традиционно при распределении существительных на лексико-грамматические разряды основное внимание уделялось описанию их грамматических свойств, в первую очередь наличию или отсутствию полной числовой парадигмы, а также синтагматических возможностей (сочетаемость с количественными числительными, неопределенно-количественными словами, единицами меры и т. д.) и деривационных особенностей (труды А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. А. Реформатского и др.). Однако не следует забывать, что лексико-грамматические разряды – «это такие подклассы данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий» [15, с. 459], т. е. в первую очередь лексико-грамматический разряд выделяет на основании семантических особенностей некоторой группы слов.

В действительности ни для одного лексико-грамматического разряда приписываемые ему грамматические свойства не являются всеобъемлющими. Так, к конкретным существительным, традиционно имеющим формы единственного и множественного числа, принадлежат и некоторые существительные *pluralia tantum* (*ножницы, грабли, брюки*); ряд вещественных и абстрактных существительных, основным признаком которых считается неполная числовая парадигма, имеет формы единственного и множественного числа (*запах – запахи, сахар – сахара, чтение – чтения, свобода – свободы*); к собирательным существительным, обычно характеризующимся набором определенных суффиксов, с семантической точки зрения принадлежат некоторые непроеизводные слова *singularia tantum* (*мебель, посуда*); немало существительных, называющих отвлеченные действия, нематериальные сущности, что характерно абстрактным существительным, к примеру, слова *идея, путешествие, мысль* не только имеют формы единственного и множественного числа (*идея – идеи, путешествие – путешествия, мысль – мысли*), но и употребляются с количественными числительными (*одна идея, две мысли, три путешествия в год*). Таким образом, ни морфологические, ни деривационные, ни синтагматические признаки не являются достаточно регулярными, чтобы именно на них основывалось распределение имен существительных на лексико-грамматические разряды. Семантика же лексико-грамматических разрядов толкуется исследователями по-разному и, как правило, достаточно общо. Все это приводит к неодинаковому пониманию границ того или иного лексико-грамматического разряда. Так, обсуждается вопрос об отнесении слов *народ, полк, отряд, стая, стадо*, называющих определенную группу лиц или животных, объединенных по тому или иному признаку, к собирательным (на основании семантики) или конкретным (на основании грамматических особенностей: полной числовой парадигмы, сочетаемости с количественными числительными) существительным. Л. Л. Буланин и Л. Д. Чеснокова говорили о семантической близости к собирательным существительным *кудри, финансы, заросли, руины, развалины* [3; 19].

В ряде научных работ второй половины XX – начала XXI в. (например, Л. О. Чернейко, В. Ф. Васильевой, Н. К. Демьяненко, Л. В. Калининой, Р. П. Козловой) лексико-грамматические разряды существительных описываются с опорой на логико-философские категории, внимание акцентируется на смысловых признаках существительных. Так, Л. О. Чернейко разграничивает конкретные и абстрактные существительные по тому, как они обобщают явления действительности: конкретные существительные обобщают предметы действительности, которые сохраняют свой чувственный образ; абстрактные существительные обобщают стороны материальной действительности, объединенные только на уровне мысли [18].

Дополнительные трудности вызывает многозначность существительных и связанные с ней переходные явления внутри лексико-грамматических разрядов [10; 12]. Справедливо отмечается, что для многих существительных однозначно определить лексико-грамматический разряд не представляется возможным, необходимо рассматривать лексему в контексте.

Среди четырех традиционно выделяемых лексико-грамматических разрядов (конкретные, вещественные, собирательные, абстрактные) в первую очередь противопоставлены друг другу конкретные и абстрактные. Вещественные и собирательные рассматриваются как особые группы внутри конкретных существительных или же указывается их близость к конкретным существительным. В некоторых случаях, когда собирательность не выражается с помощью специальных суффиксов, однако предмет представляется как членимый, возникают трудности с разграничением вещественных и собирательных существительных. К таким словам относятся существительные, называющие растения, их плоды и ягоды, типа *орех, клубника, смородина, виноград* и под. **Цель** нашего исследования – определить, к какому лексико-грамматическому разряду стоит относить такие существительные, и показать ход рассуждений при определении лексико-грамматической природы существительных в спорных случаях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Группа существительных, называющих растения и их плоды, весьма обширна. Есть в русском языке случаи, когда растение и его плод имеют различное название, например, *яблоня – яблоко*. Однако намного чаще оба значения сосредоточены в одной лексеме: *альча, айва, вишня, груша, персик, слива, черешня, шелковица, голубика, ирга, клубника, клюква, малина, морошка, смородина* и пр.

Так как основным критерием распределения имен существительных на лексико-грамматические разряды мы считаем семантику, в первую очередь были рассмотрены словарные толкования существительных данной группы.

Обратившись к словарным дефинициям существительных, называющих растения и их плоды, можно увидеть, что у всех в толковании присутствует указание, что это некое растение (травянистое, кустарниковое, древовидное), а также ягоды этого растения. В одних словарных статьях название растения и название ягод растения объединены в одно лексическое значение: «КЛУБНИКА, -и; ж. Травянистое растение рода земляники сем. розоцветных; ягоды этого растения» [2]; «АЙВА, -ы; мн. нет; ж. [тюрк. *aıva*]. Южное плодородное дерево семейства розоцветных с ароматными жёлтыми, кисло-терпкими плодами, похожими по форме на яблоко или грушу; плод такого дерева. **собир.** Плоды этого дерева. *Варенье из айвы*» [2]. В других словарных статьях они рассматриваются как оттенки одного лексического значения: «ЗЕМЛЯНИКА, -и; ж. Многолетнее травянистое растение сем. розоцветных, с белыми цветами, дающее душистые плоды розовато-красного цвета. 3. пускает усики. Лесная з. Садовая з. Урожайный сорт земляники. // **собир.** Ягоды этого растения» [2]; «ГРУША, -и; ж. 1. Фруктовое дерево семейства розоцветных с крупными сладкими плодами в виде округлого конуса. *Груша-дюшес* (зимний, осенний сорт груши). // Плоды этого дерева. *Мягкая, сочная г. Деревянная, дубовая г.* (очень крепкая). **собир.** *Повидло из груши*» [2]. Также есть примеры, когда название растения и название его ягод составляют разные значения многозначного слова: «ВИНОГРАД, -а (-у); м. 1. Вьющееся теплолюбивое кустарниковое растение с гроздьями крупных сочных ягод, употребляемых в пищу или используемых для приготовления вина, соков, изюма и т. п. 2. **собир.** Ягоды этого растения» [2];

«СЛИВА, -ы; ж. 1. Плодовое дерево или кустарник семейства розоцветных. *Посадить сливу. Вырастить сливу. Дикая с. Домашняя с. Жёлтая с. Уссурийская с. Китайская с. Ранняя с. Зимостойкая с. С. засохла. Сливы хорошо цветут.* 2. Плод этого дерева, кустарника лилового, жёлтого и др. цвета с крупной косточкой. *Сорвать сливу. Съесть сливу. Сладкие сливы. Зелёные сливы. Мелкие сливы. **собир.** Сушить сливу. Маринованная с. Варенье из сливы. Компот из сливы.»* [1] В одних случаях (чаще всего) для обозначения ягод растения имеется помета «собир.», в других ее нет: «МАЛИНА, -ы; ж. 1. Кустарниковое ягодное растение сем. розоцветных с душистыми сладкими ягодами обычно красного цвета. // Ягоды этого растения» [2]. Как видим, в толковании этих явно однородных понятий прослеживается непоследовательность, лексикографическое описание таких существительных требует пересмотра.

Посмотрим, как дается лексикографическое описание этих существительных в других словарях. Например, в МАС чаще всего название и растения и его плодов представлены как разные лексические значения: «АЙВА, -ы, ж. 1. Южное плодовое дерево сем. розоцветных. 2. Плод этого дерева, похожий по форме на яблоко или грушу. *Вы знаете айву? Это что-то вроде крепкого, кисловатого яблока с терпкостью, от которой вяжет во рту.* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». | *в знач. собир. Варенье из айвы»* [16, т. 1, с. 27]; «ВИНОГРАД, -а (-у); м. 1. Вьющееся плодовое кустарниковое растение. 2. **собир.** Ягоды этого растения» [16, т. 1, с. 176]. Но и в этом словаре такой подход реализуется не для всех лексем этой группы, например: «ШЕЛКОВИЦА, -ы, ж. Южное дерево сем. тутовых, со съедобными плодами, листьями которого выкармливают гусениц тутового шелкопряда, тут², тутовое дерево <...> || **собир.** Плоды этого дерева» [16, т. 4, с. 708]. Более последовательно в МАС дается и помета «собираемое»: как правило, для травянистых и кустарниковых растений она сопровождает второе лексическое значение (плод, ягода), а для древесных вынесена ко второму значению как особенность употребления слова (за знаком |) и сопровождается примером словосочетания с существительными варенье или компот.

Так как мыслительный образ смородины, малины и т. п. как кустарника с ветками, листьями, ягодами и смородины, малины и т. п. как множества ягод, обычно спелых и собранных, т. е. отделенных от материнского растения, существенно различаются, считаем необходимым рассматривать все эти существительные как многозначные и относить к тому или иному лексико-грамматического разряду не лексему в целом, а каждое лексическое значение в отдельности.

Рассмотрим те случаи, когда существительные *клубника, смородина, виноград* и под. называют ягоды растения. Часто именно эти значения сопровождаются в толковом словаре пометой «собир.», то есть существительные в этом значении считаются собираемыми.

Семантика собираемых существительных определяется исследователями не одинаково. В «Русской грамматике» указано, что собираемые слова называют «совокупность однородных предметов» [15, с. 461]. В других работах делается акцент на целостность группы предметов, обозначаемых собираемыми существительными. Например, А. Н. Гвоздев отмечает, что «значение категории

собираемости заключается в том, что группа предметов представляется как единое целое» [5, с. 143]. А. Н. Тихонов также обращает внимание на неделимость множества, названного собирательным существительным: «Собирательные существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое» [17, с. 103]. Однако понятие целостности при определении собирательных существительных требует уточнения, ибо «за собирательным именем всегда стоит некоторый ряд дискретных предметов, которые по крайней мере потенциально доступны пересчету» [11, с. 473]. Р. П. Козлова отмечает, что «языковое сознание, фиксируя слова названной лексико-семантической группы в целом, напрямую соотносит каждый концепт ее с конкретными существительными» [9, с. 26]. В то же время исследовательница отмечает, что соотношение это носит нерегулярный характер, что подтверждается существованием, с одной стороны, таких слов, как *хлам, мусор, утиль*, а с другой стороны, слов *смородина, крыжовник, вишня* и под.

Для собирательных существительных важна не столько количественная, сколько качественная сторона, т. е. однородность совокупности предметов. О качественной стороне в значении собирательных существительных говорил еще А. А. Потебня: переход качественности в собираемость происходит в тех случаях, когда «качество, понимаемое как *особь* (лицо), принадлежащая другой особи, служит символом многих обладающих этим качеством» [13, с. 36]. Идеи однородности и безразличия к количественной составляющей отражены в определении В. И. Дяттерева: «Собираемость – совокупное множество однородных предметов, мыслимое материально, безотносительно к его количественному содержанию» [7, с. 65]. В то же время степень однородности лиц или предметов, называемых теми или иными собирательными существительными (*мошкара, листва, братва* – с одной стороны, *мебель, посуда* – с другой), различается.

Дополняет определение собирательных существительных Л. В. Калинина: «собираемые имена используются при необходимости назвать только такую *совокупность предметов, которая приобретает новое качество* по сравнению как с отдельным предметом, так и с раздельным множеством этого класса» [8, с. 64]. Так, *пять шкафов* – это еще не мебель; *молодежь* – не просто совокупность молодых людей, это группа лиц, имеющих специфические социальные и психологические черты. Т. е. собирательные существительные необходимы человеку для того, чтобы отличить один класс объектов от другого, чтобы подчеркнуть тот признак, который является объединяющим для совокупности. Это приводит к тому, что только собирательные существительные всецело представлены существительными вышестоящих категорий, теми, которые называют классы, состоящие из некоторых членов класса (нижестоящая категория). При этом сама нижестоящая категория не обязательно должна быть представлена однокоренными словами. Так, по отношению к собирательному существительному *мебель* членами класса являются *стол, шкаф, парта, кровать, стул* и др. имена.

Существительные *клубника, смородина, виноград* и под. в значении «ягоды растения» действительно называют определенное множество однородных предметов (ягод), т. е., исходя из толкования семантики собирательных существительных,

данного в «Русской грамматике», могут быть отнесены к собирательным. Однако разве мы можем назвать то новое качество, которое должно быть присуще собирательному существительному в сравнении с отдельным предметом (одной ягодой) или множеством этого класса? Разве мы мыслим *клубнику, смородину, виноград* и под. вне зависимости от их количественного содержания? Разве они представляют собой неделимое целое? Очевидно, нет. *Клубнику, смородину, виноград* и под. можно (и именно так регулярно происходит) делить на горсти, измерять стаканчиками, мисками, килограммами, ящиками и т. д., при этом они не перестают быть *клубникой, смородиной, виноградом* соответственно: *Взял я горсть малины, и впрямь показалось, что яблоками пахнет* (А. А. Ливеровский); *Она подавала раненым судно, уговаривала их пить кипяченую воду, стирала мокрой тряпкой пыль, опраивала постели, на стоянке, по просьбе раненых, сбегала на станцию и купила ведро малины* (В. Ф. Панова); *А та нарвала пригоршню красной смородины, потчует* (И. С. Шмелев); *На столе целая груда чищенной клубники, печенье, масло, сливки и окорок ветчины* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Я купил пять плиток и кило винограду* (Д. А. Гранин); *Солдаты, встречая арбу, просили у казачек винограда, и казачка, на ходу влезая на арбу, брала оханку винограда и сыпала ее в полу солдата* (Л. Н. Толстой). Как знаем, собирательным существительным это не характерно. Мы можем сочетать собирательные существительные с наречиями *много-мало (много мебели, мало молодежи)*, но не с единицами меры.

Возможность разделить на части, измерить характеризует не собирательные, а вещественные существительные: *килограмм пшеницы, литр масла, тонна цемента, горсть муки* и пр. Таким образом, по синтагматическим особенностям существительные типа *клубника, смородина, виноград, груша* уподобляются вещественным существительным. Однако, как мы говорили, определяющим для отнесения лексемы к тому или иному лексико-грамматическому разряду мы считаем не грамматические или деривационные особенности, а семантический критерий. Поэтому рассмотрим, что обозначают вещественные существительные.

В «Русской грамматике» вещественные существительные характеризуются путем перечисления тематических групп: «Существительные вещественные называют вещества: пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), виды тканей (*бархат, ситец*), ископаемые, металлы (*железо, уголь, олово, сталь, изумруд, яшма*), химические элементы, лекарства (*уран, пирамидон, аспирин*), сельскохозяйственные культуры (*овес, картофель, пшеница*) и другие однородные делимые массы» [15, с. 462]. По мнению А. Н. Гвоздева, вещественные существительные распадаются на две группы: «Категория вещественности включает имена существительные, обозначающие сплошные, не распадающиеся на отдельные экземпляры вещества. <...> К вещественным относятся обозначения и тех сыпучих веществ, которые состоят из мелких частиц, счет которых в быту не находит применения» [5, с. 143]. Дополняет характеристику вещественных существительных указанием на их синтагматические возможности А. Н. Тихонов: вещественные существительные «обозначают однородные по составу вещества (однородную массу чего-либо), материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно измерять (но не считать)» [17, с. 102]. Как видим, в толковании

семантики и вещественных, и собирательных существительных присутствуют понятия однородности, целостности, что и приводит к трудностям в разграничении собирательных и вещественных существительных. По мнению Л. В. Калининой, «вещественные существительные обозначают *то, из чего изначально состоит или создается объект (его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования*»; «большая часть вещественных существительных называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека» [8, с. 63]. Такое определение вещественных существительных через их функцию положительно выделяется на фоне других тем, что не имеет ничего общего с определением собирательных существительных. *Земляника, смородина, виноград* и под., будучи продуктами питания, несомненно, важны для продления бытия человека, они же могут выступать как основа для других продуктов питания: варенье, джем, компот и т. д. (последние являются вещественными существительными). Таким образом, с семантической точки зрения существительные *клубника, смородина, виноград* и под., обозначающие ягоды растений, являются вещественными, а не собирательными существительными.

Проанализировав семантические особенности исследуемых существительных, необходимо обратить внимание на их грамматические и синтагматические характеристики. И вещественные, и собирательные существительные включают в себя в основном неизменяемые по числам, имеющие только формы единственного числа существительные (*singularia tantum*), реже – только формы множественного числа (*pluralia tantum*): *золото, цемент, мука, телятина аспирин, рожь* – вещественные существительные *singularia tantum*; *детвора, воронье, молодежь, родня, дичь, сор* – собирательные существительные *singularia tantum*. И те, и другие в большинстве своем не могут сочетаться с количественными числительными. Поэтому данные критерии не могут быть использованы для уточнения лексико-грамматического разряда существительных типа *клубника, смородина, виноград* и под.

Вещественные существительные, в отличие от собирательных, сочетаются с единицами меры: как бы мы ни делили вещество, каждая его часть сохраняет качество целого, что отличает вещественные существительные и от конкретных, и от собирательных. *Клубника, смородина, виноград* и под. как множество ягод представляют собой то, что даже при делении на мелкие части (вплоть до одной ягоды или даже половины, четверти ягоды) будет сохранять те же свойства (цвет, вкус, запах и проч.), что и множество ягод. *Клубнику, смородину, виноград* можно измерить с помощью единиц меры, что показывают приведенные выше примеры, но нельзя посчитать: сами существительные *клубника, смородина, виноград* и под. не сочетаются с количественными числительными, с ними может сочетаться только слово *ягода* в словосочетаниях *ягода клубники, ягода смородины, ягода винограда*. То есть синтагматически слова *клубника, смородина, виноград* и под. ведут себя как вещественные.

Особо следует сказать о других существительных, называющих растения и их плоды, а именно о тех, которые называют плоды деревьев: *груша, персик, слива* и т. д.

С точки зрения грамматических и синтагматических свойств они мало чем отличаются от конкретных существительных. Эти слова имеют полную числовую парадигму: *Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялися, а спелые плоды, груши, персики и наливные яблочки сами в рот лезли* (С. Аксаков); *Его за это велели высечь крыжовником, а он испугался и сказал, что будто в самом деле он съел сливы* (Н. Лесков). Они могут сочетаться с количественными числительными: *Три груши погнили, а семь штук Тардифф купил в Петербурге за семьсот рублей* (Ю. Тынянов); *Оставшиеся восемь персиков вымыли* (А. Арканов); *Мало ли что можно на него купить: два пирожка с вареньем, кусок халвы, стакан малинового кваса, десять слив, целое яблоко, словом, без конца...* (А. Куприн). В то же время они сочетаются с единицами меры: *Мы купили три килограмма слив; Для приготовления пирога понадобится 400 грамм персиков*. В обыденной жизни мы едва ли не чаще используем сочетание таких существительных с единицами меры, нежели указываем на отдельные, считанные плоды. В то же время конкретные существительные с единицами меры чаще всего не сочетаются: **пять килограмм столов, *шестьсот грамм чашек, *килограмм учеников*.

Собирательные существительные характеризуются возможностью входить в тройственный ряд с однокоренными конкретными существительными: *студенчество – студент – студенты, орешник – орех – орехи, мошкара – мошка – мошки*. Существительные типа *виноград* также образуют тройственный ряд: *виноград – виноградина – виноградины*. В разговорной речи большее количество существительных образует производные единичные: *земляника – земляничина – земляничины, клубника – клубничина – клубничины*. Для некоторых исследователей, в частности для А. А. Реформатского, собирательными существительными являются только те, которые стоят в вершине треугольника, соотносящего собирательное с однокоренным конкретным существительным, имеющим формы единственного и множественного числа: *зверье – зверь – звери* [14, с. 393–394]. При таком узком понимании к собирательным не принадлежат слова типа *мебель, посуда, хлам, рухлядь, дичь*. Зато, если считать вхождение в тройственный ряд достаточным для определения существительного именно как собирательного, должны быть признаны собирательными не только *виноград*, но и *снег* (снежинка – снежинки), *песок* (песчинка – песчинки), *пух* (пушинка – пушинки), *шерсть* (шерстинка – шерстинки), *крупа* (крупинка – крупинки) и многие другие существительные, традиционно относимые к вещественным. Это, конечно, нелогично, потому что главным критерием определения лексико-грамматического разряда существительного является его семантика. Видимо, в данном случае речь идет либо о тройственном ряде иного характера (существительные с суффиксом *-инк-* ряд исследователей выделяет в особый разряд единичных существительных, в то время как слова *зверье, студенчество, профессура* и под. образуют тройственный ряд с конкретными существительными без суффиксов со значением единичности), либо о том, что не только собирательные, но и некоторые вещественные существительные могут входить в тройственный ряд.

ВЫВОДЫ

Определение лексико-грамматического разряда существительного должно опираться на семантический критерий. Именно он является ведущим. Описание семантики лексико-грамматических разрядов существительных в учебниках и грамматиках требует уточнения. Вещественные и собирательные существительные нередко характеризуются с помощью схожих понятий: однородный, целый. Это вызывает трудности в разграничении данных групп. Соглашаясь с Л. В. Калининой, считаем, что вещественные существительные называют те материальные объекты разной природы, которые обеспечивают бытие человека, они ценны как единый, цельный объект, который в то же время может быть поделен на части в соответствии с потребностями того, кто его использует. Использование вещества предполагает, предопределяет его деление на части, каждая из которых является равнозначным представителем этого вещества. Собирательные существительные называют совокупность лиц, предметов, которые, будучи составными элементами этого объединения, обладают неким особым, значимым для этого объединения, качеством. Совокупность существует как целое, деление ее на части не имеет смысла, в таком случае каждая из частей либо перестает быть совокупностью, либо приобретает новое свойство по сравнению с первой совокупностью.

Лексико-грамматический разряд существительных *клубника, смородина, виноград* и под., называющих растения и плоды этих растений, следует определять на уровне лексического значения, которых у данных существительных не менее двух: растения и плод этого растения. В первом лексическом значении такие существительные относятся к типичным конкретным существительным. В значении «ягоды, плоды растений» целесообразно относить их к вещественным существительным, так как они называют продукты питания и то, из чего можно в дальнейшем изготовить другие продукты питания. Множество, образуемое ягодами *клубники, смородины, винограда*, делимо на части (что подтверждается возможностью этих существительных сочетаться с единицами меры), оно не приобретает нового качества по сравнению с отдельными единицами этой совокупности, напротив, каждая часть такой совокупности сама по себе представляет ту же совокупность, но иного размера. Таким образом, не только семантические, но и синтагматические особенности указывают на место этих существительных среди вещественных. Традиционная лексикографическая практика сопровождения таких слов, значений и оттенков значений пометой «собир.» ошибочна и вводит в заблуждение носителей языка.

В дальнейшем актуально рассмотреть особенности тройственных рядов, образуемых с участием вещественных и собирательных существительных. Также особый интерес для исследования представляют существительные типа *груша, слива* и др. в значении «плоды деревьев». Они сочетаются, с одной стороны, с единицами меры, с другой стороны, с количественными числительными. Возможно, в разных коммуникативных ситуациях носители языка могут осознавать их и как количественные, и как вещественные.

Список литературы

1. Белов В. А. Семантические свойства имен существительных различных лексико-грамматических разрядов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 38–48.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. С-Пб.: Норинт, 1998. – 1534 с. Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения 26.02.2024).
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение. – 1976. – 208 с.
4. Вольская Ю. А. Морфологический критерий разграничения абстрактных и конкретных существительных: экспериментальный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163. – кн. 1. – С. 119–129.
5. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: В 3 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. – К.: Вища школа, 1979. – 280 с.
6. Демьяненко Н. К. Лексико-грамматические разряды имен существительных в современном русском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. –Днепропетровск, 1972. – 14 с.
7. Дяттерев В. И. Категория числа в славянских языках. – Р.-н-Д.: Южный федеральный университет, 2014. – 344 с.
8. Калинина Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 55–70.
9. Козлова Р. П. Лексико-грамматические разряды имен существительных в когнитивном аспекте // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1999. – № 1 (13). – С. 23–29.
10. Лантева М. Л., Лукина Н. В. Комбинаторика лексико-грамматических разрядов имен существительных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 27–37.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. Орлова С. Л. Переходные явления в системе лексико-грамматических разрядов имени существительного в русском языке // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 2070–2073.
13. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
14. Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. – М.–Л.: АН СССР, 1960. – С. 384–401.
15. Русская грамматика: В 2 тт. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
16. Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 1: А – Й. – 1985. – 696 с. – Т. 2: К – О. – 1986. – 736 с. – Т. 3: П – Р. – 1987. – 752 с. – Т. 4: С – Я. – 1988. – 800 с.
17. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
18. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 272 с.
19. Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высшая школа, 1991. – 191 с.

References

1. Belov V. A. Semanticheskie svojstva imen sushhestvitel'nyh razlichnyh leksiko-grammaticeskikh razrjadov [Semantic properties of nouns of various lexical-grammatical categories]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 38–48.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1534 p. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed 26 February 2024).
3. Bulanin L. L. Trudnye voprosy morfologii [Difficult questions of morphology]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1976. 208 p.
4. Vol'skaja Ju. A. Morfologicheskij kriterij razgranichenija abstraktnyh i konkretnyh sushhestvitel'nyh: jeksperimental'nyj podhod [Morphological criterion for distinguishing abstract and concrete nouns: an experimental approach]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki, 2021, vol. 163, b. 1, pp. 119–129.
5. Gvozdev A. N. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: v 3 ch. Ch. 2. Morfologija. Sintaksis. Puntuacija [Modern Russian literary language in 2 parts. P. 2. Morphology. The syntax. Punctuation]. Kiev, Vishha shkola Publ., 1979. 280 p.
6. Dem'janenko N. K. Leksiko-grammaticeskie razrjady imen sushhestvitel'nyh v sovremennom russkom jazyke: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk [Lexical-grammatical categories of nouns in modern Russian]. Dnepropetrovsk, 1972. 14 p.
7. Djagterev V. I. Kategorija chisla v slavjanskih jazykah [The category of number in Slavic languages]. Rostov-on-Don, Juzhnyj federal'nyj universitet Publ., 2014. 344 p.
8. Kalinina L. V. K voprosu o kriterijah vydelenija i otlichitel'nyh primetah leksiko-grammaticeskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh [On the issue of criteria for the allocation and distinctive signs of lexical-grammatical categories of nouns]. Voprosy jazykoznanija, 2007, no. 3, pp. 55–70.
9. Kozlova R. P. Leksiko-grammaticeskie razrjady imen sushhestvitel'nyh v kognitivnom aspekte [Lexico-grammatical classes of nouns in the cognitive aspect]. Vestnik tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki, 1999, no. 1 (13), pp. 23–29.
10. Laptjeva M. L., Lukina N. V. Kombinatorika leksiko-grammaticeskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh v russkom jazyke [Combinatorics of lexical-grammatical categories of nouns in the Russian language]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 27–37.
11. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1990. 685 p.
12. Orlova S. L. Perehodnye javlenija v sisteme leksiko-grammaticeskikh razrjadov imeni sushhestvitel'nogo v russkom jazyke [Transitional phenomena in the system of lexical-grammatical categories of a noun in the Russian language]. Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovanija, nauki i kul'tury. Materialy vsersijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2016, pp. 2070–2073.
13. Potbnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. III. Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo [From notes on Russian grammar. Vol. 3. About changing the meaning and substitutions of the noun]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1968. 551 p.
14. Reformatskij A. A. Chislo i grammatika [Number and grammar]. Voprosy grammatiki. Sbornik statej k 75 letiju akademika I. I. Meshhaninova. Moscow–Leningrad, AN SSSR Publ., 1960, pp. 384–401.
15. Russkaja grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija [Russian grammar in 2 volumes. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.

16. Slovar' russkogo jazyka: V 4 tt. Ed. by A. P. Evgen'evoj. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985–1988, vol.: 1. (A – J), 1985, 696 p.; vol.: 2. (K – O), 1986, 736 p.; vol.: 3. (P – R), 1987, 752 p.; vol.: 4. (S – Ja), 1988. 800 p.
17. Sovremennyj russkij jazyk: v 3 ch. Ch. 2. Slovoobrazovanie. Morfologija [Modern Russian language: At 3 p. P. 2. Word formation. Morphology]. Ed. by N. M. Shanskij, A. N. Tihonov. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1981. 270 p.
18. Chernejko L. O. Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2010. 272 p.
19. Chesnokova L. D. Russkij jazyk. Trudnye sluchai morfologicheskogo rasbora [Russian language. Difficult cases of morphological analysis]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1991. 191 p.

**COLLECTIVE OR MATERIAL:
ON THE PROBLEM OF DETERMINING
THE LEXICAL-GRAMMATICAL CATEGORY OF SOME NOUNS**

Chabanenko T. S.

The article shows an example of reasoning that makes it possible to determine the lexical-grammatical category of nouns in cases where it is not obvious. The nouns naming fruits and berries of plants which have the same name, such as "strawberry", "currant", "grape" and similar, are interpreted ambiguously in explanatory dictionaries, many of them are marked "collective". We are sure that the distribution of nouns into lexical- grammatical categories should be based primarily on their semantics, the description of which is still ambiguous and incomplete. Thus, in the definition of both material and collective nouns, the concepts of "integrity" and "uniformity" are used, which prevents the differentiation of these categories. Functionally, material and collective nouns differ. The former convey the categories of the lowest level, which comprise all objects of the surrounding world, and the latter are intended to denote categories of a higher level, which are combined due to the appearance of some important new feature. This difference helps to unambiguously define the lexical-grammatical category of the words "strawberry", "currant", "grape" and similar. Our conclusion is confirmed by an analysis of the syntagmatic and derivational features of the words of this thematic group. The use or disuse in singular and plural forms cannot serve as a distinguishing criterion for material and collective nouns.

Keywords: lexical-grammatical category, material nouns, collective nouns, semantics.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070:654.195

КРЫМСКИЙ РАДИОЭФИР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Первых Д. К.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: dianavasileva@yandex.ru*

Статья формирует представление о работе радио на территории Крыма в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Исследование посвящено работе Крымского радиокomiteта, крымскотатарской редакции при Всесоюзном радио, севастопольского радиоузла, а также характеризует организацию немецкого пропагандистского радиовещания в оккупированном Крыму. В публикации раскрываются техническая сторона работы радио, а также тематическая составляющая радиовещания. Во время Великой Отечественной войны потенциал советского аудиального воздействия был направлен на нужды обороны и использовался с максимальной эффективностью, выполняя ряд задач: информировал, возбуждал ненависть к врагу, призывал к борьбе с ним, а также настраивал на Победу. Возможности немецко-фашистского радиовещания были высоки, но, как показало исследование, так и не позволили добиться планируемого воздействия на местное население. В работе использованы документы из фондов «Государственного архива Республики Крым».

Ключевые слова: Крымский радиокomiteт, Всесоюзное радио, аудиопропаганда, немецкое радио в Крыму, радиоузел Севастополя.

ВВЕДЕНИЕ

История крымской журналистики, в частности, история создания крымского радио, его работы в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы изучена далеко не полностью. Закономерно, что первостепенный исследовательский интерес привлекает история общегосударственных средств массовой информации. Так, благодаря сборнику «Радио в годы Великой Отечественной войны» [10], мы сегодня многое знаем о работе Всесоюзного радиокomiteта. Однако важность истории региональных СМИ также нельзя недооценивать. И дело не только в актуальной научной тенденции, которая проявляется в особенно пристальном внимании к проблемам филологической регионалистики [1, с. 5–8]. Как минимум два фактора современной исторической ситуации должны мотивировать нас к тщательному описанию и анализу фактов, характеризующих судьбу «местных СМИ».

Во-первых, это громко заявивший о себе в последнее время феномен «переписывания истории», под которым понимаются случаи, «когда исторические знания не детализируются или расширяются, а сознательно деформируются путем подтасовки исторических фактов или подмены этих фактов вымыслом» [7, с. 164]. Чем менее тот или иной «фрагмент» истории известен нам с позиций строгой науки, тем в большей степени он подвержен попыткам «переписывания»

недобросовестными авторами. И в этом отношении история крымского радио эпохи Великой Отечественной войны остается для нас «слабым местом», требующим особой исследовательской заботы.

Во-вторых, это набирающая обороты «информационная война», активизировавшая не только поиск моментальных тактических решений, но и осознаннее стратегии, которое должно происходить с учетом богатого опыта, накопленного журналистами прежних поколений. И здесь важен местный материал: в разных регионах специфика условий программировала поиск разных методов «информационного сопротивления» и контрпропаганды.

История крымских СМИ эпохи Великой Отечественной войны в целом изучена недостаточно. И все же у нас есть серьезные работы на эту тему, например, посвященные этнической прессе [16] или деятельности газеты «Красный Крым» (с 1952 г. – «Крымской правды») [8; 17]. Этим исследованиям способствует сам характер материала – газетные экземпляры хранятся долго, и по ним можно отчасти реконструировать историю издания (например, деятельность газеты «Красный Крым» в период с 1941 по 1945 г. описана в журналистских статьях корреспондента «Крымской правды» Н. Ю. Пупковой). Что же касается радио, то его эфиры остаются лишь в памяти слушателей, а стало быть, ресурс необходимой нам информации сильно ограничен.

Важным историческим источником могли бы послужить местные архивные материалы, но в Государственном архиве Республики Крым по понятным причинам нет документов о работе крымской редакции Всесоюзного радио в период оккупации Крыма 1941–1944 гг. Удастся найти лишь редкие послеоккупационные документы, которые проливают свет на события военных лет. Какие-то факты из истории крымского радио эпохи оккупации находим в трудах наших историков (О. В. Романько, А. А. Кохана), однако и эти сведения фрагментарны.

Но даже при такой скудости материалов **цель статьи** – хотя бы пунктирно описать историю крымского радио эпохи Великой Отечественной войны, поскольку для дальнейшей разработки темы этот очерк сможет послужить своеобразным каркасом, который будет дополняться и корректироваться вновь обнаруживаемыми фактами.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Итак, послеоккупационные документы из Крымского архива позволяют заключить, что во время Великой Отечественной войны крымская редакция Всесоюзного радио какое-то время пребывала в Краснодаре [2, ед. хр. 1, л. 8], куда также была эвакуирована и газета «Красный Крым». Зная историю эвакуации газеты «Красный Крым» (в конце октября 1941 г. переехала в Севастополь, в апреле 1942 г. – в Керчь, в мае 1942 г. – в Новороссийск, оттуда – в Краснодар, а в августе 1942 г. – в Сочи [17, с. 99]), можно предположить, что у крымской радиоредакции путь эвакуации был приблизительно таким же. Исключение могла составлять Керчь, так как газета выпускалась в Аджимушкайских каменоломнях, а для радио выход в эфир из-под земли и каменной толщи был, думается, невозможен.

О работе крымской редакции в Краснодаре свидетельствует пока один обнаруженный нами документ – постановление Совета народных комиссаров Крымской АССР от 30 июня 1944 г. «О штатах и фонде зарплаты административно-управленческого аппарата Крымского радиокомитета на 1944 г.» за подписью зампреда СНК Крымской АССР Л. Ямпольского. В постановлении предлагается взамен штатного расписания, утвержденного комиссией 30 марта с. г. с учетом объема работ Крымского радиокомитета в г. *Краснодаре* (курсив мой. – Д. П.), утвердить штат комитета в количестве 9 единиц с месячным фондом зарплаты в сумме 3756 р.» [2, ед. хр. 1, л. 8].

Между тем из архивных документов следует, что штат Крымского радиокомитета на конец мая 1944 г. сохранялся довольно большим и насчитывал 32 единицы, из них: административно-управленческий персонал – 6 ед., производственно-редакторский персонал – 5 ед. (зампред – он же начальник отдела политического вещания с окладом 960 р., главный редактор пропаганды и агитации – 700 р., ответственный редактор «Последних известий» – 600 р., литературный редактор – 500 р. и организатор корреспондентской сети – 450 р.), отдел художественного радиовещания – 3 чел. (начальник отдела – 800 р., ответственный редактор – 700 р., ответственный редактор детского радиовещания – 600 р.), сектор выпуска – 3 чел., отдел местного радиовещания – 2 чел., технический отдел – 2 чел., обслуживающий персонал – 7 чел., радиоабонементная инспекция – 3 чел. [2, ед. хр. 1, л. 5]. Других архивных материалов, раскрывающих путь эвакуации радио и состояние штата, пока не найдено. Поиски продолжаются.

В Симферополе в начале оккупации в зданиях радиокомитета по ул. Караимской д. 6 (ныне – ул. Пролетарская; здание караимских кенасс) и по ул. Фонтанной д. 5 (ныне – ул. Сергеева-Ценского) оставалось имущество и аппаратура. В ГАРК в Деле об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками, сохранились свидетельские показания очевидцев от 25 мая 1944 г. о неоправданном варварстве немцев: «10 ноября 1941 г. вражеские воинские части заняли здание, занимаемое Радиокомитетом по ул. Фонтанной дом 5. По распоряжению своего командира, офицера в чине майора, собрали все имущество, вынесли во двор и начали рубить на топку печей; оборудование, радиоаппаратуру и материалы частью уничтожили на месте, а остальную, более ценную – вывезли. Все грампластинки разбили вдребезги и радиотонфильмы и фонограммы полностью уничтожили. В студии по Караимской № 6 была библиотека: литературная, нотная и техническая, сожгли во дворе студии, музыкальные и клавишные инструменты, ценные ковры вывезли. Вся обстановка в трех студиях была разбита и употреблена на топливо. Стоимость уничтоженного, разрушенного, разграбленного и поврежденного имущества в денежном выражении в сумме 766 993, 60 руб.» [2, ед. хр. 1, л. 4]. В здании караимских кенасс в годы оккупации немцы устроили конюшни.

В Севастополе радиоузел в первый год войны не прекращал работу, его вместе с сотрудниками перевели в подвал католического храма на пл. адмирала Ф. Ф. Ушакова. Возглавляемый А. А. Щербаком узел радиофикации регулярно передавал сводки «Совинформбюро», обращения к жителям и призывы командования, передовые статьи центральных и местных газет. На предприятиях, в

воинских частях и госпиталях, в убежищах и штольнях громкоговорители не выключались. Радио служило, прежде всего, оперативной системой оповещения о воздушных налетах, артобстрелах и других угрозах. «Прозвучали сигналы воздушной тревоги. Радиодиктор объявляет: “Внимание! Внимание! В городе подан сигнал воздушной тревоги...”. Он говорит спокойно, точно сидит в укромном местечке на дне Черного моря. Рассказывают, что диктор во время бомбежки перелистывает альбомы с патефонными пластинками, решая задачу, чем порадовать севастопольцев после тревоги», – описывает в «Героическом Севастополе» работу радио Александр Хамадан [13].

Информации о гражданском вещании радио в период оккупации Севастополя не сохранилось. Известно, что последнее сообщение в военных целях было передано 30 июня 1942 г., когда немцы уже захватили город и подходили к зданию радио. Последнюю радиogramму уловил радист из Сталинградской радиостанции. В ней говорилось следующее: «Это последнее наше сообщение. На нем заканчивается связь, фашисты подходят к нашему зданию, мы приступаем к уничтожению аппаратуры. Отомстите за разбитый Севастополь! Еще раз прощайте!» [3, с. 95].

В оккупированном Крыму немецкое руководство в деле пропаганды делало ставку на радио и печатные издания. Немцы, переоборудовав оставшуюся советскую аппаратуру, а также доставив немецкую технику, организовали свое радиовещание и для местного населения, и для своих же солдат. Нацисты еще задолго до войны, в 1930-х гг., осознали, какие возможности для влияния на общество открывает радиовещание. Радиоприемники стоили дорого, и далеко не каждый мог себе их позволить. Однако министр народного просвещения и пропаганды Геббельс заставил немецких производителей аппаратуры выпустить дешевый прибор – «народный радиоприемник» по доступной цене. Стоимость его была фиксированной, и ее не имели права повышать, дотиривало производство фашистская политическая партия. В народе эти радиоприемники из-за сходства с человеческим лицом нелицеприятно прозвали «Мордой Геббельса».

«Морды Геббельса» во время оккупации стали появляться и в Крыму. Первые упоминания о мероприятиях по радиопропаганде и агитации на территории Крыма встречаются в отчете о деятельности симферопольской гарнизонной комендатуры за 5–15 ноября 1941 г. Отмечалось, что помимо распространения печатной агитационной продукции, объявления и воззвания передаются по громкоговорителям [6, с. 78]. Более того, гарнизонная комендатура получила более 1300 радиоприемников для распространения среди немецких солдат и приступила к выявлению аппаратов у местного населения. В коллаборантской газете «Голос «Крыма» подробно описывалось, как у местного населения изымались приемники, чтобы поступление новостей было контролируемым. За сокрытие радиоприемника грозил расстрел.

Таким образом, радио становится главным каналом распространения пропаганды, оперативным и общедоступным. Однако в первые недели оккупации вещание не могло охватить население в деревнях и селах. В глубинке наиболее эффективной в немецкой пропаганде оставалась печатная продукция: газеты, листовки, прокламации, бюллетени, афиши, плакаты, выставочные стенды.

В Симферополе немцы для управления населением и агитации организовали штаб пропаганды «Крым», сформированный из батальона пропаганды «Украина». Инструкции поступали напрямую из отдела пропаганды «Украина», а вся его деятельность контролировалась командующим крымскими войсками Вермахта. При штабе пропаганды «Крым» был создан и отдел радио, который занимался организацией радиоэфира, обслуживанием радиотехники, созданием программ для радио и высокочастотных установок. Радиоэфир, организованный немцами, был общим для оккупантов и для местного населения. Трансляция программ осуществлялась по следующей эфирной сетке: в 6:00 и в 16:00 шла военная сводка на русском языке, после утренней сводки звучал концерт. В 18:00 транслировали передачу на немецком языке. Качество эфира, однако, не удовлетворяло слушателей: «Те, кто слушали радио, были недовольны, что оно работает слишком мало. Также не всем нравилось содержание передач, которые шли в эфир. Молодежь желала слушать больше интересных рассказов и легкой музыки (танго, фокстрот и т. п.). Классическая музыка ее интересовала гораздо меньше. Подобное мнение выражали и люди среднего возраста, но они также хотели бы слушать военные обзоры и информацию, которая вечерами вообще не передавалась. Интеллигенция же хотела, чтобы отмечались юбилеи русских писателей, ученых и чтобы по радио о них вспоминали чаще» [11, с. 15]. Чтобы разнообразить эфир, к работе начали привлекать местную интеллигенцию: некоторых ученых и учителей, оставшихся в городе. Они на русском читали произведения немецких классиков, философов, рассказывали о культуре и немецких традициях. Цель такой редакционной политики вполне очевидна – сформировать у местного населения лояльное отношение к оккупантам. Помимо этого, «для непосредственного разъяснения обстановки и использования в качестве докладчиков на радио и в печати» привлекались коллаборанты – офицеры Русской освободительной армии и Власовского движения [12, с. 134].

Оккупационные власти сознавали, что организация радиоэфира далека от желаемого уровня. Руководитель симферопольской полиции Штекер писал в Штаб 10 января 1944 г.: «Надо каким-то образом... позаботиться о том, чтобы известия между 15.00 и 16.00 не передавались на ужасно плохом русском. Из-за этого имена искажаются, ударения неверны, чтение не выразительно, без соблюдения знаков препинания» [11, с. 15].

Для всех радиоотделов на оккупированных территориях Советского Союза издавался «Радиовестник» – специальный сборник материалов, который содержал рекомендации, о чем можно говорить по радио, а о чем запрещено. Сами материалы сборника были однообразны и малоинтересны. В каждом номере упор делался на выступления руководителей Третьего рейха, дискредитацию учения Маркса и Энгельса, на рассказы о невыносимых условиях жизни в СССР, на разоблачение коммунизма, внутренней и внешней советской политики, на призывы к населению бороться с большевиками вместе с Германией, т. е. переходить на сторону немцев.

Особое внимание немцев было приковано к «проблемным» регионам. В Бахчисарае и Евпатории, чтобы сделать радиопередачи на русском языке доступными для широкой массы населения, было проведено восстановление громкоговорящих установок. Контроль за радиосвязью и радиопередачами был передан службе безопасности. Для организации прямого эфира к городской

радиосети был подключен микрофон. При этом пропаганда к середине 1942 г. уже стремилась учитывать региональную и национальную специфику и подстраивать содержание передач под интересы населения. Так, в Бахчисарае летом 1942 г. военный корреспондент роты пропаганды получил от гарнизонной комендатуры поддержку, необходимую для возобновления радиопередач: «Эти радиопередачи готовят своей задачей описание особенностей города, обычаев и нравов татар, а также описание татарского ханского дворца в Бахчисарае» [5].

В задачи роты немецкой пропаганды входило не только обеспечение информацией, но и работа по организации досуга немецких солдат. С этой целью в начале 1944 г. в Крыму для немецких военнослужащих был запущено радиовещание «Солдатский радиопередатчик Пауль», который должен был со временем заменить местные точки радиовещания. То есть немцы планировали централизовать радио и контролировать его работу напрямую из Рейха, однако сотрудники рот пропаганды понимали, что эта «затея не лучшим образом может сказаться на моральном состоянии солдат Вермахта, находившихся в Крыму, так как, согласно их оценкам, 70% военнослужащих, расквартированных на полуострове, желали слушать танцевальную и современную музыку» [6, с. 57–58].

В это же время эвакуированный Крымский радиокomitee (председатель – Г. И. Семин, редактор и диктор – Э. Л. Гельман) нашел приют в Краснодарском обкоме партии. Там в одной из комнат на двух широких подоконниках и разместилось радио [4]. Передачи выходили каждое утро, их в городах и крымских лесах принимали подпольщики и партизаны. По радио сообщали сводки с фронтов, рассказывали об освобожденных районах, трудовых буднях тыла и т. д. В оккупированном Крыму ловили сигнал преимущественно подпольщики и партизаны; на основании полученной информации они составляли агитационные печатные материалы, распространяемые среди местного населения.

Со стороны Советского Союза в Великой Отечественной войне участвовала радиостанция РБН, пехотная, наземная радиостанция мощностью 1 Вт, которая помогала не только передавать радиосигнал, но и координировать деятельность разведывательных групп, артиллерии. Дальность сигнала была небольшой, антенна позволяла вести уверенную связь от нескольких километров до нескольких десятков километров, в зависимости от мастерства операторов [4].

К сожалению, нам неизвестно, была ли возможность у крымских партизан и подпольщиков создавать помехи для оккупационной радиопропаганды. Рассуждая отвлеченно от Крыма, можно, конечно, вспомнить, что, в принципе, технические возможности для таких целей уже существовали. Известно, например, что подпольщикам иногда удавалось нарушить передачу информации: вращая пластинку в обратную сторону, создавали скрежет, сквозь который в эфире невозможно было разобрать ни слова. Удавалось даже «вклинить» собственную информацию в немецкий эфир. Впервые это произошло в начале войны, в августе 1941 г.: на территории Германии жители во время выпуска новостей услышали на немецком фразы: «Ложь!», Гитлер-убийца!» Вклинивания в эфир повторялись, а немецкие специалисты не могли этому помешать. «Атака в эфире» вызвала панику у немецкого правительства. В день выходило по 12 выпусков новостей, и все они прерывались советскими включениями: «Неизвестные голоса пародировали манеру речи Гитлера,

выкрикивали антинацистские лозунги, сообщали о реальных потерях немцев на Восточном фронте» [9]. У инженеров не было иного решения проблемы, как только отключение радио на территории всей Германии; они не могли понять, как русским удастся вклиниваться в эфир, поскольку для этого необходим очень мощный радиопередатчик. Немецкая разведка искала, но так и не смогла обнаружить этот передатчик, который, как предполагалось, вещал с территории Ленинградской области. Это была массовая информационная и психологическая атака со стороны СССР. Второй раз она предпринималась уже в 1944 г. С уверенностью можно сказать, что крымское подполье не могло располагать подобным оборудованием. Противодействовать оккупационной пропаганде на полуострове можно было лишь средствами усовершенствования собственного радиоэфира. Так, для организации контрпропаганды (помимо уже работающего в Краснодаре Крымского радиокomiteта) по указанию ЦК ВКП(б) при Всесоюзном радиокomiteте в Москве была организована крымскотатарская редакция, для работы в которой по рекомендации Крымского обкома в Москву были приглашены крымскотатарские журналисты.

Редакция начала работу почти через год после начала оккупации Крыма, в сентябре 1942 г., с обращения к крымскотатарскому народу, на который немецкая пропаганда делала особую ставку. В первые месяцы работы крымскотатарской редакции для ее вещания в день отводилось 57 мин., в течение полугода время вещания увеличили еще на 20 минут. Утром транслировались сводки «Совинформбюро», статьи, подготовленные отделом контрпропаганды Всесоюзного радиокomiteта, материалы из центральных газет, вести из-за границы. Вечерний эфир состоял из сводки «Совинформбюро», известий с Родины, обзора советской печати за день, чтения статей.

Изначально крымскотатарская редакция была ориентирована на трансляцию лишь получасовых сводок «Совинформбюро». Однако вскоре, кроме сводок, редакция начала озвучивать статьи и сообщения из центральных и крымских газет («Красный Крым», «Кызыл Крым»), материалы отдела контрпропаганды («Равенство мертвецов», «Гитлеровские разбойники без маски» и др.), сообщения ТАСС, оригинальные статьи, подготовленные работниками редакции, обзор советской печати «Что пишут сегодня центральные газеты». Исследователь этнических СМИ Н. В. Яблоновская, в деталях восстанавливая историю работы крымскотатарской редакции Всесоюзного радиокomiteта, отмечает: «Стремясь познакомить своих радиослушателей с последними новостями из-за границы, работники редакции составляли подборку новостей непосредственно по вестнику ТАСС, зачастую до появления этих материалов в газетах. Из газет в передачи попадали, в основном, рассказы о боевых эпизодах, вести с Родины, передовые статьи по важнейшим вопросам (часто газетные материалы подвергались переработкам и сокращениям). По наиболее важным политическим кампаниям крымскотатарской редакцией подготавливались и передавались специальные материалы. Например, в феврале 1943 г. прозвучала программа ко Дню Красной Армии, в марте – ко Дню 8 марта» [15, с. 163]. Создавались и специальные передачи для молодежи и женщин. Заслугой редакции можно считать и подготовку статей на исторические темы: «Алим Азамат Оглу – борец за независимость татарского народа», «Участие татар в отечественной

войне 1812 г.», «О дружбе русского и татарского народов», «Участие татар в походах Хмельницкого». В эфире декламировали стихи татарских поэтов, читались отрывки из прозаических произведений. Популярностью у слушателей пользовалась юмористическая рубрика. Национальный колорит эфира поддерживала и крымскотатарская музыка. «Правда, у редакции с музыкальным оформлением передач сразу же возникли трудности как технического, так и идеологического характера: крымскотатарских музыкантов в Москве не было, а транслировать довоенные записи редакция не решилась, поскольку не знала “теперешнего положения исполнителей”» [15, с. 163]. Как видим, Всесоюзный радиокomiteeт сознательно делал упор исключительно на крымскотатарскую аудиторию, стараясь перебить немецкое «информационное давление» на крымских татар.

После освобождения полуострова Крымский радиокomiteeт возвращается в Симферополь и приступает к восстановлению радио. В январе 1945 г. крымское радио снова зазвучало в эфире. Передавали сводки с фронтов, информацию о тружениках тыла. Крымский радиокomiteeт строил большие планы. Первое, что следовало сделать, – это в 1945 г. «развернуть работу по радиовещанию и радиофикации Крыма»: обеспечить областное вещание по 16 ч. ежедневно вместо 10 ч.; объем местного вещания довести до 3-х часов в день в место 1 ч. 10 мин.; открыть в городах и районах Крыма 20 районных радиостанций вместо существующих 9 и довести объем местного вещания в этих редакциях до 1 часа ежедневно, а в некоторых – до 45 минут вместо 30 минут; увеличить штат сотрудников и т. д. [2, ед. хр. 1, л. 12].

В 1944–1945 г. Крымский радиокomiteeт возглавлял Г. И. Семин. Он имел большой опыт как партийной работы (являлся членом ВКП(б) с 1919 г.), так и журналистской деятельности. В 18 лет стал рабкором рязанской губернской газеты «Рабочий клич», позже сотрудничал с газетами: «Юный коммунист», «Известия Рязанского губисполкома», окончил Московский институт журналистики. С 1924 г. работал в Крыму редактором газеты «Красная Керчь» и одновременно – главредом журнала «День отдыха». Будучи председателем Крымского радиокomiteeта, организовывал и вел радиовещание для партизан и населения Крыма, восстанавливал радио после войны. В 1945 г. Г. И. Семин переезжает в Севастополь, редактирует городскую газету «Слава Севастополя» (1945–1947), руководит редакцией газеты Черноморского флота «Флаг Родины» (1947–1956). В связи с тяжелой болезнью в 1956 г. Семин вышел на пенсию и занялся литературно-исторической деятельностью: в 1949 г. вышла его книга «Город-герой Севастополь», в 1955 г. – «Севастополь». Всего с его участием опубликовано 34 книги о Крыме и Севастополе [14].

С первых же дней освобождения полуострова началось восстановление проводной радиосвязи. Приемников было крайне мало, поэтому динамики по-прежнему устанавливались на телеграфных столбах во всех районах крупных городов Крыма. Люди собирались у громкоговорителей и слушали сообщения «Совинформбюро». Под началом Г. И. Семина до конца 1945 г. радио в Крыму было восстановлено в полном объеме. Он добился увеличения штата сотрудников, вернул фронтовиков. «Новости и информационные программы, занимающие существенный объем вещания, готовили сотрудники общественно-политической редакции: В. П. Иванова (ранее работала на Ленинградском радио), ветеран войны

М. С. Еневич, А. Н. Иванов, С. М. Аронов и др.» [4]. К уже знакомым радиорубрикам добавлялись новые передачи, менялась их тональность и направленность в соответствии с государственной политикой страны.

В сохранившемся информационном отчете радиокomiteта за первое полугодие 1949 г. находим, какие темы и передачи транслировались по радио. Передачи пропаганды и агитации занимали ведущее место в эфире (передачи для изучающих марксизм-ленинизм, передачи для агитаторов, «Опыт партийной работы», «Севастополь возрождается», передачи, посвященные пятилетию со дня освобождения Крыма, естественно-научные передачи, передачи о культуре, спорте и литературе). Обязательными блоками выходили сельскохозяйственные передачи («Агротехническая и зоотехническая учеба по радио», «Выездная редакция на весеннем севе и посадке табака», «Сталинский план преобразования природы»), материалы о промышленности, транспорте и строительстве (радиорепортаж «Крым за неделю», «Последние известия», «Оперативность», «Рыбаки Крыма на весенней путине» и др.). Большое внимание уделялось программам по воспитанию детей и молодежи, художественному вещанию. Радио расширяло свою аудиторию, стараясь быть полезным и интересным слушателям любого возраста, положения и социального статуса [2, ед. хр. 21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, те немногие сведения, которые есть в нашем распоряжении, говорят о том, что работа крымского радио в годы Великой Отечественной войны организовывалась на материке и была призвана решать поставленные военной обстановкой задачи: служить для населения оккупированного полуострова источником достоверной информации, средством контрпропаганды и моральной поддержки соотечественников. Учитывая, что оккупационные власти открыли в Крыму собственное радиовещание, значение деятельности Крымского радиокomiteта должно быть оценено очень высоко. Хотя число крымчан, имевших возможность получать сигнал советского радио, и было чрезвычайно ограниченным, все же информация доходила до населения, ретранслируемая посредством слухов и распространяемых подпольщиками агитационных материалов. По существу, радио превратилось в единственную «информационную связь» с Большой землей.

Важно, что тактика противодействия оккупационной пропаганде учитывала национальную ситуацию на полуострове и продиктовала необходимость создания при Всесоюзном радиокomiteте в Москве крымскотатарской редакции, призванной поддержать среди крымских татар дух сопротивления фашизму.

Восстановление советского радиовещания на полуострове началось сразу же после завершения оккупации, что говорит о понимании властями важности этого информационного ресурса. К процессу восстановления радиопроизводства, который проходил в тяжелых условиях разрухи и требовал авральных темпов, привлекались фронтовики. Передачи эфира были призваны мобилизовать общество для восстановления страны, носили в основном информационный и агитационный характер. Однако наряду с этим появлялись передачи, которые являются привычным атрибутом невоенного быта: о культуре, спорте, литературе. Крымское радио возвращалось к мирной жизни вместе со своими слушателями.

Список литературы

1. *Аржанцева Т. В. и др.* Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография. – Симферополь: ИД КФУ, 2022. – 199 с.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. Р-3942, оп. 1.
3. *Григорьева Н. А., Жуков Д. В.* Радио в Севастополе: история и современность // СМИ Крыма и Севастополя в медиасистеме России: сб. статей / под ред. Д. В. Жукова, Г. Г. Щепиловой. – М.: МедиаМир, 2018. – С. 91–113.
4. История крымского радио: документальный фильм. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=A82kIkzc5tQ&t=1125s>. – (Дата обращения: 18.03.2024).
5. *Кохан А. А.* Немецкие пропагандистские мероприятия в Крыму в ноябре 1941 – сентябре 1942 гг. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – Т. 12. – Вып. 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskie-propagandistskie-meropriyatiya-v-krymu-v-noyabre-1941-sentyabre-1942-gg/viewer>. – (Дата обращения: 18.03.2024).
6. *Кохан А. А.* Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941–1944 гг.: Дисс... к. ист. н.: 07.00.02. – СПб, 2019. – 393.
7. *Орехов В. В.* Литературное крымоведение и проблема исторической истины в образовательном процессе // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 164–192.
8. *Орехова Л. А., Первых Д. К.* Газета «Красный Крым» к 150-летию со дня рождения Грибоедова: газетный текст и исторический контекст // Культура и текст. – 2021. – № 3 (46). – С. 60–69.
9. Партизаны эфира. – Режим доступа: https://little-histories.org/2015/05/10/radio_partisans/. – (Дата обращения: 18.03.2024).
10. Радио в годы Великой Отечественной войны. Сборник научных статей. В честь 70-летия Победы. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – 129 с.
11. *Романько О. В.* Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): органы и формы деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2015. – № 5. – С. 11–16.
12. *Романько О. В.* Военный коллаборационизм и нацистская печатная пропаганда на территории Крыма в 1941–1944 гг. (по материалам газеты «Голос Крыма») // Отечественная история. – 2019. – Т. 24. – № 1. – С. 130–139.
13. Севастопольские связисты в Великой Отечественной войне // ForPost. – 07.05.2015. Режим доступа: <https://sevastopol.su/blogs/sevastopolskie-svyazisty-v-velikoy-otechestvennoy-voyne>. – (Дата обращения: 18.03.2024).
14. Семин Г. И. – Режим доступа: <https://tv-gyazan.ru/semin-g-i/>. – (Дата обращения: 18.03.2024).
15. *Яблоновская Н. В.* Многонациональное радиовещание Крыма: история и современность // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2010. – Т. 23 (62). – № 4. – С. 161–168.
16. *Яблоновская Н. В.* Работа редакции газеты «Кызыл Крым» и крымскотатарской редакции при Всесоюзном радиокомитете во время оккупации Крыма // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 63. – С. 121–125.
17. *Яблоновская Н. В., Кутовая К. А.* Визуальная пропаганда в газете «Красный Крым» периода Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 4. – С. 97–115.

References

1. Arzhanceva T. V. i dr. *Prepodavanje ruskogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching the Russian language in the Crimea: historical and ethno-cultural context: collective monograph]. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2022. 199 p.
2. *Gosudarstvennyj arxiv Respubliki Kry'm (GARK)* [State Archive of the Republic of Crimea], f. R-3942, inv. 1.
3. Grigor'eva N. A., Zhukov D. V. *Radio v Sevastopole: istorija i sovremennost'* [Radio in Sevastopol: history and modernity]. *SMI Kryma i Sevastopolja v mediasisteme Rossii: sbornik statej*. Ed. by D. V. Zhukova, G. G. Shhepilovoj. Moskva: MediaMir Publ., 2018, pp. 91–112.
4. *Istoriya kry'mskogo radio: dokumental'nyj fil'm* [The history of the Crimean radio: a documentary]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=A82kIkzc5tQ&t=1125s> (accessed: 18 March 2024).
5. Koxan A. A. *Nemeczkije propagandistskie meropriyatiya v Kry'mu v noyabre 1941 — sentyabre 1942 gg.* [German propaganda activities in the Crimea in November 1941 – September 1942]. *E'lektronnoe nauchnoe izdanie Al'manax Prostranstvo i Vremya*, 2016, vol. 12, no. 1.
6. Koxan A. A. *Struktura i funkcionirovanie organov germanskoj propagandy' v Kry'mu: 1941 – 1944 gg.: Dis... k. ist. n.* [The structure and functioning of the German propaganda organs in the Crimea: 1941–1944], St. Petersburg, 2019. 393 p.
7. Orehov V. V. *Literaturnoe krymovedenie i problema istoricheskoy istiny v obrazovatel'nom processe* [Literary Crimean studies and the problem of historical truth in the educational process]. *Sovremennaja kartina mira: krymskij kontekst: kollekt. monogr.* Simferopol', ARIAL Publ., 2017, pp. 164–192.
8. Orehova L. A., Pervyh D. K. *Gazeta «Krasnyj Krym» k 150-letiju so dnja rozhdenija Griboedova: gazetnyj tekst i istoricheskij kontekst* [Newspaper "Krasny Krym" to the 150th anniversary of Gribojedov's birth: newspaper text and historical context]. *Kul'tura i tekst*, 2021, no. 3(46), pp. 60–69.
9. *Partizany' e'fira* [The guerrillas of the ether]. Available from: https://little-histories.org/2015/05/10/radio_partisans/ (accessed: 18 March 2024).
10. *Radio v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny'*. *Sbornik nauchny'x statej. V chest' 70-letija Pobedy'* [Radio during the Great Patriotic War. Collection of scientific articles. In honor of the 70th anniversary of the Victory]. Moscow, 2015. 129 p.
11. Roman'ko O. V. *Nacistiskaya propaganda v okkupirovannom Kry'mu (1942–1944): organy' i formy' deyatel'nosti* [Nazi propaganda in the occupied Crimea (1942–1944): organs and forms of activity]. *Ucheny'e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Petrozavodsk, 2015, no. 5, pp. 11–16.
12. Roman'ko O. V. *Voennyj kollaboracionizm i nacistiskaya pechatnaya propaganda na territorii Kry'ma v 1941–1944 gg. (po materialam gazety' «Golos Kry'ma»)* [Military collaboration and Nazi printed propaganda on the territory of Crimea in 1941–1944 (based on the materials of the newspaper "Voice of Crimea")]. *Otechestvennaya istoriya*, 2019, vol. 24, no. 1, pp. 130–139.
13. *Sevastopol'skie svyazisty' v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Sevastopol signalmen in the Great Patriotic War]. ForPost. 07.05.201. Available from: <https://sevastopol.su/blogs/sevastopolskie-svyazisty-v-velikoy-otechestvennoy-vojne> (accessed: 18 March 2024).
14. *Semin G. I.* [Semin G. I.]. Available from: <https://rv-ryazan.ru/semin-g-i/> (accessed: 18 March 2024).
15. Jablonovskaja N. V. *Mnogonacional'noe radioveshhanie Kryma: istorija i sovremennost'* [Multinational radio broadcasting of Crimea: history and modernity]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii»*. Simferopol', 2010, vol. 23 (62), no. 4, pp. 161–168.

16. Jablonovskaja N. V. *Rabota redakcii gazety "Kyzyl Krym" i krymskotatarskoj redakcii pri Vsesojuznom radiokomitete vo vremja okkupacii Kryma* [The work of the editorial office of the newspaper "Kyzyl Crimea" and the Crimean Tatar editorial office at the All-Union Radio Committee during the occupation of Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ja*. Simferopol', 2005, no. 63, pp. 121–125.
17. Yablonovskaya N. V., Kutovaya K. A. *Vizual'naya propaganda v gazete «Krasnyj Kry'm» perioda Velikoj Otechestvennoj vojny'* [Visual propaganda in the newspaper "Red Crimea" during the Great Patriotic War]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyj zhurnal*. Simferopol', 2023, vol. 9 (75), no. 4, pp. 97–115.

CRIMEAN RADIO AIRWAVES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE FIRST POST-WAR YEARS

Pervykh D. K.

The article forms an idea of the work of radio in the territory of Crimea during the Great Patriotic War and in the first post-war years. The study is devoted to the work of the Crimean Radio Committee, the Crimean Tatar editorial office at the All-Union Radio, the Sevastopol radio center, and also gives an understanding of the organization of German propaganda radio broadcasting in the occupied Crimea.

The publication reveals the technical side of radio operation, forms, as well as the thematic component of radio broadcasting. The work includes materials from the funds of the "State Archive of the Republic of Crimea", as well as scientific research devoted to the study of ethnic media (N. V. Yablonovka) and Nazi propaganda (O. V. Romanko, A. A. Kohana). The archive of the Crimean Radio Committee for the period of the occupation of Crimea (1941–1944) has not been preserved in the GARK, conclusions about the organization of the radio editorial office, staff, as well as the escape route can be made only from a few post-occupation documents.

During the Great Patriotic War, the potential of Soviet auditory influence was directed to the needs of defense and was used with maximum efficiency, performing a number of tasks: informing, inciting hatred towards the enemy, calling for a fight against him, and also setting up for Victory. The possibilities of Nazi radio broadcasting were high, but, as the study showed, they did not form the planned effect on the local population. The measures of the Soviet counter-propaganda, carried out with the help of the Crimean Tatar editorial board, were aimed at forming a negative image of the enemy, primarily among the Crimean Tatar population of the peninsula, on which the German leadership relied in propaganda.

Keywords: Crimean Radio Committee, All-Union radio, audio propaganda, German radio in Crimea, Sevastopol radio center.

УДК 070

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ В РОССИЙСКИХ СМИ: МЕДИАКОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВА

Субботина О. А.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: subbotiny08@mail.ru*

Статья посвящена осмыслению праздников в российском медиапространстве. Фокус исследовательского внимания выявляет социокультурное и когнитивно-коммуникативное содержание праздничной культуры, так как концентрируется на материалах СМИ, раскрывающих различные аспекты заимствованных из западноевропейской культуры праздников (*чужих*) и праздников, соответствующих отечественным культурным традициям (*своих*). Изучение медиатекстов подтверждает необходимость тщательного исследования механизмов информационного массмедиакультурного противостояния.

Применение комплексного междисциплинарного подхода, синкретизма методов (лингвистического, культурологического, медиапсихологического, маркетингового и анализа медиаконтента) помогает идентифицировать факторы, определяющие восприятие праздников российским обществом. Результаты работы демонстрируют, что публикации в СМИ влияют на медиаконструирование негативной, нейтральной и позитивной позиций в социуме как к *чужим*, так и к *своим* праздникам.

Причины, воздействующие на формирование каждого из типов позиций, иллюстрируются примерами медиаконтекстов. Среди разнообразия выявленных факторов особого внимания заслуживает *консюмеризм*, который в рамках настоящего исследования имеет амбивалентную природу и конструктивный когнитивно-коммуникативный характер.

Ключевые слова: медиаконструирование; негативная позиция; нейтральная позиция; позитивная позиция; *свой/ чужой* праздник; консюмеризм; массмедиакультурное противостояние.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к изучению праздничной культуры имеет давнюю традицию. Однако если более ранние исследования касались восточнославянских ритуалов календарного цикла и рассматривались в парадигме этнографии и этнолингвистики [13], с одной стороны, и, с другой стороны, аргументировали культурологическую и социокультурную ценность и значимость праздников, воплощающих «сакральную идею» [4], то современные работы все чаще включают в исследовательское поле зрения медийный дискурс: освещение праздничных мероприятий в СМИ [8; 9; 14]. Тем самым обосновывается не только социокультурное, но и когнитивно-коммуникативное содержание праздничной культуры государства, медиапозиционирование которой в условиях информационного противостояния может стать инструментом «манипулятивных/суггестивных действий деструктивного/конструктивного характера, применяемых одной группой лиц в отношении другой группы лиц с целью получения политической, экономической или психологической выгоды (власти, прибыли, господства) или противодействия этой выгоде» [16, с. 85], а также подтверждается *актуальность* работы.

Лингвистическая лексикографическая интерпретация лексемы «праздник» демонстрирует её общеупотребительную неоднородность и многозначность:

«1.0. Торжество, устраиваемое в честь или в память кого-чего-л. (исторически, национально или религиозно значимого события, лица и т. п.), а также официально или традиционно установленная дата такого торжества; 1.1. *обычно мн.* Общий нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд, официально устанавливаемые по случаю такого торжества; 2.0. Торжественное мероприятие, веселье, устраиваемое по какому-л. неофициальному, личному и т. п. поводу; 2.1. Масштабное, торжественно проводимое мероприятие или ряд мероприятий, посвящённых какой-л. теме, какому-л. событию и т. д.; 3.0. *зд. ед.* Радостное, счастливое, приятное для кого-л. событие, а также время, промежуток времени, отмеченный чем-л. радостным, приятным для кого-чего-л.; 4.0. *перен., зд. ед.* Испытываемое кем-л. наслаждение, удовольствие от чего-л.» [10]. В этой связи для выявления когнитивно-коммуникативной значимости феномена «праздник» необходимо обратиться к его культурологическому толкованию: «праздник – противопоставленный будням отрезок времени, характеризующийся радостью и торжеством, выделенный в потоке времени в память или в честь кого или чего-либо, обладающий сущностной связью со сферой сакрального, отмечаемый в культурной или религиозной традиции как институционализированное действие, которое обеспечивает его участникам максимальную причастность к этой сфере» [11]. Именно комплекс таких концептуально маркированных единиц этого понятия, как «*в память/ честь кого или чего-либо*», «*культурная/ религиозная традиция*», «*институализированное действие*», «*участники*», «*причастность*» формирует культуuroобразующий характер «праздника» и обуславливает его консолидирующую природу. Тождественное понимание этого явления встречаем и у К. Жигульского: «каждый праздник связан с определенной ценностью, иногда высшего порядка, которая является святыней (*sacrum*) для празднующей группы» [4, с. 63]. Сравним также подход Е. А. Кавериной к определению «праздника»: «всегда некий период времени, имеющий структурообразующую идею... Важнейшей определяющей чертой праздника является его связь с сакральной, иначе – некой священной или имеющей особое значение сферой» [6, с. 119]. Общий культурный смысл праздников, объединяющий социум, таким образом является одним из базовых мировоззренческих факторов.

Изучение этапов трансформации «традиционных культурных смыслов российского праздника» [12, с. 52–53] способствует выявлению на рубеже XX–XXI вв. потребительского измерения, или консюмеризма, где «доминируют потребительские ценности, потребительское сознание, потребительские коммуникации и взаимоотношения людей; формируется новый тип участника праздника, «празднующей общности» – «потребитель» зрелища, публика; как социокультурная практика, праздник на основе зрелища превращается в «особую форму промышленности» – шоу-бизнес, организующий грандиозные зрелища, способные приковать внимание многочисленной публики и вызвать сильные эмоции» [Там же, с. 53]. Именно такая тенденция, на наш взгляд, продуцирует увеличение количества медиапубликаций о праздничных мероприятиях, а значит и воздействует на конструирование позиции общества по отношению к ним. В медиаконтексте информационного противоборства, которое является отражением «масштабных и необратимых изменений, касающихся не только нашей страны, но и

всего мира» [5, с. 9] процесс переосмысления праздников Хэллоуина и Дня святого Валентина, исконно связанных с западной культурой и массово привнесенных в культуру отечественную в период 1990-х годов, происходит параллельно с более глубоким осмыслением российских праздничных традиций: Тыквенного Спаса¹ и Дня семьи, любви и верности.

Методология работы

Исследовательская стратегия статьи обусловлена синкретизмом методов и подходов, которые конструируют междисциплинарность современных медиаисследований:

1) лингвистический подход предопределяет интерпретацию русскоязычных понятий в общепотребительном речевом обиходе;

2) культурологический метод – метод изучения непосредственного феномена культуры – применяется для спецификации явления современной действительности и детализации его характерных особенностей, которые подкрепляются соответствующими культурологическими исследованиями;

3) контент-анализ медиатекстов используется для дифференциации, описания и последующего сравнения материалов работы;

4) эмпирические методы медиапсихологии: сбор и интерпретация медиатекстов, которые позволяют определить оценочный характер публикаций в СМИ и, соответственно, их последующее воздействие на аудиторию;

5) маркетинговый подход, а именно: в рамках лингвистического и фасцинативного маркетинга, способствует расширению исследовательских горизонтов и включению материалов, репрезентирующих приоритеты массовой культуры российского общества.

Цель статьи – проанализировать особенности медиаосвещения праздников, заимствованных из западноевропейской культуры (*чужих*), а также праздников, ассоциирующихся с отечественными культурными традициями (*своих*); выявить факторы, воздействующие на осмысление праздников в российских СМИ и медиаконструирование позиций в социуме.

Материалом исследования послужили медиатексты, опубликованные с 2015 по 2023 гг.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Последовательный анализ публикаций способствует детерминированию факторов, которые воздействуют/ могут воздействовать на выстраивание оценочного отношения к ним в обществе.

Медиаконструирование негативной позиции к празднованию Хэллоуина

Одними из первых официальных лиц, которые высказали свое отрицательное отношение к празднованию Хэллоуина в 2015 г., были С. В. Аксенов, Глава Республики Крым, и В. В. Милонов, депутат Государственной думы. В течение нескольких лет их позиция не изменилась, что и демонстрируют авторитетные российские СМИ:

---

¹ Упоминание об этом празднике в СМИ появилось в октябре 2023 г.

1. Глава Крыма подчеркнул, что «отвертительные маски-шоу» в Хэллоуин противоречат духовным и культурным традициям народов России. Об этом, добавил он, неоднократно заявляли представители православной церкви и духовные лидеры мусульман. «С одной стороны, это, безусловно, коммерческий проект, а с другой - средство культурной колонизации. Продвижение темной традиции Хэллоуина направлено на подрыв традиционных для нашей страны духовно-нравственных ценностей...» (<https://tass.ru/obschestvo/2387649?ysclid=lozqx4vnt4494248823>, 29.10.2015). Сравним:

Милонов просит Минобразования запретить праздновать Хэллоуин в школах

По его мнению, костюмированные «праздники нечистой силы» наносят огромный удар по детской и юношеской психике. «Как правило, участники этих представлений, в театрализованной форме, проводят некие сатанинские «обряды» и подобные оккультные действия, <...> пропагандирующие суицид, оккультизм, сектантство и агрессию», – отмечает парламентарий (<https://tass.ru/obschestvo/2381754?ysclid=ls1inunwwp583989736>, 27.10.2015).

2. Аксенов назвал Хэллоуин средством духовной агрессии (<https://rg.ru/2016/10/28/reg-ufu/aksenov-nazval-hellouin-sredstvom-duhovnoj-agressii.html>, 28.10.2016). Сравним:

Милонов считает Хэллоуин враждебным для РФ праздником, поскольку в его основе «лежит идея поклонения темным силам, духам и восхваление различного сатанизма». ...Как отметил парламентарий, можно предположить, что настойчивое навязывание России чуждых культурных и деструктивных элементов инспирировано «мировой закулисой», цель которой - размытие отечественного «культурного кода» с последующим растворением народа в мультикультурном котле нового мирового порядка во главе с США (<https://ria.ru/20191009/1559562404.html?ysclid=lozioqy9yd17819120>, 09.10.2019).

3. Аксенов призвал не отмечать в Крыму «антипраздник» Хэллоуин

«Этот антипраздник противоречит традиционным ценностям народов Крыма и России, отравляет духовную, культурную и нравственную атмосферу нашего полуострова...» (<https://rg.ru/2017/10/30/reg-ufu/aksenov-prizval-netmechat-v-krymu-antiprazdnik.html?ysclid=lozi9dnimq559714885>, 30.10.2017). Сравним:

«Хэллоуин – это прославление темных сил, колдовства и смерти. Как вообще можно играть с такими серьезными вещами, как культ зла? Что предлагают организаторы этого праздника в текущем году? Нарядиться всем коронавирусом и смеяться над тысячами погибших? Я протестую против пошлости, против этого мракобесия и чуши, которая пришла к нам с Запада. Буду обращаться во все органы, чтобы не допустить посевной семян зла на нашей земле», – сказал Милонов РИА Новости (<https://ria.ru/20201031/milonov-1582403072.html>, 31.10.20).

Употребление лексических средств с пейоративной семантикой: «отвертительный», «средство культурной колонизации», «продвижение темной традиции», «антипраздник», «противоречит традиционным ценностям», «отравляет духовную, культурную и нравственную атмосферу» и «суицид», «оккультизм», «агрессия», «навязывание», «размытие культурного кода», «поклонение темным

силам», «пошлость» характеризует различные аспекты праздника, который освещается в публикациях. В соответствии с исследовательской методикой смыслового анализа медиатекста на основе репрезентации категории «событие» Н. С. Болотновой используемая лексика относится к его «предыстории, участникам, процессу, последствиям, перспективе, оценке» [2, с. 69] и четко детерминирует негативное отношение к смысловому содержанию события у создателя-адресанта медиатекста, которое впоследствии формируется и у аудитории-адресата.

Медиаконструирование негативной позиции к празднованию Дня святого Валентина

Аналогичный оценочный медиадискурс выстраивается и в связи с освещением в СМИ отношения государственных официальных лиц С. В. Аксенова и В. В. Милонова ко Дню святого Валентина в России. Тожественную точку зрения разделяют и поддерживают представители Русской православной церкви.

1. Аксенов окрестил День святого Валентина дешевой духовной подделкой

По мнению Аксенова, в России есть по-настоящему народный праздник, имеющий глубокие исторические и духовные корни. «Это 8 июля – День семьи, любви и верности. В этот день православные христиане чтят память святых Петра и Февронии – Муромских чудотворцев, покровителей семьи», – резюмировал он (https://lenta.ru/news/2017/02/10/aksenov_protiv/?ysclid=ls1mbo375o665969525, 10.02.2017). Сравним:

Парламентарий (В. В. Милонов) ... выразил опасение, что «необдуманное решение какого-либо образовательного учреждения об организации празднования Дня святого Валентина» может привести к тому, что у подрастающего поколения появятся «неправильные и искаженные представления о любви или брачных отношениях» ([https:// gazeta.ru/social/2022/02/14/14532925.shtml?ysclid=ls1nuc1onh127158050](https://gazeta.ru/social/2022/02/14/14532925.shtml?ysclid=ls1nuc1onh127158050), 14.02.2022).

2. В РПЦ День святого Валентина назвали праздником больных

Как сообщил радиостанции «Говорит Москва» протоиерей Димитрий Смирнов, ВОЗ признала влюблённость заболеванием* (* сведения о том, что ВОЗ признала влюблённость болезнью, не получили официального подтверждения) ... Протоиерей отметил, что День святого Валентина сейчас превратился во всемирный бизнес-проект (<https://govoritmoskva.ru/news/188830/?ysclid=lozjpvxwd364490464>, 14.02.2019).

Примеры публикаций демонстрируют не только выстраивание негативно маркированной аксиологической позиции по отношению к празднованию Дня святого Валентина в России при помощи использования соответствующих языковых средств, но и за счет акцентирования внимания на оппозиции «чужой праздник – свой праздник», апеллирования к духовности и истинной народности Дня семьи, любви и верности. В рамках контент-анализа медиатекста установление связи между микротемами и основной темой события [2, с. 69], которое освещается в публикациях, позволяет более глубоко проанализировать его смысловое содержание и смысловое отражение.

Ключевым фактором, участвующим в медиаконструировании негативной позиции к празднованию Хэллоуина и Дня святого Валентина в нашей стране, является подчеркнутый консюмеризм, о чем также свидетельствует анализ медиаконтекстов из приведенных выше публикаций: «*коммерческий проект*», «*возможность заработать дополнительную прибыль*» (о Хэллоуине) и «*потребительская сущность праздника*», «*всемирный бизнес-проект*» (о Дне святого Валентина).

Медиаконструирование нейтральной позиции к празднованию Хэллоуина и Дня святого Валентина

Моделирование нейтралитета при освещении в СМИ праздничных мероприятий, ассоциирующихся с западной культурой, связано:

1. С мыслью о родстве культур и плотном укоренении праздников в России:

...не совсем понятно, как может быть чуждым культуре то, что в нее так плотно влилось. А западные праздники пока почему-то приживаются в российской действительности быстрее, чем родные (https://www.dp.ru/a/2015/11/01/Hjellouin_protiv_narodnogo?ysclid=ls1smxmv2o798584187, 04.11.2015). Сравним:

Большинство языческих традиций предусматривало переодевания того или иного рода. Даже христианство не смогло полностью подавить рудименты этих празднований: они остались в виде венецианского карнавала или наших святочных ряженых (<https://ria.ru/20191103/1560483554.html?ysclid=lozismtdi9839770305>, 03.11.2019).

2. С уверенностью в отсутствии историко-культурной или духовной значимости праздников:

Что касается праздников иностранных, то те немногие из них, которым удалось перекочевать в российскую действительность, не несут исторической, моральной или еще какой-то ценности. Они рассматриваются с точки зрения приятности, как аттракцион, забава (https://www.dp.ru/a/2015/11/01/Hjellouin_protiv_narodnogo?ysclid=ls1smxmv2o798584187, 04.11.2015). Сравним:

Любители отметить Хеллоуин обычно не видят нужды подводить под вечеринку какую бы то ни было идеологическую базу. Развлечение как развлечение, повод выбрать самый безумный костюм из возможных и повеселиться с друзьями (<https://ria.ru/20191103/1560483554.html?ysclid=lozismtdi9839770305>, 03.11.2019).

3. С идеей о принадлежности карнавализованных праздников к различным культурам:

И все же за подобными маскарадами, будь то Святки, Хеллоуин, латиноамериканский День мертвых, еврейский Пурим или даже День святого Патрика, стоит важная внутренняя потребность. Немного актерства могут позволить себе те, кому оно обычно несвойственно. Карнавальный мир, перевернутый с ног на голову (<https://ria.ru/20191103/1560483554.html?ysclid=lozismtdi9839770305>, 03.11.2019).

4. С возможностью увеличения коммерческой прибыли:

Наблюдая заинтересованность населения, предприниматели достаточно быстро оценивают финансовый потенциал праздника. Например, Хэллоуин — это

бренд, который можно так или иначе монетизировать. Если не заработать на продаже нарядов ведьм и не увеличить выручку ресторана или бара за счет проведения специальных мероприятий, то как минимум повысить лояльность посетителей, порадовав их тематическим оформлением. То же самое с днём святого Валентина, тут простор для коммерческой деятельности, пожалуй, еще шире... (https://www.dp.ru/a/2015/11/01/Hjellouin_protiv_narodnogo?ysclid=ls1smxmv2o798584187, 04.11.2015). Сравним:

Поддакивают и владельцы заведений: самое время поднять посещаемость, ведь до декабрьских корпоративов и прочих новогодних празднеств еще далеко (<https://ria.ru/20191103/1560483554.html?ysclid=lozismtdi9839770305>, 03.11.2019).

В связи с четвертым, консюмеристским фактором, в исследуемых медиатекстах получает отражение следующая проблема: «*Что касается праздников российских, то зачастую люди, имеющие потребность и признающие тот или иной праздник, не понимают, как им выразить свое отношение, свои эмоции*», и поэтому директор сети магазинов, специализирующихся на обслуживании праздничных мероприятий, «*признается, что была бы рада продвигать идею Дня семьи, любви и верности, но не понимает, как именно. У праздника нет ни особых традиций, ни официального символа, и совершенно непонятно, что предлагать людям*» (https://www.dp.ru/a/2015/11/01/Hjellouin_protiv_narodnogo?ysclid=ls1smxmv2o798584187, 04.11.2015). Так, развлекательно-коммерческая составляющая праздников, заимствованных из западноевропейской культуры, в основном, обуславливает трансформацию от отрицательного до положительного к ним отношения в российском медиапространстве.

Медиаконструирование позитивной позиции к празднованию Хэллоуина и Дня святого Валентина

Контент-анализ медиатекстов демонстрирует одобрение консюмеристского подхода к праздничным мероприятиям:

В самом конце октября, в нашей стране начинают торговать костюмами и сувенирами, связанными с Хэллоуином, а в городах проводятся клубные вечеринки для молодых людей (<https://dzen.ru/a/Y10UyPjzoRhFTGBk>, 22.10.2022). Сравним:

Традиция дарить 14-го февраля своим любимым милейшие подарки и оказывать трогательные знаки внимания оказалась настолько популярной, что ее подхватили рестораны, магазины, кинотеатры, катки и даже туроператоры (<https://www.kaluga-poisk.ru/articles/kritika-protiv-romantiki-den-svyatogo-valentina-v-rossii>, 14.02.2019). Контекстуальная поддержка в медиатексте формируется с помощью апеллирования к истории праздника и народным традициям (со ссылкой на Словарь Брокгауза и Ефрона).

Медиаконструирование позиции к празднованию Тыквенного Спаса

Медиафеномен празднования Тыквенного Спаса в России появился в октябре 2023 г.: «*в ижевской школе №16 решили отметить Тыквенный Спас вместо Хэллоуина*» (<https://postnews.ru/a/25683?ysclid=lon4fovy7y785960666>, 24.10.2023). Поэтому содержание тех публикаций, которые к настоящему времени

распространились в медиапространстве, не содержат однозначно негативной/позитивной оценки или нейтрального отношения. Их контент скорее можно анализировать по имеющимся оценочным составляющим, что дает возможность аудитории сделать собственные выводы.

1. Медиаконтексты, воздействующие на формирование **негативной позиции**, связаны с неодобрением названия и празднования этого мероприятия представителями Русской православной церкви:

Однако клирик Иваново-Вознесенской епархии иеромонах Макарий, комментируя инициативу о проведении подобного мероприятия в России, заявил, что это «безумное невежество». Все-таки в русской православной традиции существует всего три Спаса – Яблочный, Медовый и Ореховый. Все их отмечают летом. Так или иначе они связаны с личностью Христа (<https://postnews.ru/a/25683?ysclid=lon4fovy7y785960666>, 24.10.2023). Сравним также:

В РПЦ заявили, что это не «народный праздник», а «черное невежество» (<https://fedpress.ru/article/3277386>, 30.10.2023);

2. Медиаконтексты, воздействующие на формирование **нейтральной позиции**, обусловлены статистикой, демонстрирующей отсутствие явного количественного превосходства россиян, желающих праздновать один праздник вместо другого:

Почти треть (30 %) россиян хотела бы отмечать Тыквенный спас вместо Хэллоуина, показал опрос kp.ru. В нем приняли участие 7,6 тыс. человек. ... Еще 4% респондентов готовы отмечать оба праздника, потому что для них это повод весело провести время. При этом более половины (60%) опрошенных жителей России заявили, что им не нравятся оба праздника. По их мнению, Тыквенный спас является надуманным праздником (<https://gazeta.ru/social/news/2023/10/27/21589945.shtml?ysclid=ls2x1p6lk4945304858&updated>, 27.10.2023).

3. Медиаконтексты, воздействующие на формирование **позитивной позиции**, связаны с:

- поиском праздника-аналога Хэллоуину в своей стране:

...хочется, чтобы для подрастающего поколения не стали культом традиции других стран, когда у нас достаточно «своих» замечательных праздников. ...

Тыквенный Спас – неофициальный славянский народный праздник, отмечающийся в России 31 октября. В этот день тыква почитается как символ урожая, здоровья и долголетия (<https://postnews.ru/a/25683?ysclid=lon4fovy7y785960666>, 24.10.2023);

- позитивной атмосферой праздничных мероприятий:

Новый праздник безобиден, если не воспринимать его слишком серьезно и не относить к церковным. Лучшие назвать его веселым Днем тыквы и просто угоститься осенними плодами в этот день, порадовать близких (<https://www.pravmir.ru/tykvennyj-spas/?ysclid=ls2y6lbed5264353852>, дата обращения 01.02.2024);

...веселый и добрый народный праздник... (<https://fedpress.ru/article/3277386>, 30.10.2023);

- развлекательным характером празднования и современными атрибутами ивент-индустрии:

В программе Тыквенного Спаса – тематический квест с различными заданиями для команд, мастер-класс по вырезанию из тыквы, танцы и общение. Также будет фотозона, где все желающие смогут сделать памятные и атмосферные фотографии. В завершении мероприятия организаторы проведут конкурсы на лучший костюм, лучшие декорации и креативную тыкву, а победителей ждут призы (https://vsluh.ru/novosti/obshchestvo/nash-otvet-khellouinu-tyumenskuyu-molodezh-zovut-na-tykvennyu-spas_400066/?ysclid=ls2z1kjc5x226850605, 23.10.2023). Сравним: также: «Тыкводворье» с «Котами и тыквами»: «Тыквенный спас» впервые пройдет в Елабужском районе (<https://www.tatar-inform.ru/news>, 13.10.2023).

Осмысление результатов контент-анализа и конструирование смысловой интерпретации события, освещаемого в медиатекстах, также позволяет выявить коммерческую, ориентированную на рынок развлечений составляющую Тыквенного Спаса как фактор, влияющий на выстраивание позитивной позиции в российском медиапространстве.

Медиаконструирование позиции к празднованию Дня семьи, любви и верности

Медиаобраз новых российских государственных праздников, в том числе и Дня семьи, любви и верности (8 июля) изучается в работах Д. А. Аникина, А. А. Линченко [1], В. Н. Ефремовой [3] и Т. В. Савельевой [14], которые встраиваются в канву исследования роли СМИ в восприятии этого праздника российским обществом. Представим научные точки зрения наряду с анализом медиаконтекстов.

1. Формирование *негативной позиции*:

1.1. Приводятся исследовательские данные о том, что прямое противопоставление *своего* Дня семьи, любви и верности и *чужого* Дня святого Валентина (Дня влюбленных) воспринимается обществом отрицательно: *«безапелляционная официальная риторика, напрямую противопоставляющая День влюбленных и День любви, семьи и верности, вызывает отторжение праздника. Возражающий дискурс в данном тематическом поле относится к неинституциональным медиа и отличается особой эмоциональностью, язвительностью, сатирическими нападками на фигурантов праздника. Тексты содержат критику, высмеивание, эмотивную и сниженную лексику»* [1, с. 36]. В этой связи *«политическая ангажированность праздника не вызывает сомнений, особенно в русле почти прямого запрета в образовательных учреждениях отмечать День Святого Валентина»* [14, с. 683].

1.2. Примеры медиаконтекстов, которые имеют негативную маркированность: *«Нелюбовь: почему мы не празднуем День семьи, любви и верности», «День семьи и верности: почему в России не прижился праздник Петра и Февронии», «история, изложенная в повести, – не только о любви и верности, но и о чрезвычайной хитрости и целеустремленности Февронии», «Мероприятия, которые устраиваются в российских городах в этот день, полны официоза: выставки и концерты не способствуют тому, чтобы россияне осознали необходимость сохранять браки и жить в любви и верности до тех пор, пока смерть не разлучит их»* (https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/07/a_12486283.shtml?ysclid=ls4wizue2q

276605509, 08.07.2019). Кроме того, Т. В. Савельева предлагает обратить внимание на то, что «высказывания противников праздника предъявляют к нему следующие претензии: отсутствие любви, ... отсутствие детей в браке (у Петра и Февронии – уточнение О. С.), ... развод, ... отсутствие продуманной медиастратегии нового государственного праздника», а также «варьирование общественного восприятия от сомнения до полного отрицания можно проследить по заголовкам медиатекстов: *Зачем нужен фейковый праздник любви и верности? Истинная история отношений Петра и Февронии* (Антидогма, 03.07.2019); *День семьи, лицемерия, продажности, шантажа и лжи. Петр и Феврония* (NATU RALIST, Lieveyournal, 01.01.2015); *Петр и Феврония: как лицемер и шантажистка стали образцовой семьей* (PICABU, 10.08.2022)» [14, с. 683-684].

2. Медиаконтексты, конструирующие **нейтральную позицию**, связаны с информацией о законопроекте, предлагающем сделать 8 июля выходным днем. Например:

Инициаторы законопроекта полагают, что нерабочий день в этот праздник позволит россиянам провести время со своей семьей, что не только поспособствует укреплению родственных уз, но и «заставит молодых людей задуматься над тем, как важно сохранить семью, верность и любовь на протяжении всей жизни» (https://www.dp.ru/a/2022/07/07/V_Gosdumu_vnesli_zakonopr?ysclid=ls4wo7clrj793702072, 07.07.2022).

3. Медиаконтент, влияющий на формирование **позитивной позиции**, включает:

- давние исторические традиции и духовные ценности:

История праздника восходит к православному дню памяти семьи Муромских. В 1990-е годы в Муроме после долгого перерыва возобновили почитание этих святых, а в 2000-х даже перенесли празднование Дня города на эту дату. В 2006 году жители Мурома собрали 20 тысяч подписей под обращением о «Всероссийском дне супружеской любви и семейного счастья», в котором призывали объявить 8 июля всероссийским праздником, посвящённым нравственным и духовным семейным ценностям» (<https://life.ru/p/1591546?ysclid=ls4uiyx97v810988588>, 07.08.2023).

Так, среди акторов, продвигающих праздник, называют Русскую православную церковь, некоммерческие фонды, провластные молодежные и религиозные объединения, региональные администрации (Мурома и Владимира в первую очередь) [3, с. 47-49].

- межконфессиональный потенциал праздника:

Идеи христианства, ислама, буддизма в полной мере соответствуют Дню семьи, любви и верности, поэтому этот праздник по праву можно считать межконфессиональным. ...

...в нашей стране удалось избежать распространения западных тенденций, включающих демонтаж института семьи, восприятие его как пережитка прошлого. В противовес западной повестке, в России государственный курс на сохранение семьи» (<https://lenta.ru/news/2023/07/08/dnsmi/?ysclid=ls4ue1jffx812147156>, 08.07.2023).

• символику праздника и тематические развлекательные мероприятия как религиозного, так и светского характера:

У Дня семьи, любви и верности даже есть собственный символ – это ромашка. Во время праздника принято дарить девушкам именно эти цветы, а также «февроньки» – отечественный аналог валентинок: открытки с изображением ромашек (https://lenta.ru/articles/2023/06/27/petr_i_fevronia/?ysclid=ls4u9vrryv124431781, 27.06.2023);

В рамках празднования Дня семьи, любви и верности в церковных приходах обычно устраивают семейные торжества с концертами, песнями и плясками, конкурсами, обедом на свежем воздухе и другими активностями (https://lenta.ru/articles/2023/06/27/petr_i_fevronia/?ysclid=ls4u9vrryv124431781, 27.06.2023). Сравним также:

...организуются театральные представления, реконструкции сцен из жизнеописания святых Петра и Февронии, мастер-классы по редким ремеслам (<https://ria.ru/20230708/semya-1882525592.html?ysclid=ls4vefq8pv982536204>, 08.07.2023).

Декодирование оценочно маркированных медиатекстов, оказывающих воздействие на формирование позиции российского социума ко Дню любви, семьи и верности, демонстрирует необходимость в более осознанном подходе к вовлечению общества в процесс празднования и также может относиться к сфере индустрии. Этот фактор имеет непосредственную социокультурную обусловленность: «Любой культурный элемент в условиях современного социума проходит (с теми или иными вариациями) через три фазы становления» [7, с. 200], где на первой фазе культурный элемент развивается в пределах определенной социальной группы и не имеет этнической маркировки; на второй фазе культурный элемент постепенно перетекает в публичную сферу и начинает визуально детерминировать отличие одной группы от других; на третьей фазе может быть применен в качестве узнаваемого символа, обозначающего данную группу [17, с. 136]. Иными словами, массовые мероприятия, посвященные праздникам и объединяющие представителей одного общества, а также грамотно сгенерированная символика, способствуют укоренению праздничных мероприятий и снижению резистентности социума.

Символика медиаконструирования

Роль эффективных фасцинативных инструментов [15] медийного и впоследствии материального распространения символики праздников, которые ассоциируются с российскими культурными традициями, могут играть маркетплейсы.

1. Детерминирующими признаками праздничного символа, на наш взгляд, являются оригинальность и нетипичность, которые обеспечивают его узнаваемость наряду с дифференцирующим отличием: привычная символика Хэллоуина в

совокупности с конструкцией противопоставления: «И вовсе не Хэллоуин, а Тыквенный Спас!» (рис. 1).

Рис. 1.

2. Актуализируются только дифференцирующие признаки символов Дня семьи, любви и верности, способствующие постепенной идентификации на локальном и глобальном уровнях: изображение ромашки – символа этого праздника на различных товарах (баннерах, открытках, почтовых марках), популяризирующей направленности (например, рис. 2), а также транслирование зрительных образов святых Петра и Февронии, символизирующих семейные ценности (рис. 3):

Рис. 2

Рис. 3

Соответственно, справедливой представляется следующая точка зрения: «под потреблением (консюмеризмом) подразумеваются отнюдь не только социальные действия, связанные с приобретением за деньги этнически маркированных предметов или перформансов, но и их эстетическая репрезентация. Способ репрезентации аутентичной культуры, представленный на глобальном уровне, должен отвечать определенным эстетическим стандартам, чтобы способствовать привлечению позитивного внимания» [7, с. 200].

Таким образом, использование потенциала маркетплейсов для продвижения символики отечественных праздников, является значимым фактором для медиаконструирования позитивной позиции общества.

ВЫВОДЫ

1.1. Медиаконструирование негативной позиции в социуме связано с транслированием информации о деструктивном духовном воздействии *чужих* праздников на восприятие и сохранение традиций *своей* культуры; акцентируется консюмеризм. СМИ активно освещают точку зрения официальных государственных лиц и представителей церкви.

1.2. Формирование нейтральной позиции в медиaprостранстве по отношению к праздникам, изначально не свойственным традициям *своей* страны, обусловлено: аргументами, связанными с интеграцией *чужих* праздников в российскую праздничную культуру; уверенностью в отсутствии идеологической базы; идеей о поликультурности карнавализованных праздников; возможностью дополнительного заработка для владельцев развлекательных заведений.

1.3. Выстраивание позитивной позиции к *чужим* праздникам в российских СМИ наиболее отчётливо обусловлено материальными атрибутами: подарками, предметными знаками внимания, сферой развлечений.

2.1. Позиция, демонстрирующая неодобрение к *своему* празднику в медиaprостранстве, в одном случае опирается на интерпретацию мероприятия представителями церкви, а в другом – на негативное отношение общества к прямому противопоставлению относительно нового *своего* и давно укоренившегося *чужого* праздников. Медиатексты соответствующего содержания предлагаются в СМИ.

2.2. Нейтральный характер публикаций и выстраивание такой же позиции связаны с формальными причинами: статистикой и законопроектом о выходном дне.

2.3. Медиаконструирование позитивной позиции к праздникам, демонстрирующим отечественные культурные традиции, связано со стремлением маркировать историческую духовную память атрибутами праздничной культуры страны. Разнообразные инструменты такого маркирования предлагает индустрия и маркетплейсы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выявление и изучение разнообразных факторов, которые привлекаются в медиадискурсе для выстраивания оценочного отношения социума к феноменам российских праздников, доказывают наличие единственного амбивалентного фактора – консюмеризма. Его позитивная составляющая имеет особое значение в условиях информационного массмедиакультурного противостояния. Возможность закрепить и распространить символику *своих* праздников в *своем* обществе; предложить торжественные и тематические развлекательные мероприятия, объединяющие представителей разных социальных и возрастных групп, с одной стороны, привлечет большее количество организаций из сферы услуг, туризма и индустрии, а, с другой стороны, повысит лояльность самого общества к праздничной культуре в *своей* стране. А значит трансформация медиатекстов о праздниках, соответствующих отечественным культурным традициям, будет иметь положительную тенденцию.

Список литературы

1. *Аникин Д. А., Линченко А. А.* Памятные даты в символическом пространстве современной России: государственные стратегии и культурные практики // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 30–43.
2. *Болотнова Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие: [16+]. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2019. – 156 с. – Режим доступа: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=603174>. – (Дата обращения: 21.12.2022).
3. *Ефремова В. Н.* Традиционные ценности и современные российские праздники: публичные практики и нарративы // Вестник Пермского университета. Политология. – 2022. – Т. 16. – № 3 (16). – С. 41–51.
4. *Жигульский К.* Праздник и культура. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
5. *Ильин В. А., Морев М. В.* Рубикон пройден: 24 февраля 2022 г. наступил новый этап развития России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 9–30.
6. *Каверина Е. А.* Праздник как эстетический и социальный феномен // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 119–122.
7. *Клепикова Л. В., Климов С. Н.* Культурный консьюмеризм как глобализационное явление // ББК 72 А-11 Автор проекта. – 2019. – С. 198–201.
8. *Литвинова М. В., Кибалко О. В., Кибалко В. В.* Новый год на российских ресурсах медиапространства // Наука. Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики: сб. докладов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Белгород, 10 февраля 2021 г.) : в 4-х томах / отв. ред.: Ю. В. Бовкунова, И. В. Шведова, О. Г. Еремина. – Белгород: БГИИК, 2021. – Т. 4. – С. 241–246.
9. *Маслеева В. В.* Зарубежные праздники в российских СМИ // Вестник Белого генерала. – СПб., АНО НИЦ «Белый генерал». – 2020. – № 2. – С. 40–45.
10. *Морковкин В. В., Богачева Л. Ф., Луцкая Н. М.* Большой универсальный словарь русского языка. – Режим доступа: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA&mode=slovari&dicts%5b%5d=48>. – (Дата обращения: 01.02.2022).
11. Наука. Искусство. Величие. Большой толковый словарь по культурологии. – Режим доступа: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-207-4.htm#zag-979>. – (Дата обращения: 01.02.2022).
12. *Пономарев В. Д.* Театр масс: культурные смыслы праздника и грани профессии режиссера // Праздник как пространство социально-художественных смыслов. – 2018. – С. 52–63.
13. *Пропт В. Я.* Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). – СПб.: Терра – Азбука, 1995. – 176 с.
14. *Савельева Т. В.* Медиаобраз новых российских государственных праздников: причины резистентности // Неофилология. – 2023. – Т. 9. – №. 35. – С. 677–687.
15. *Шилина А. Г., Субботина О. А.* Фасцинирующе-маркетинговая специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в пространстве российского массмаркета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 4. – С. 191–201.
16. *Шилина А. Г., Субботина О. А.* Язык санкций как реалия информационного противостояния: диагностика, типология, прогноз (медиалингвистическая локация) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9. – №. 4. – С. 85–96.
17. *Hannerz U.* Transnational connections: Culture, people, places. – Taylor & Francis US, 1996. – 194 p.

References

1. Anikin D. A., Linchenko A. A. *Pamyatnye daty v simbolicheskom prostranstve sovremennoj Rossii: gosudarstvennye strategii i kul'turnye praktiki* [Commemorative Events in the Symbolic Space of Modern Russia: State Strategies and Cultural Practices]. *Obshchestvo. Kommunikaciya. Obrazovanie*, 2020, V. 11, no. 2, pp. 30–43.
2. Bolotnova, N. S. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticeskogo analiza mediateksta: uchebnoe posobie* [Methods of semantic, linguistic and pragmatic analysis of the media text]. M., Flinta, 2019. 156 p. – Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=603174> (accessed: 21.12.2023).
3. Efremova V. N. *Tradicionnye cennosti i sovremennye rossijskie prazdniki: publichnye praktiki i narrativy* [Traditional Values and Modern Russian Holidays: Public Practices and Narratives]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 2022, V. 16, no. 3 (16), pp. 41–51.
4. Zhigul'skij K. *Prazdnik i kul'tura*, M, Progress, 1985. 336 p.
5. Il'in V. A., Morev M. V. Rubikon projden: 24 fevralya 2022 g. nastupil novyj etap razvitiya Rossii v XXI veke [The Rubicon has been crossed: February 24, 2022, Russia entered a new stage in its development in the 21st century]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2022, V. 15, no. 2, pp. 9–30.
6. Kaverina E. A. *Prazdnik kak esteticheskij i social'nyj fenomen* [Holiday as an Aesthetic and Social Phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 324, pp. 119–122.
7. Klepikova L. V., Klimov S. N. *Kul'turnyj kons'yumerizm kak globalizacionnoe yavlenie* [Cultural consumerism as a globalizing phenomenon]. *BBK 72 A-11 Avtor proekta*, 2019, pp. 198–201.
8. Litvinova M. V., Kibalko O. V., Kibalko V. V. *Novyj god na rossijskih resursah mediaprostranstva* [New Year on Russian Media Recourses]. *Nauka. Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki: sbornik dokladov Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii (Belgorod, 10 fevralya 2021 g.): v 4-h tomah*, Belgorod, BGPIK, 2021, V. 4, pp. 241–246.
9. Masleeva V. V. *Zarubezhnye prazdniki v rossijskih SMI* [Cultural Consumerism as a Globalizing phenomenon] // *Vestnik Belogo generala*. – SPb., ANO NIC “Belyj general”, 2020, no. 2, pp. 40–45.
10. Morkovkin V. V., Bogacheva L. F., Luckaya N. M. *Bol'shoj universal'nyj slovar' russkogo yazyka* [Large Universal Dictionary of the Russian Language]. – Available at: <https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA&mode=slovari&dicts%5b%5d=48>. – (accessed: 01.02.202).
11. *Nauka. Iskusstvo. Velichie. Bol'shoj tolkovyj slovar' po kul'turologii* [Science. Art. Greatness. Large Explanatory Dictionary of Cultural Studies]. – Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/fc/slovar-207-4.htm#zag-979>. – (accessed: 01.02.2023).
12. Ponomarev V. D. *Teatr mass: kul'turnye smysly prazdnika i grani professii rezhissera* [Masses' Theater: the Cultural Meanings of the Holiday and the Director's Profession Facets]. *Prazdnik kak prostranstvo social'no-hudozhestvennyh smyslov*, 2018, pp. 52–63.
13. Propp V. Ya. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Russian Agrarian Holidays: (Historical and Ethnographic Research Experience)]. St. Petersburg, Terra – Azbuka, 1995. 176 p.
14. Savel'eva T. V. *Mediaobraz novyh rossijskih gosudarstvennyh prazdnikov: prichiny rezistentnosti* [Media Image of New Russian Public Holidays: Causes of Resistance]. *Neofilologiya*, 2023, V. 9, no. 35, pp. 677–687.
15. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Fascinativno-marketingovaya special'naya operaciya: osobennosti funkcionirovaniya precedentnyh znakov Z, V, O v prostranstve rossijskogo massmarketa* [Fascinating Marketing Special Operation: Functioning Features of Z, V, O

- Precedent Signs in the Russian Media Space] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, V. 8 (74), no. 4, pp. 191–201.
16. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Yazyk sankcij kak realiya informacionnogo protivostoyaniya: diagnostika, tipologiya, prognoz (medialingvisticheskaya lokaciya)* [Sanctions' Language as a Reality of Information Confrontation: Diagnosis, Typology, Prognosis (Media Linguistic Location)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, V. 9, no. 4, pp. 85–96.
17. Hannerz U. *Transnational connections: Culture, people, places*. Taylor & Francis US, 1996. 194 p.

HOLIDAYS UNDERSTANDING IN THE RUSSIAN MEDIA: MEDIA CONSTRUCTION OF THE SOCIETY ATTITUDE

Subbotina O. A.

The article is devoted to holidays understanding in the Russian media space. The focus of research attention reveals the social and cultural; cognitive and communicative content of festive culture, as it concentrates on media materials revealing various aspects of holidays borrowed from Western European culture (*alien*) and holidays corresponding to domestic cultural traditions (*native*). The study of media texts confirms the need for a thorough research of the mass media and cultural confrontation mechanisms.

The use of an integrated interdisciplinary approach and syncretism of methods (linguistic, cultural, media and psychological, marketing and media content analysis) helps to identify the factors that determine the holidays perception by Russian society. The results of the study demonstrate that media publications influence the media design of negative, neutral and positive attitude in society towards both *alien* and *native* holidays.

The reasons influencing the formation of different types of attitude are illustrated by media texts examples. Among the variety of identified factors, *consumerism* deserves special attention, because in the framework of this study it has an ambivalent nature and a constructive, cognitive and communicative character.

Key words: media design; negative attitude; neutral attitude; positive attitude; *native/ alien* holiday; consumerism; mass media and cultural confrontation.

5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 801.73

ТЕХНОЛОГИЯ «МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ» РУССКОЙ КЛАССИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

Аржанцева Т. В., Капустина С. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: arzhantsevatv@cfuv, kapustina_s_v@mail.ru*

В статье утверждается целесообразность совершенствования коммуникативной и лингвокультурологической компетенций иностранных обучающихся через «медленное чтение» русской литературы. Аргументируется необходимость внедрения указанной технологии в процесс аналитико-интерпретационной работы иностранных студентов продвинутого уровня с теми русскими художественными произведениями, которые считаются трудными для понимания из-за большого количества устаревших слов и словоформ. Подчеркивается важность сосредоточенного отношения к равноуровнево представленным деталям анализируемых текстов: словам, открывающим историко-культурный фон памятников русской словесности; фразеологизмам, погружающим в глубины языковой и национальной архаики; (скрытым) цитатам, продуцирующим интертекстуальные связи произведения, его «вписанность» в литературный контекст эпохи и т. д.

Предлагается вариант «медленного чтения» хрестоматийного для практики РКИ стихотворения А. К. Толстого «Коль любить, так без рассудку...». Конструируется воспроизводимый алгоритм применения исследуемой технологии к поэтическому произведению. Выявляются факторы, способствующие глубинному пониманию студентами-иностранцами стихотворения А. К. Толстого; моделируется система его интертекстуальных связей; корректируются стереотипные представления инокультурной аудитории о русском национальном характере.

Ключевые слова: медленное чтение, технология, искусство, метод, опыт, русский язык как иностранный (РКИ), герменевтика, интерпретация, Алексей Толстой, национальный характер.

ВВЕДЕНИЕ

Словосочетание «медленное чтение» часто используется как в академическом литературоведении, так и в тематически сопряженных научно-популярных работах. Вследствие предельно очевидного смыслового наполнения до 20-х гг. XXI ст. оно редко сопровождалось подробными теоретико-методическими разъяснениями, зато ряд его образных синонимов тенденциозно пополнялся. Однако 2020-й год стал переломным в теории «медленного чтения» благодаря посвященному его всестороннему рассмотрению фундаментальному двухтомному труду, изданному в Институте мировой литературы имени А. М. Горького [14], [29]. В названной работе развивались канонически ассоциируемые с «медленным чтением» взгляды М. О. Гершензона [5] и Н. Я. Эйдельмана [39]; рассматривались заключения других известных теоретиков языка и литературы, обращавшихся к содержанию обозначенного феномена. Ключевыми теоретическими аттестациями «медленного чтения» для авторов издания ИМЛИ РАН стали «искусство» и «опыт», хотя в иных тематически родственных современных статьях оно попеременно соотносится с понятиями «метод» и «технология».

Симптоматично, что термин «технология» преимущественно используется в тандеме с «медленным чтением» в корпусе работ по методике преподавания литературы в школе и вузе. Единичными в этом библиографическом списке остаются статьи, посвященные методике преподавания русского языка как иностранного.

Возможностью рассмотрения популярной сегодня в средней и высшей школе технологии «медленного чтения» русской классики в методически расширенной оптике РКИ определяется *актуальность* настоящего исследования.

Его *цель* – теоретико-методическая трактовка «медленного чтения» как практикоориентированной герменевтической технологии, способствующей, во-первых, совершенствованию у начинающих филологов навыков интерпретации при работе с художественным текстом; во-вторых, оптимизации процесса преподавания ими РКИ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «медленное чтение» правомерно закрепилось в теоретическом арсенале гуманитаристики, поскольку оно ассоциируется с эталонной моделью поведения читателя, нацеленного на многогранное постижение художественного текста. Характерно, что Ф. Ницше возводил этот феномен в статус искусства – и с учетом такого возведения («искусство медленного чтения» [27, с. 36]) характеризовал филологию в целом. Определение немецкого мыслителя оправдано тем, что семантическое и идиостилистическое «развертывание» художественного текста невозможно без первостепенной расшифровки языковых кодов. В свою очередь, «без чтения художественной литературы не может быть полноценного овладения языком» [20, с. 3]. Таким образом, «медленное чтение» как *искусство*, действительно, отражает двуединую дидактическую миссию словесности: через погружение в текст совершенствовать язык читателя; через сосредоточенность на языковых особенностях распознавать новые смысловые и аксиологические преломления произведения.

М. О. Гершензон же *искусством медленного чтения* назвал художественную критику, то есть «искусство видеть сквозь пленительность формы видение художника» [5, с. 18]. Следует заметить, что идентичная ницшеанской формулировка М. О. Гершензона, отнесенная, тем не менее, к иному определяемому, не создает противоречия, а демонстрирует правоту обоих: художественный критик – суть пронзительный филолог по призванию и, пользуясь выражением А. Бема, «гениальный читатель»¹ [3, с. 4]. В концепции М. О. Гершензона подчеркивается масштаб функциональной нагрузки медленного чтения: от *искусства* до *метода*. Ученый настаивает на том, что «произведение <...> может быть правильно понято только в целостной живой личности своего творца, и совершенно не может быть понято вне ее» [5, с. 10], а потому критик, по его мнению, должен, во-первых, «узреть произведение», опираясь не столько на средства исторической поэтики, сколько на

---

¹ Мастерство читателя по-разному идентифицируется известными литераторами и критиками. С феноменом «медленное чтение», думается, выразительно соотносится характеристика В. Набокова: «Хороший читатель, читатель отборный, соучаствующий и созидающий, – это перечитыватель» (цит. по: [21, с. 75]).

психологию творческого процесса, а во-вторых, «учить и других видеть видение поэта, вернее, учить всех читать медленно» [5, с. 19]. Следовательно, метазадача критика, по М. О. Гершензону, быть медиатором между искусством прозрения художественного текста и обучением других методу медленного чтения.

Полисемантность рассматриваемого словосочетания проявляется и в работах Л. В. Щербы, которого Д. С. Лихачев назвал выдающимся «пропагандистом медленного чтения» [38]. Исследователь считал опыт лингвистического толкования стихотворения не узкоспециальной прерогативой, а первым шагом на пути к объективной *филологической* интерпретации. По мнению ученого, опора на языковые средства поэтического произведения обязательна не только для лингвистов, но и для литературоведов. Последних она ограждает от домысливания и искажения, ведь «не могут же они довольствоваться интуицией и рассуждать об идеях, которые <...>, может быть, неправильно вычитали из текста» [38, с. 98]. В собственно же определении «медленного чтения» Л. В. Щерба совместил два ключевые понятия, которые до сих пор воспринимаются многими исследователями указанного феномена как антитетичные: «в нашей культуре издавна не хватает умения внимательно читать и <...> нам надо поучиться этому искусству у французов» [38, с. 99].

Исторической реконструкции принципов медленного чтения, его описанию как «искусства постижения языков культуры, традиций чтения, формировавших культурное самосознание человечества на протяжении столетий» [14, с. 3], а также обоснованию его практической ценности в кругу современных теорий постижения текста посвящен двухчастный фундаментальный труд ИМЛИ РАН «Искусство медленного чтения» [14] и «Опыты медленного чтения: история, традиция. современность» [29]. В первом томе акцентируется внимание на «противоположении метода и искусства медленного чтения, обозначенное в русском литературоведении М. О. Гершензоном» [14, с. 5]. Магистральной для второго тома становится категория «опыт», поскольку способность обозначенного ей феномена «изменять свои очертания в истории меняет и отношение между читателем и текстом» [29, с. 3]. Авторы указанной коллективной монографии настаивают, что «представление принципов “медленного чтения” как любого чтения, внимательного к деталям» обрело характер стереотипа.

Примечательно, что зарождение этого стереотипа было обозначено еще в трудах М. О. Гершензона, который метафорически указал, что темпоральность – только технический параметр в процессе чтения, от которого зависит качество восприятия текста. Исследователь образно завуалировал медленное и быстрое чтение оппозициями «читать пешком» (т. е. подобно внимательному пешеходу, сосредотачиваться на визуальных деталях прогулки) и «читать велосипедно» (т. е. довольствоваться «смазанной» панорамой как человек, едущий на скорости «30 и 40 верст <...> в час» [5, с. 20]). Вполне очевидно, что импровизированный знак равенства между медленным и любым детально сосредоточенным чтением спровоцировал возникновение целого ряда контекстных синонимов, обобщенно отражающих суть, но не методологию исследуемого феномена. Среди таковых «чтение вглубь» (Д. С. Лихачев [25]), «замедленное чтение» (Н. М. Шанский [37, с. 6]), «чтение не "по диагонали", а сверху вниз» (А. В. Западов [11, с. 8]), чтение

«по каплям» (Д. И. Чижевский [35, с. 385]), «многократное перечитывание» (А. Б. Есин [10, с. 20]), «прогулка по тексту <...> в замедленной съемке» (Р. Барт, цит. по: [21, с. 75]), «чтение в ритме древних манускриптов» (Е. Литвяк [23]) и мн. др.

С подачи Н. Я. Эйдельмана словосочетание «медленное чтение» стало весьма востребованной номинацией для рубрик литературоведческих журналов, в которых филологи представляют конкретные наблюдения о произведении либо его фрагменте («Филологический класс», «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» и мн. др.). В статье с императивным названием «Учитесь читать!» Н. Я. Эйдельман, во-первых, обосновал значимость медленного чтения, нетривиально сопоставляя его с быстрым/беглым/аккордным: «Медленное чтение классиков <...> и есть самое быстрое, то есть эффективное: а быстрое – самое медленное, нерентабельное» [39, с. 3]. Во-вторых, ученый инициировал организацию раздела «Учитесь читать!» на платформе журнала «Знание – сила», где планировал размещать анонсы рассматриваемых произведений, а после читать их медленно, опираясь на статьи приглашенных специалистов. Идея создания такого обучающего журнального раздела, думается, возникла «на контрасте» с популяризацией скорочтения: «Курсы быстрого чтения, как известно, распространяются: прекрасно, прогрессивно, не смеем спорить... При одном условии. Если также будут признаны курсы медленного чтения!» [39, с. 4].

«Эйдельмановское условие» предвосхитили иностранные вузы,¹ однако примерно через сорок лет после его выдвижения *технология*² медленного чтения стала активно использоваться как в средней, так и в высшей школе РФ. Полагаем, что указанная терминологическая идентификация феномена «медленное чтение» оптимальна для реализации его дидактического потенциала по нескольким причинам. Во-первых, она, в отличие от категорий «искусство» или «опыт», уместна в контексте приобщения к глубинному постижению художественного текста тех, кто находится на начальном уровне литературного образования. Во-вторых, эта технология, в отличие от метода, не предполагает константности, четкости и универсальности, поскольку базируется на вариативном (модульном) методическом комплексе, состав которого зависит от смысловой «объемности», способов ее экспликации и интертекстуального диапазона каждого конкретного произведения.

---

¹ В западноевропейской теории литературы на протяжении последнего столетия был востребован как термин *speed reading*, так и его антоним – *close reading*. Переведа последний на русский язык как «пристальное чтение», Е. А. Цурганова устанавливает, что его авторство принадлежит английскому критику, психологу, поэту и лингвисту Айвору Ричардсу [34, с. 8]. В основе *пристального чтения* ученый видел «методику работы с текстом», суть которой была представлена в его работах «Принципы литературной критики» (1924), «Практическая критика: Анализ литературного суждения» (1929). Теоретико-методологическое наследие Айвора Ричардса, как отмечает Е. А. Цурганова, было весьма востребовано в иностранных вузах в течение последнего столетия: заключения исследователя и его учеников составили основу пособий для обучения студентов-филологов [34, с. 9].

² Под термином «технология» авторы настоящей статьи, вслед за С. П. Лавлинским, понимают «учение об искусстве, мастерстве, способах самостоятельного моделирования направлений профессионального поведения» [21, с. 14].

На востребованность технологии медленного чтения российскими учителями-словесниками указывает широкая библиография соответствующей тематики, неизменно пополняющаяся теоретико-методическими и практико-обобщающими работами [4], [6], [9], [19], [26], [33] и мн. др. В университетской практике преподавания филологических дисциплин технология медленного чтения не менее популярна. Положительно оценивая ее продуктивность, А. П. Чудаков на рубеже XX–XXI столетий даже предложил методически революционное (радикальное) решение о необходимости замены у студентов-филологов первого года обучения классического курса «Введение в литературоведение» на новый – «Комментированное (“медленное”) чтение романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» [36, с. 7,28].

О. А. Камышева обосновывает целесообразность внедрения технологии «медленного чтения» в методический арсенал современных вузовских дисциплин гуманитарно-эстетического цикла в целом и «Истории мировой литературы и искусства» в частности. Исследователь видит достоинство указанной технологии в стимуляции «процесса сотворчества с автором, на интуитивном уровне открывающего реализацию <...> замысла» [15, с. 36]; соотносит такой подход с развитием у студентов не столько аналитических, сколько интерпретационных навыков.

М. А. Лаппо утверждает, что технология «медленного чтения» расширяет плоскость филологического анализа текста сосредоточением на психолингвистических приемах его трактовки, ведь она «с одной стороны, опирается на филологические аспекты текстоведения, с другой стороны, в полной мере привлекает ресурсы интроспекции» [22, с. 49].

Т. И. Дронова, адаптируя теоретические представления о названной технологии к образовательному процессу высшей школы, предлагает подробную методическую разработку практического курса «Опыты “медленного чтения” русских художественных текстов XX века» для магистрантов второго года обучения профиля подготовки «Русская словесность и журналистика» Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского [7].

Иной контекст вузовского обращения к технологии «медленного чтения» описан В. И. Легких, систематизирующей «опыт проведения курса¹ с частичным использованием “медленного чтения”, апробированного в Венском университете с носителями языка» [24, с. 100]. Исследователь справедливо дифференцирует применение этой технологии для русскоговорящих обучающихся и иностранных студентов по критерию «разности лингвокультурологического фона» [24, с. 101]. В этой связи В. И. Легких подчеркивает эффективность «медленного чтения» при формировании межкультурной компетенции изучающих РКИ литературоведов, переводчиков, культурологов, страноведов: «...носителям языка нужно комментировать такие утраченные реалии, которые носители языка знают и понимают с детства, что существенно замедляет усвоение материала. Именно поэтому подобный специальный курс должен иметь и практическую применимость,

---

¹ Имеется в виду спецкурс «Петербург в русской литературе».

т. е. не только анализировать литературный текст, но и активно использовать языковые упражнения и комментарии. Наиболее интересными для студентов оказываются курсы, имеющие не только узко литературоведческую, но и культурологическую направленность» [там же].

Более многоплановый вариант использования технологии «медленного чтения» в парадигме РКИ апробирован кафедрой русского языка и культуры речи Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского [30]. В ОПОП магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 «Методика преподавания русского языка как иностранного» включена дисциплина «Технология "медленного чтения" русской классики на занятиях по РКИ». Ее основная цель – утверждение значимости указанной технологии при формировании языковой и лингвокультурологической компетенций студентов-инофонов; обозначение продуктивных способов ее внедрения в практику занятий по русскому языку как иностранному. Следовательно, сформулированная М. О. Гершензоном метазадача профессионального критика, подразумевающая своеобразное посредничество между искусством «медленного чтения» художественного текста и применением этого опыта в обучающих целях, перспективна и для филологов-магистрантов, будущих специалистов РКИ. Ведущий же эту дисциплину преподаватель стремится к реализации усложненной версии представленной метазадачи, ведь он *учит учить* «медленному чтению» классики, то есть эмпирически доказывает эффективность указанной технологии магистрантам, которые в дальнейшем будут применять ее в иностранной аудитории.

Важно, что в аспекте РКИ уместна буквализация словосочетания «медленное чтение» в теоретических статьях, нацеленных на описание технической стороны обучения чтению иностранных слушателей подготовительных отделений [1, с. 23]. Безусловно, эту номинацию, указывающую на отработку автоматизированного навыка аудиального воспроизведения текста студентами, необходимо отличать от омонимичной, предполагающей его смысловое и культурное декодирование. В редких случаях один и тот же художественный текст может служить материалом на начальном уровне подготовки – для формального «медленного чтения», а на продвинутом – для смыслового. Это относится в основном к поэзии. Например, стихотворение А. К. Толстого «Коль любить, так без рассудку...» традиционно включается в книги для чтения (антологии русской поэзии; сборники текстовых фрагментов и т. д.) по РКИ [8]. Студенты подфака изначально обращаются к нему как к своеобразному «тренажеру» для артикуляционной и акцентологической ¹ разминки; иностранные же обучающиеся продвинутого уровня в процессе «медленного чтения» этого стихотворения совершенствуют представление о русском национальном характере, о мотивирующих нарративах поэзии периода Крымской войны и ее истории, о «народном» варианте лексики, фразеологии, морфологии русского языка и т. д. Полагаем, хрестоматийность стихотворения А. К. Толстого в парадигме РКИ объясняется прежде всего его небольшим объемом – всего два предложения:

---

¹ Подробнее о методологических основах обучения чтению и совершенствования акцентологии см.: [1], [2].

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!*

*Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой! (1854) [32, с. 178].*

Однако отмеченная лаконичность отнюдь не препятствует его собственно языковой, лингвокультурологической и интертекстуальной насыщенности. Д. С. Лихачев писал о «медленном чтении» поэзии: «...стихи же вообще нельзя прочитать с первого раза. Сперва нужно уловить музыку стиха, затем уже читать с этой музыкой – про себя или вслух» (цит. по: [21, с. 202]). Первичное чтение позволяет иностранным студентам услышать почти абстрактную музыку стихотворения А. К. Толстого, а спустя годы обучения языку и погружения в культурный контекст распознать в ней гармонию смыслов.

Для того чтобы применить технологию «медленного чтения» к выбранному произведению, необходимо обозначить ее условный, зависящий от семантической концентрированности материала, и понятный для восприятия иностранцами алгоритм. Полагаем, что первый его пункт – *выбор текста* – был успешно преодолен нами благодаря востребованности стихотворения «Коль любить, так без рассудку...» у методистов РКИ.

Второй пункт – *анализ языковых средств художественного произведения* – предполагает поисковое чтение, нацеленное на выявление незнакомых (искаженных) либо намеренно частотно употребляемых слов / словоформ, свободных / идиоматических сочетаний и т. д.

Безусловно, внимание студентов привлекут повторяющиеся устаревшие варианты союзов *коль* и *коли*, выбор которых регулирует ударный слог следующего слова: **коль** *та-та́* (**коли** *та́-та*). Очевидно, что стихотворение построено на повторяющейся синтаксической формуле: **коль** (**коли**) ..., **так** ..., которая по смыслу совпадает с конструкцией, выражающей условие: **если** ..., **то** ... . Рекомендуется заменить исходную схему на семантически эквивалентную и установить, произошли ли какие-нибудь иные изменения:

*Если любить, то без рассудку,
Если грозить, то не на шутку,
Если ругнуть, то сгоряча,
Если рубнуть, то уж сплеча(!).*

Нарушения рифмы не наблюдается, однако текст приобретает иную – более нейтральную (неочевидно восклицательную) – тональность. Аналогичную замену целесообразно сделать в синтаксически похожих контекстах:

а) «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина:

*Коль ты старьй человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица!;*

б) былины «Добрыня и Настасья»:

*Коли молод в мешке – будет брат родной,
Коли старьй в мешке – да голову сниму,
Коли ровня мне, так я замуж пойду!*

Что объединяет исходные и трансформированные версии? Почему в качестве сопутствующих примеров избраны сказка о богатырях и былина? Какого эффекта стремился добиться А. К. Толстой, анафорически используя устаревшие варианты союзов *коли/коль*? Какие еще элементы анализируемого стихотворения указывают на стилизацию под героический эпос? (**устаревшая лексика:** «*карать*» (= «наказывать»); **трансформированные фразеологизмы:** «*грозить не на шутку*» (искон.: «рассердиться не на шутку»); «*рубнуть с плеча*» (искон.: рубить с плеча»); **полный фразеологизм:** «*пир горой*»; **морфологические варианты:** (окончание -у существительного мужского рода с основой на согласный в родительном падеже) «*без рассудкУ*»; (глаголы совершенного вида со значением однократного действия, реализуемого суффиксом -ну-) «*рубнуть*», «*ругнуть*» и т. д.).

После тщательной лингвистической работы с поэтическим текстом рекомендуется просмотр видеозаписи с романсом Р. Г. Глиэра «Коль любить, так без рассудку...», в основу которого положено стихотворение А. К. Толстого (исполнитель Ю. А. Гуляев; концерт 1978 г.). По завершении просмотра целесообразно обсудить: а) градационную тональность романса; б) значение невербальных средств, используемых исполнителем; в) вероятность аналогичного восприятия музыкального произведения при замене устаревших условных формул с вариантами союзов «*коли*» / «*коль*» на современную конструкцию с «*если*».

Третий пункт алгоритма – *введение историко-культурного комментария* – основан на приобщении иностранных студентов к азам профессионального анализа художественной литературы, подразумевающего знакомство с авторитетными критическими материалами.

На данном этапе важно обратить внимание обучающихся на историю замысла стихотворения, на отношение А. К. Толстого к Крымской войне и ее роль в его биографии, на желание поэта поднять дух соотечественников близким и понятным им всем – от дворян до крестьян – *народным словом*, будто бы открывающим преемственность силы воинов XIX в. от исконных защитников Земли Русской – богатырей.

Нередко среди характеристик стихотворения «Коль любить, так без рассудку...» встречается та, которая явно указывает на его поверхностное восприятие интерпретатором, – «любовная (интимная) лирика». Полагаем, что некорректная жанровая идентификация произведения провоцируется семантическими ударениями, расставленными в первой его строке, ставшей впоследствии названием. Однако обращение к истории стихотворения доказывает, что оно не о любовных переживаниях, а о русском характере, отличающемся, в том числе, необъятной силой любви. Справедливость этого тезиса подтверждает дожурнальная версия стихотворения А. К. Толстого, в первой строке которой иной штрих к собирательному портрету русского человека:

*Коль смотреть – смотреть уж в оба,
Коли помнить, так до гроба,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой,
Коли плыть, так плыть как гусь,
Коли гибнуть, так за Русь,
Коль кричать, так с нами Бог!* [32, с. 404].

Методически оправданно, во-первых, продолжить начатую лингвистическую работу и определить, какие проявления народной речи есть в дожурнальной редакции. Во-вторых, сравнить оба текста стихотворения и предположить, почему они совпадают в строках об искреннем прощении и щедром пире. Уместно ли было включать в воодушевляющее и жизнеутверждающее произведение указание на готовность воинов к принятию героической смерти? Почему важный штрих про упование на Бога сопровождается глаголом «кричать»? Отчего столь значимая для русского воина характеристика не вошла в финальную версию стихотворения?

Следующий алгоритмический пункт – *реконструкция концептуального ядра текста* – нацеливает читателей (перечитывателей) на подробное рассмотрение тех штрихов русского характера, которые А. К. Толстой особенно выделил при его поэтизации. Вспомогательным материалом для выполнения этого задания может стать высказывание о стихотворении А. Новиковой-Строгановой: «В двух четверостишиях-восклицаниях, выдержанных в духе и стиле народной речи, любование и упоение богатырской силой, удалью, душевной красотой русского человека приобретают поистине эпический былинный размах, вырастают до высоты вневременного, вечного» [28].

Апелляции к богатырству как явлению русской национальной героики, безусловно, диктуют предварительное условие осуществления «медленного чтения» стихотворения «Коль любить, так без рассудку...» – знакомство иностранных студентов с былинным эпосом. Важно, чтобы обучающиеся имели представление о том, что физическая сила защитников Земли Русской была следствием крепости духовной, которая нередко открывала для богатырей путь от ратного подвига к церковному служению Богу¹. Концептуально значимо отметить то, что к осмыслению богатырских образов чаще обращались русские классики кризисных эпох².

¹ Подробнее об этом см.: [13], [18].

² См. работы: [16], [17].

В алгоритм «медленного чтения» могут быть введены и иные пункты, расширяющие горизонты толкования текста. Например, пункт *привлечение экспертного мнения*, целесообразность выделения которого объясняется тем, что далеко не все суждения по тематике анализируемого произведения высказываются профессиональными критиками и литературоведами. Побуждающие к новым траекториям «медленного чтения» идеи могут быть зафиксированы, например, в научно-популярных статьях, публицистике или медиатекстах.

ВЫВОДЫ

Технология «медленного чтения» в практике преподавания РКИ способствует осознанию студентами-иностранцами тех глубинных пластов русской культуры, следы которых остались запечатлены в классических литературных произведениях. Устаревшее слово или необычная словоформа, полный или усеченный фразеологизм, скрытая либо прямая цитата – те языковые артефакты, вдумчивое исследование которых не только обогащает лексикон иностранных обучающихся, но и помогает составить фоновые знания о культурно маркированных доминантах русского народа.

Освоение иностранцами герменевтической технологии «медленного чтения» учит их обращать пристальное внимание на детали повествования, замечать в русском художественном тексте то, чему не сразу находится логичное объяснение.

Алгоритм осуществления «медленного чтения» подчинен модульному принципу. Наличие и последовательность пунктов зависят от концентрации в произведении смыслозадающих элементов, их интертекстуального потенциала и т. д.

При «медленном чтении» стихотворения А. К. Толстого «Коль любить, так без рассудку...» в контексте РКИ был использован четырехчастный алгоритм: *выбор текста – анализ его языковых средств – введение историко-культурного комментария – реконструкция концептуального ядра*. Считаем, что апробированная последовательность внедрения технологии «медленного чтения» продуктивна и воспроизводима, однако, без сомнения, она может быть дополнена и иными пунктами толкования текста.

Перспективу исследования составляет издание комплексного учебно-методического пособия, посвященного описанию технологии «медленного чтения» русской прозы и поэзии в аспекте РКИ.

Список литературы

1. Акупова В. В. Обучение технике чтения на уроках русского языка как иностранного // Вопросы педагогики. – 2020. – №11-2. – С. 21–23.
2. Аржанцева Т. В., Капустина С. В. Формирование акцентологической компетенции в процессе профессиональной подготовки экскурсоводов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И Вернадского. Филологические науки. – Т. 9. – № 4. – 2023. – С. 163–177.
3. Бем А. Л. Достоевский – гениальный читатель // О Достоевском. Избранные работы. – М.: Юрайт, 2018. – С. 4–19.
4. Виноградова Е. М. «Звено в звено и форма в форму»: методика медленного чтения художественного текста // Русский язык в школе. – 2018. – № 79 (4). – С. 27–31.
5. Гершензон М. О. Видение поэта. – М.: Госиздат, 1919. – 81 с.

6. *Голубков С. А.* О необходимости медленного чтения и способах его организации на уроках литературы в школе // Поволжский педагогический вестник. – 2021. – № 2 (31). – С. 45–50.
7. *Дронова Т. И.* Опыты «медленного чтения» русских художественных текстов XX века: учебно-методическое пособие. – Саратов, 2018. – 100 с.
8. *Егорова И. Б., Коваленко Б. Н.* От Пушкина до Бродского: 25 русских поэтов. Антология русской поэзии XIX–XX веков: учебное пособие для студентов-иностранцев. – СПб.: Русская классика, 2003. – 126 с.
9. *Екимова Л. В.* Приемы смыслового чтения и анализа художественного текста в школе // Гуманитарные научные исследования. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2020/03/26485>. – (Дата обращения: 05.03.2024).
10. *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения: учебное пособие. – М.: Флинта – Наука, 2000. – 248 с.
11. *Западов А. В.* В глубине строки. О мастерстве читателя. – М.: Советский писатель, 1975. – 296 с.
12. *Зорина Н. В.* Метод внимательного (медленного) чтения: теория и опыт практического применения // Язык и культура. – 2021. – № 55. – С. 220–233.
13. *Зябрева Г. А., Капустина С. В.* Художественный концепт «Богатырство» в творчестве Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Ученые записки Таврического национального университета. Серия «Филология». – 2011. – Т. 24 (63). – № 1-1. – С. 112–121.
14. Искусство медленного чтения: коллективная монография / Отв. ред. Н. Н. Смирнова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. – 368 с.
15. *Камышева О. А.* Технология «медленного чтения» в практике преподавания дисциплины «История мировой литературы и искусства» // Поволжский педагогический вестник. – 2014. – № 3 (4). – С. 34–41.
16. *Капустина С. В.* Феномен богатырства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. – 2014. – № 12. – С. 233–243.
17. *Капустина С. В.* Концепт «Богатырство» в русской литературе: диалектика константного и оригинального // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. – 2019. – № 2. – С. 27–32.
18. *Капустина С. В.* Православный кардиогнозис русского народа как основа богатырства (на материале «Дневника Писателя» Ф. М. Достоевского) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 46. – С. 44–52.
19. *Костина И. Б.* Литература в школе. 5–11 классы: Изучение рассказов А. П. Чехова: этапы, содержание, технологии. – М.: Учитель, 2023. – 115 с.
20. *Кулибина Н. В.* Зачем, что и как читать на уроке? Художественный текст при изучении русского языка как иностранного. – М.: Златоуст, 2015. – 290 с.
21. *Лавлинский С. П.* Технология литературного образования. Коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. – М.: Прогресс, 2003. – 384 с.
22. *Лаппо М. А.* Технология «медленного чтения» (психолингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Так вслушиваются...») // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2012. – № 10. – С. 49–70.
23. *Литвяк Е.* Мастерская медленного чтения: в ритме древних манускриптов. – Режим доступа: <https://www.parmambook.ru/articles/4102/>. – (Дата обращения: 05.03.2024).
24. *Легких В. И.* «Медленное чтение» с носителями языка и формирование межкультурной компетенции. Опыт университетского курса с частичным использованием «медленного чтения» // Многоязычие и межкультурная коммуникация: вызовы XXI века. – 2016. – С. 100–104.

25. Лихачев Д. И., Шеваров Д. А. Беседа о русском языке и ненормативной лексике. – Режим доступа: <http://www.na-gore.ru/articles/lihachev.htm> – (Дата обращения: 05.03.2024).
26. Налегач Н. В. Практикум по медленному чтению в современной школе // Филологический класс. – 2015. – №4 (42). – 42–45.
27. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. – М.: Академический проект, 2008. – 336 с.
28. Новикова-Строганова А. «И стал мне виден мир незримый...». К 205-летию Алексея Константиновича Толстого // Журнальный зал. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/ra/2022/5/i-stal-mne-viden-mir-nezrimyj.html> – (Дата обращения: 05.03.2024).
29. Опыты медленного чтения: история, традиция, современность: коллективная монография / Отв. ред. Н. Н. Смирнова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 368 с.
30. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография / под ред. Л. А. Ореховой, Т. В. Аржанцевой. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.
31. Смирнова Т. М. Медленное чтение как средство эстетического воспитания // Начальная школа. – 1996. – № 11. – С. 28–31.
32. Толстой А. К. Собрание сочинений: в 4-х тт. / под ред. Л. Г. Краснюк. – М.: Издательство «Правда», 1980. – Т. 1. – 496 с.
33. Фуксон Л. Ю. Интерпретация фрагмента текста как опыт «медленного чтения» // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 3. – С. 193–197.
34. Цурганова Е. А. И снова о «пристальном чтении»: к 100-летию возникновения термина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2019. – № 1. – С. 7–12.
35. Чижевский Д. И. О «Шинели» Гоголя // Философские сочинения: в 4-х тт. – Киев: Смолоскип, 2005. – Т. 3. – 420 с.
36. Чудаков А. П. Медленное чтение «Евгения Онегина» как курс введения в литературоведение // *Analysieren als Deuten* Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. – Hamburg: Hamburg University Press, 2007. – С. 277–299.
37. Шанский Н. М. Филологический анализ художественного текста. – М.: Русское слово-учебник, 2013. – 256 с.
38. Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1957. – С. 97–109.
39. Эйдельман Н. Я. Учитесь читать! // Знание – сила. – 1979. – № 8. – С. 1–8.

References

1. Акупова В. В. *Obuchenie tekhnike chteniya na urokah russkogo yazyka kak inostrannogo* [Teaching reading techniques in Russian as a foreign language lessons]. *Voprosy pedagogiki*, 2020, no 11–2, pp. 21–23.
2. Arzhanceva T. V., Kapustina S. V. *Formirovanie akcentologicheskoy kompetencii v processe professionalnoy podgotovki ekskursovodov* [Formation of accentological competence in the process of professional training of guides]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. 9, no 4, pp. 163–177.
3. Bem A. L. *Dostoevskiy – genialnyy chitatel* [Dostoevsky is a brilliant reader]. *O Dostoevskom. Izbrannye raboty*. Moscow, Urait Publ., 2018. pp. 4–19.
4. Vinogradova Ye. M. "Zveno v zveno i forma v formu": *metodika medlennogo chteniya hudozhestvennogo teksta* ["Link to link and form to form": a technique for slow reading of a literary text]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2018, no. 79 (4), pp. 27–31.
5. Gershenzon M. O. *Videnie poeta* [The poet's vision]. Moscow, Gosizdat Publ., 1919. 81 p.

6. Golubkov S. A. *O neobходимosti medlennogo chteniya i sposobah ego organizacii na urokah literatury v shkole* [About the need for slow reading and how to organize it in literature lessons at school]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2021, no 2(31), pp. 45–50.
7. Dronova T. I. *Opyty medlennogo chteniya russkih khudozhestvennyh tekstov XX veka* [Experiments of “close reading” of Russian literary texts of the twentieth century]. Saratov, 2018. 100 p.
8. Yegorova I. B. Kovalenko B. N. *Ot Pushkina do Brodskogo: 25 russkih poehtov. Antologiya russkoy poezii XIX–XX vekov* [From Pushkin to Brodsky: 25 Russian poets. Anthology of Russian poetry of the XIX–XX centuries]. Saint-Petersburg, Russkaya klassika Publ., 2003. 126 p.
9. Yekimova L. V. *Priemy smyslovogo chteniya i analiza hudozhestvennogo teksta v shkole* [Methods of semantic reading and analysis of literary text at school]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2020, no 3. Available from: <https://human.snauka.ru/2020/03/26485> (accessed 05 March 2024).
10. Esin A. B. *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie* [Principles and techniques of literary work analysis]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2000. 248 p.
11. Zapadov A. V. *V glubine stroki. O masterstve chitatelya* [In the back of the line. About the skill of the reader]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 1975, 296 p.
12. Zorina N. V. *Metod vnimatel'nogo (medlennogo) chteniya: teoriya i opyt prakticheskogo primeneniya* [The method of attentive (close) reading: theory and practical application experience]. *Yazyk i kultura*, 2021, no 55, pp. 220–233.
13. Zyabreva G. A., Kapustina S. V. *Hudozhestvennyi koncept “Bogatyrstvo” v tvorchestve N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo* [The artistic concept of "Bogatyrstvo" in the works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta. Seriya “Filologiya”*, 2011, vol. 24 (63), no 1-1, pp. 112–121.
14. *Iskusstvo medlennogo chteniya: kollektivnaya monografiya* [The art of close reading]. Edit. by N. N. Smirnova. Moscow, Kanon Publ., 2020. 368 p.
15. Kamysheva O. A. *Tekhnologiya “medlennogo chteniya” v praktike prepodavaniya discipliny “Istoriya mirovoj literatury i iskusstva”* [The technology of "close reading" in the practice of teaching the discipline "History of World Literature and Art"]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2014, no 3 (4), pp. 34–41.
16. Kapustina S. V. *Fenomen bogatyrstva v traktovke N. V. Gogolya i F. M. Dostoevskogo* [The phenomenon of bogatyrstvo in the interpretation of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2014, no 12, pp. 233–243.
17. Kapustina S. V. *Koncept «Bogatyrstvo» v russkoy literature: dialektika konstantnogo i originalnogo* [The concept of "Bogatyrstvo" in Russian literature: the dialectic of constant and original]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, no 2, pp.27–32.
18. Kapustina S. V. *Pravoslavnyi kardiognozis russkogo naroda kak osnova bogatyrstva (na materiale “Dnevnik Pisatelya” F. M. Dostoevskogo)* [Orthodox cardiognosis of the Russian people as the basis of bogatyrstvo (based on the material of the "Diary of a Writer" by F. M. Dostoevsky)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie*, 2022, no 46, pp. 44–52.
19. Kostina I. B. *Literatura v shkole. 5 -11 klassy: Izuchenie rasskazov A. P. Chekhova: etapy, sodержanie, tekhnologii* [Literature at school. Grades 5-11: Studying the stories by A. P. Chekhov: stages, content, technologies]. Moscow, Uchitel Publ., 2023. 115 p.
20. Kulibina N. V. *Zachem, chto i kak chitat na uroke? Khudozhestvennyi tekst pri izuchenii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Why, what and how to read in class? Artistic text when learning Russian as a foreign language]. Moscow, Zlatoust Publ, 2015. 290 p.

21. Lavlinskiy S. P. *Tekhnologiya literaturnogo obrazovaniya. Kommunikativno-deyatelnostnyi podhod* [Technology of literary education. A communicative and activity-based approach]. Moscow, Progres Publ., 2003, 384 p.
22. Lappo M. A. *Tekhnologiya «medlennogo chteniya» (psiholingvisticheskiy analiz stihotvoreniya M. Cvetaevoy "Tak vslushivayutsya...")* [The technology of "slow reading" (psycholinguistic analysis of M. Tsvetaeva's poem "So they listen...")]. *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatelnosti*, 2012, no 10, pp. 49–70.
23. Litvyak Ye. *Masterskaya medlennogo chteniya v ritme drevnih manuskriptov* [The workshop of slow reading: in the rhythm of ancient manuscripts]. Available from: <https://www.papmambook.ru/articles/4102/> (accessed 05 March 2024).
24. Legkih V. I. *"Medlennoe chtenie" s nenositelyami yazyka i formirovanie mezhkulturnoy kompetencii. Opyt universitetskogo kursa s chastichnym ispolzovaniem «medlennogo chteniya»* ["Close reading" with non-native speakers and the formation of intercultural competence. The experience of a university course with partial use of "close reading"]. *Mnogoyazychie i mezhkulturnaya kommunikaciya: vyzovy XXI veka*, 2016, pp. 100–104.
25. Lihachev D. I., Shevarov D. A. *Beseda o russkom yazyke i nenormativnoy leksike* [A conversation about the Russian language and profanity]. Available from <http://www.na-gore.ru/articles/lihachev.html> (accessed 05 March 2024).
26. Nalegach N. V. *Praktikum po medlennomu chteniyu v sovremennoy shkole* [A workshop on slow reading in a modern school]. *Filologicheskiy klass*, 2015, no 4 (42), pp. 42–45.
27. Nicshe F. *Utrennyaya zarya. Mysli o moralnyh predrassudkah* [The morning dawn. Thoughts on moral prejudice]. Moscow, Akademicheskiiy proekt Publ., 2008. 336 p.
28. Novikova-Stroganova A. *"I stal mne viden mir nezrimyi...". K 205-letiyu Alekseya Konstantinovicha Tolstogo* ["And the invisible world became visible to me...". On the 205th anniversary of Alexei Konstantinovich Tolstoy]. *Zhurnalnyi zal*. Available from: <https://magazines.gorky.media/ra/2022/5/i-stal-mne-viden-mir-nezrimyj.html> (accessed 05 March 2024).
29. *Opyty medlennogo chteniya: istoriya, tradiciya, sovremennost* [Close reading experiences: history, tradition, modernity]. Edit. by N. N. Smirnova. Moscow, Kanon Publ., 2021. 368 p.
30. *Prepodavanie russkogo yazyka v Krymu: Istoricheskiy i etnokulturnyi kontekst* [Teaching the Russian language in Crimea: historical and ethnocultural context]. Edit. by T. V. Arzhantseva, L. A. Orekhova, A. V. Petrov [etc.]. Simferopol, Krymskiy federalnyi universitet imeni V. I. Vernadskogo Publ., 2022. 200 p.
31. Smirnova T. M. *Medlennoe chtenie kak sredstvo esteticheskogo vospitaniya* [Close reading as a means of aesthetic education]. *Nachalnaya shkola*, 1996, no 11, pp. 28–31.
32. Tolstoy A. K. *Sobranie sochineniy: v 4-h tomakh* [Collected works: in 4 volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1980, vol. 1. 496 p.
33. Fukson L. Yu. *Interpretaciya fragmenta teksta kak opyt "medlennogo chteniya"* [Interpreting a text fragment as a "slow reading" experience]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal*, 2015, no 3, pp. 193–197.
34. Tsurganova Ye. A. *I snova o «pristalnom chtenii»: k 100-letiyu vzniknoveniya termina* [And again about "close reading": on the centenary of the term]. *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura*, 2019, no 1, pp. 7–12.
35. Chizhevskiy D. I. *O "Shineli" Gogolya* [About "Shinel" by Gogol]. *Filosofskie sochineniya: v 4-h tomah*. Kiev, Smoloskip Publ., 2005, vol. 3. 420 p.
36. Chudakov A. P. *Medlennoe chtenie «Evgeniya Onegina» kak kurs vvedeniya v literaturovedenie* [Close reading of "Eugene Onegin" as an introduction to literary studies course]. *Analysieren als Deuten Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Hamburg, Hamburg University Press, 2007, pp. 277–299.

37. Shanskiy N. M. *Filologicheskiy analiz hudozhestvennogo teksta* [Philological analysis of a literary text]. Moscow, Russkoe slovo-uchebnik Publ., 2013. 256 p.
38. Shcherba L. V. *Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stihotvoreniy* [Experiments in the linguistic interpretation of poems]. L. V. Shcherba. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku*. Moscow, State Publ., 1957, pp. 97–109.
39. Eydelman N. Ya. *Uchites chitat!* [Learn to read!]. *Znanie*, 1979, no 8, pp. 1–8.

TECHNOLOGY OF “CLOSE READING” OF RUSSIAN CLASSICS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Arzhantseva T. V., Kapustina S. V.

The article is devoted to substantiating the effectiveness of the “close reading” technology in the aspect of teaching Russian as a foreign language. The expediency of improving the communicative and linguistic-cultural competencies of foreign students through “close reading” of Russian literature is conforming. The necessity of introducing this technology into the process of analytical and interpretative work of advanced-level foreign students with those Russian works of art, the lexical (morphological) design of which, at first glance, is outdated, is reasoning. The importance of a focused attitude to the details of the analyzed texts presented at different levels is emphasized: by words that reveal the historical and cultural background of the monuments of Russian literature; by phraseological units that plunge into the depths of linguistic and national archaism; by (hidden) quotes that produce intertextual connections of the work, its «fitness» into the literary context of the era, etc.

A variant of “close reading” of Alexey Tolstoy’s poem “If to love then as in sonnets...” is proposed, a textbook for the practice of RFL. A reproducible algorithm for applying the technology under study to a poetic work is constructed. Factors that contribute to a deep understanding of Alexey Tolstoy’s poem by foreign students are identified; the system of its intertextual connections is modeled (epos; fairy tales by Alexander Pushkin etc.); stereotypical ideas of foreign cultural audiences about the Russian national character are corrected.

Keywords: close reading, technology, art, method, experience, Russian as a foreign language (RFL), hermeneutics, interpretation, Alexey Tolstoy, national character.

UDC 378.147

THE ROLE OF CORPORA IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

Mikhaylova A. G.

Sevastopol State University, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-9419-543X>

Currently the problem of corpus approach application as digital means to solve foreign language education issues are relevant due to foreign language study enhances one's opportunities in technology, military, business, government, medicine, law, industry, marketing, etc. The purpose of the study: to identify the main role of corpora in teaching a foreign language. The following research methods are: content analysis of scientific literature on the research topic, interpretation, systematization, structuring. Language education as a process of cognitive activity aimed at mastering language and speech, at self-development and personality formation. It is based on the ability and readiness formation to participate in oral, written, virtual, intercultural, organizational, corporate, scientific communication using foreign languages as a means. In the context of foreign language education high requirements for teaching practical skills of translating texts in the specialty and special terminology are put in. It is necessary to create a connection between the digital society and the humanities education, which is supposed to be a digital culture. There are technologies associated with the routine process of developing work programs, means, etc. Expanding the corpus capacity to translate texts contributes to the diversification of learning processes through digital technologies.

Keywords: digital society, corpus, translation, training, foreign language.

PROBLEM STATEMENT

The concept of humanization of higher education is originally understood as protection against the technization of society, not accidentally called the scientific and technological revolution.

Foreign languages translation is founded on an interdisciplinary basis [6]. It is aimed at “development of communicative, cognitive, sociocultural, informational, professional and general cultural competencies...” [9, p. 147]. The ability to translate professional texts is valuable for specialists [15]. The task of educators is to teach students to translate texts taking into account the factor of cultural differences.

Today, “the concept of correspondence and/or equivalence has been a complex issue among translation experts and theorists due to the cultural dimension involved in the languages involved (source language and target language)” [2, p. 50].

More essentially, teaching corpus features to university students would be useful as it could affect the quality of translated text. Nevertheless the genre frequency of collocation analysis (for example, “adj. + problem”) would be an important aspect in foreign language education that should be emphasized in academic classes.

The paper aims to investigate if compiling a corpus of personal statements can lead to creating an effective corpus-based activities to be taught in teaching writing a personal statement. T

Corpus linguistics was studied by different authors [7, 10, 11, 16, 25]. The practice issues of corpus linguistics were stated by D. Biber, S. Conrad, R. Reppen (1998) [4], M. Baker (1999) [3], Kyung Hye Kim [14], S. Johansson [12], M. McCarthy [18], S. Voelkel, F. Kretzschmar [25] and others.

Analysis of recent achievements and publications shows that translation technology is the software tools use to facilitate text conversion from one language to another which can increase efficiency, productivity in managing multilingual text content.

The problem in general can be defined: what are the effective digital means of text interpretation? Its connection with important scientific and practical issues is in the fact that digital educational technologies are an innovative way of the educational process realizing [13]. It is based on the electronic systems application that provides visibility [17].

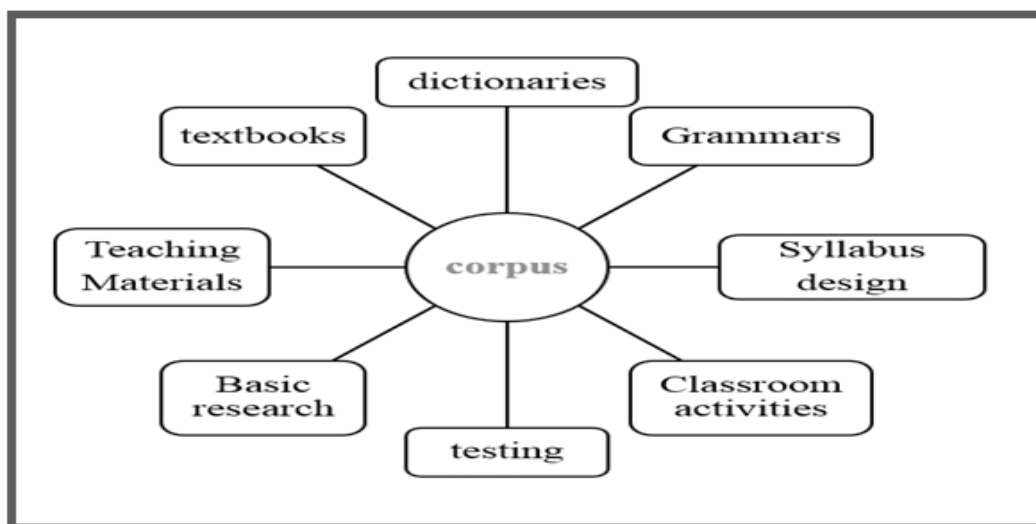
The novelty of the study is in solution problems of translation and interpreting studies using the corpus approach. The paper analyzed a part of the concordancer for the verb crack and the frequency of collocation “adj. + problem” in the Second or Successive Habeas Corpus Petition (SOS) case corpus. The results can be used to create corpus-based excersises.

The purpose. In this paper we study the issues of corpus approach using to solve translation problems. Language is to be considered as an essential part of understanding of the world. It affects science, culture and religion. The barriers occured have to be diminished by means of translations tools. The following tasks are to be solved: to define the role of electronic corpora in appropriate selection of vocabulary; to find a type of language corpora to process text information. The Corpus of Contemporary American English (COCA) was chosen as the corpus program for this study.

THE MAIN RESEARCH MATERIAL

K. Bouziane wrote about cultural transfer in advertising. She proposes the strategies in the transferring of verbal elements non-verbal elements in advertising from using semiotic tools [5]. A. Negoescu writes about discourse aspects. When considering language in use in real situations these boundaries between the levels of the language are blurry [23].

Many scientists are “strongly arguing for the effective relevance of corpora in language teaching” [1, p. 108]. Corpora could impact language teaching in the various areas (picture 1).

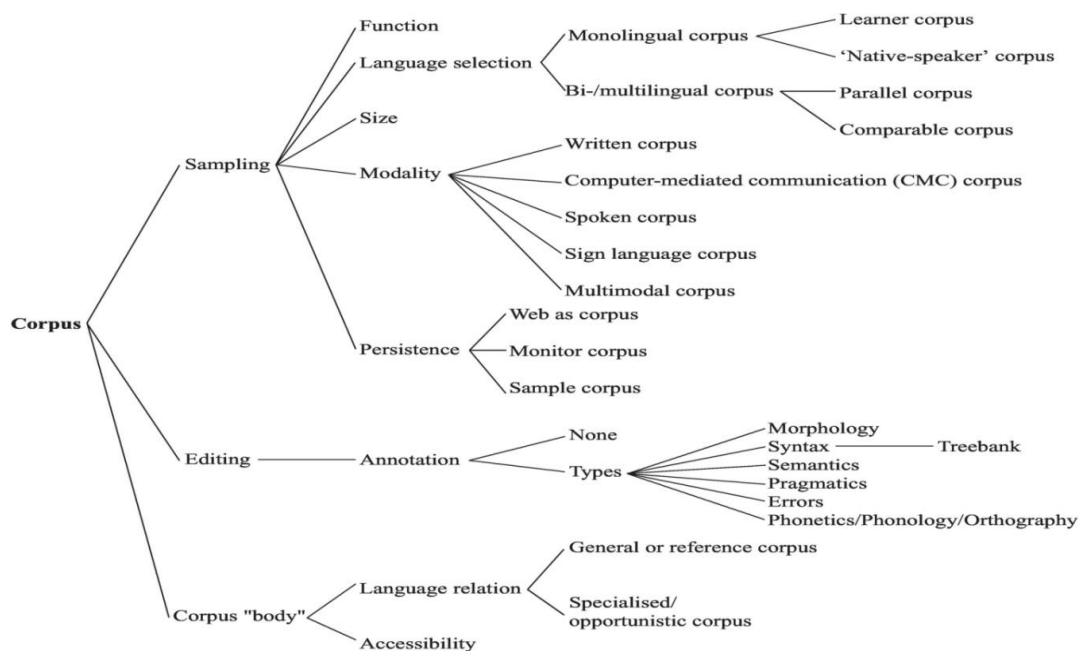

Picture 1. Corpora influence on language teaching [25].

A. Saricoban believes that interpreting requires realization of native language and target one in “both language structures and cultures exploring similarities and differences between them” [24, p.4]. “The adequacy of the translation is exhaustive accuracy in the transfer of the semantic content of the original and a full-fledged functional and stylistic correspondence to it” [20, p.88].

Interpreters should identify factors which can affect the quality of the text. “The main role of corpora is to provide the most correct examples of the use of language units...” [21, p. 361]. A corpus as a set of texts processed is applied as a basis for the study of a language (confirmation of linguistic rules in a given language; testing of statistical hypotheses; statistical analysis). We perceive the world through our senses, memories, the culture to which we belong and the language we happen to speak. So, language is considered to be a major part of our understanding of the world as it provides the interaction between persons [4]. “Culture, religion and science depend on language” [22, p. 366] and language carries them all. Therefore language is necessary premise to differentiate worlds and the barriers among languages are to be lessened through translations or interpretation.

A corpora-based approach is used to cluster short texts, since they give rise to the problem of insufficient word matching and lack of contextual information (picture 2). The feature of the corpus is a collection of texts available for translated material analysis [8, 14, 22].

Picture 2. Types of corpora linguistics (by S. Voelkel, F. Kretzschmar) [25].

THE ROLE OF CORPORA IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION

“Corpus linguistic approaches are more integrated with other methodologies used in applied linguistics. There are many ways to define a corpus. Scholars will define a corpus as a collection of machine-readable authentic texts that are selected as being representative of a particular language or variety of language” [19, p.12]. Thus, “a corpus is a set of texts, written or oral, that are stored on a computer” [3, p. 281].

Processing allows to search for any necessary information in the case. In corpora, as a rule, the markup of texts is carried out by parts of speech, this allows you to find words in specified grammatical forms and in specified structures and combinations (collocates). Special concordance programs are used to process information. They search for information in an array of texts and form a concordance — a list of all contexts in which a word or phrase occurs in the text under study. Here, for example, is a part of the concordancer for the verb crack (color markers show parts of speech in the immediate environment of the searched word) (see picture 3).

WEBSITE		SORT	SORT	SORT
151	lmsdb.com	the hell it 's made of , but ca n't	crack	is used DONALD Good . Clear it off the table so
152	bleubirdblog.com	and cheese . Pick out your favorite bottle of wine and	crack	is used Light a nice- candle- to set the mood .
153	lwantoneofthose.com	they deserve every last drop if they do finally manage to	crack	is used they do n't , aside from you crowing ,
154	hpc-uk.org	was said and got frustrated and kicked the car window ,	cracking	is used again Mother A felt the situation was made worse
155	eoshd.com	do ! With all of Adobes resources youd think theyd have	cracked	is used # Apples decision to- start afresh with FCPX on the
156	www.all.com.au	people in that position probably would have had the right to	crack	is used # " I thought , you know what ? There
157	futureofpersonalhealth.com	for good must be our next accomplishment . if we can	crack	is used its molecular code , we will have extraordinarily scalable
158	sciencemuseum.org.uk	of hydrogen and oxygen , marking the first step towards	cracking	is used its molecular structure . Each molecule consists of one oxygen
159	venturebeat.com	to be somewhat recognizably human . Characters can swear and	crack	jokes and possess active sex drives . It 's not like ,
160	techcrunch.com	around the world . Have them play DJ while you can	crack	jokes between songs . # 's most popular station Radio Mozart
161	oscarfishlover.com	like he is protecting something other than territory . i always	crack	jokes that he is " playing with himself " on the rocks
162	miaminewtimes.com	seamlessly to working as a writer . He hustled . He	cracked	jokes he loved to talk . And talk . And talk
163	pcgscolnfacts.com	# Die State III : As above , but with die	crack	just beginning at star 12 ; hairline crack extends to border ;
164	rouxbe.com	made these a few times now and the topps are always	cracked	kind of look like an oatmeal raisin cookie . What should I
165	nathanbransford.com	up . The Coldwater River . Confirming her fears , ice	cracked	loud as a pistol shot . Carter undid his seatbelt . Tori
166	grc.com	on this exponential rise , 2021 was where the cost to	crack	made it begin to be feasible for nongovernmental agencies .
167	puzzlepirates.com	is fully intact (those who lobby for overhauled graphics also	crack	me up and , as they completely miss the point that the
168	mixtape torrent.com	neva trapped a day in his life ! ! Yaw	crack	me up cause yaw 2 Lame ! ! Blow pops . / .

Picture 3. Part of the Concordancer for the Verb Crack
Source: <https://www.nottingham.ac.uk/alzsh3/acvocab/concordances.htm>

The above example is from the Corpus of Contemporary American English (COCA) (picture 4).

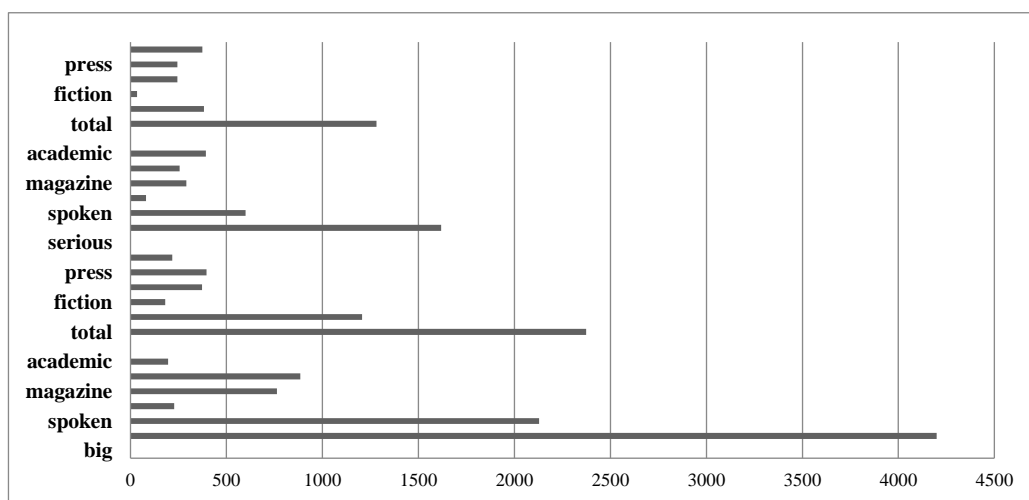
Different corpora contain various types of texts (written only, oral only, both types) and different sets of genres. COCA presents a wide range of genres.

Genre	# texts	# words	Explanation
Spoken	44,803	127,396,932	Transcripts of unscripted conversation from more than 150 different TV and radio programs (examples: All Things Considered (NPR), Newshour (PBS), Good Morning America (ABC), Oprah)
Fiction	25,992	119,505,305	Short stories and plays from literary magazines, children's magazines, popular magazines, first chapters of first edition books 1990-present, and fan fiction.
Magazines	86,292	127,352,030	Nearly 100 different magazines, with a good mix between specific domains like news, health, home and gardening, women, financial, religion, sports, etc.
Newspapers	90,243	122,958,016	Newspapers from across the US, including: USA Today, New York Times, Atlanta Journal Constitution, San Francisco Chronicle, etc. Good mix between different sections of the newspaper, such as local news, opinion, sports, financial, etc.
Academic	26,137	120,988,361	More than 200 different peer-reviewed journals. These cover the full range of academic disciplines, with a good balance among education, social sciences, history, humanities, law, medicine, philosophy/religion, science/technology, and business
Web (Genl)	88,989	129,899,427	Classified into the web genres of academic, argument, fiction, info, instruction, legal, news, personal, promotion, review web pages (by Serge Sharoff). Taken from the US portion of the GloWbE corpus.
Web (Blog)	98,748	125,496,216	Texts that were classified by Google as being blogs. Further classified into the web genres of academic, argument, fiction, info, instruction, legal, news, personal, promotion, review web pages. Taken from the US portion of the GloWbE corpus.
TV/Movies	23,975	129,293,467	Subtitles from OpenSubtitles.org, and later the TV and Movies corpora. Studies have shown that the language from these shows and movies is even more colloquial / core than the data in actual "spoken corpora".
	485,179	1,002,889,754	

Picture 4. Summary of Data on COCA
 Source: <https://www.english-corpora.org/coca/>

COCA is the balanced and large corpus of American English related to many other corpora of English. It is probably the most widely-applied corpus of English. Formerly these corpora were known as the “BYU Corpora”. They offer unparalleled comprehension into variation in English.

The frequency of collocation “adj. + problem” in the SOS case corpus is shown in the figure 1 (for adj. big, real, serious, major).

Figure 1. The collocation “adj. + problem” frequency in the SOS case corpus

Corpus instruments have enabled linguistic educators to study actual usages and the features of certain genres to enhance syllabus design and infer more effective exercises. For genres that are highly influential, corpus tools are useful.

Further analysis showed that the most frequent adjective are 'big' and 'real'. Interestingly, all four adjectives (big, real, serious, major) have different variations of translation in genres.

CONCLUSION

In the context of foreign language education high requirements for teaching practical skills of translating texts of different genres and specific terminology are put in. A new corpora-based approach is used to cluster short texts, since they give rise to the problem of insufficient word matching and lack of contextual information. Corpora impacts language teaching in different fields for its possibility to present proven evidence of the used language statistically.

Corpus-based approach to foreign language teaching has demonstrated its benefits in different research. Corpus can present various effective ways of text interpreting. Data integrated with lines of concordances allow opportunities for linguistic research.

Corpus means have contributed in detection of the various lexical features behavior.

Список литературы – References

1. *Almutairi N. D.* The Effectiveness of Corpus-Based Approach to Language Description in Creating Corpus-Based Exercises to Teach Writing Personal Statements // *English Language Teaching*. – 2016. – No. (7). Vol. 9. – P. 103.
2. *Anthony N., Zayyanu Z. M.* Achieving Correspondence and/or Equivalence in Translation, An Evaluation of the Translation Ekwensi's Burning Grass into French as La Brousseardente by Françoise Balogun // *Journal of Research in Humanities and Social Science*. – 2021. – Vol. 9, Issue. – P. 50–55.
3. *Baker M.* The role of corpora in investigating the linguistic behavior of professional translators // *International Journal of Corpus Linguistics*. – 1999. – No. 4. – P. 281–298.
4. *Biber D., Conrad S., Reppen R.* *Corpus linguistics: Investigating language structure and use*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
5. *Bouziane K.* Cultural Transfer in Advertising: A Semiotic Approach in Investigating Translated Advertisements from English to Arabic: The Case of Cosmetics // *Professional communication and translation studies. International conference*. – 7 edition. – 2011. – Available from: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html>. – (Accessed 21 February 2024).
6. *Chroma M.* The role of translation in professional communication // *The Routledge handbook of language and professional communication*. – 2014. – P. 147–164
7. *Chul-Kyu Kim.* Personal pronouns in English and Korean texts: A corpusbased study in terms of textual interaction // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – V. 41, Issue 10. – P. 2086–2099.

8. Chu Tao Zheng, Cheng Liu, Hau San Wong. Corpus-based topic diffusion for short text clustering *Neurocomputing*, 2018. V. 27531. Pp. 2444–2458 <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2017.11.019>
9. Foreign language for non-linguistic universities and faculties. Sample program / Edit. by S.G. Ter-Minasova. – Moscow, 2009. – 24 p.
10. *Gilmore A., Millar N.* The language of civil engineering research articles: A corpusbased approach // *English for Specific Purposes*. – 2018. – V. 51. – P. 1–17.
11. *Hajiyeva K.* A corpus-based lexical analysis of subject-specific university textbooks for English majors. – *Ampersand*, 2015. – V. 2. – P. 136–144
12. *Johansson S.* On the role of corpora in cross-linguistic research // *Corpora and crosslinguistic research*. – Amsterdam, 1999. – P. 3–24.
13. *Kuznetsova T.F.* Digitalization and digital culture // *Horizons of humanitarian knowledge*. – 2019. – No. 2. – P. 96-98
14. *Kyung Hye Kim* Newsworld discourses on China and their Korean translations: A corpus-based approach. // *Discourse, Context & Media*. – 2017. – Vol. 15. – P. 34–44.
15. *Lekareva V.* Historical facts about London bridges // *Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies*. – 2019. – P. 457–464.
16. *Li X.* Identifying in-demand qualifications and competences for translation curriculum renewal: a content analysis of translation job ads // *The Interpreter and Translator Trainer*. – 2022. – Vol. 16. Issue 2. V. 16. – Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1750399X.2021.2017706> – (Accessed 21 February 2024).
17. *Macroeconomics: textbook – method. Allowance.* Minsk: Ed. center of BSU, 2012. 159 p.
18. *McCarthy M.* Accessing and interpreting corpus information in the teacher education context // *Language Teaching*. S.I. Vol. 41. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 563–574.
19. *McEnery T., Xiao R., Tono Y.* *Corpus-based language studies: An advanced resource book*. – London: Routledge, 2006. – 91 p.
20. *Mikhaylova A.G.* The development of students' professional creative skills in foreign language learning // *Язык: категории G, функции, речевое действие. материалы девятой научной конференции с международным участием: в 3 частях*. – 2016. – С. 87–91.
21. *Mikhaylova A.G.* Corpus approach to theoretical and applied aspects solution of military interpretation // *Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies*. – 2020. – P. 360–365.
22. *Mikhaylova A.* Corpus approach to theoretical and applied aspects solution of military interpretation // *Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies*. – 2020. – P. 365–369.
23. *Negoescu A.* Aspects of advertising discourse // *Professional communication and translation studies. International conference*. – 7 edition. – 2011. – Available from: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html>. ____ – (Accessed 21 February 2024).
24. *Saricoban A.* Translation to Test Language Areas and Skills // *Professional communication and translation studies. International conference*. – 7 edition. – 2011. – Available from: <https://docplayer.org/60395657-Professional-communication-and-translation-studies.html>. ____ – (Accessed 21 February 2024).
25. *Voelkel S., Kretzschmar F.* *Corpus Linguistics*. In *Introducing Linguistic Research*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 133–165.

ОСНОВНАЯ РОЛЬ КОРПУСОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Михайлова А. Г.

Гуманизация высшего образования интерпретируется как начало формирования обычного общества и цифровой культуры. Её идеи, высказанные еще до реализации в цифровой экономике, изначально понимались как некая защита от технизации общества (образования в частности). В настоящее время проблема применения корпусного подхода как цифрового средства решения задач обучения иностранному языку актуальна в связи с тем, что изучение иностранного языка расширяет возможности человека в технике, армии, бизнесе, правительстве, медицине, юриспруденции, промышленности, маркетинге и т. д. Цель исследования: выявить основную роль корпусов в обучении иностранному языку. Методы исследования: анализ научных источников по теме исследования, интерпретация, систематизация, структурирование. Языковое образование как процесс познавательной деятельности направлен на саморазвитие и формирование личности. В его основе – формирование умения и готовности к участию в устном, письменном, межкультурном, виртуальном, организационном, корпоративном, научном общении с использованием в качестве средства иностранных языков. В условиях иноязычного образования предъявляются к обучению практическим навыкам перевода текстов по специальности и специальной терминологии высокие требования. Необходимо создать связь между цифровым обществом и гуманитарным образованием, которым должна быть цифровая культура. Существуют технологии, которые связаны со сложным процессом разработки рабочих программ по дисциплинам, средств, но есть и понимание культурологической деятельности по гуманизации высшего образования. Расширение потенциала корпуса по переводу текстов способствует диверсификации возможностей процессов обучения за счет цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровое общество, корпус, перевод, обучение, иностранный язык.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аржанцева Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Балаева Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и инженерных дисциплин ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург, Россия

Баранская Елена Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Бочкарев Арсентий Игоревич – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранных языков технических факультетов ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет», г. Новосибирск, Россия

Кабаньян Белла Семеновна – кандидат филологических наук доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания КубГУ, г. Краснодар, Россия

Капустина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

Колесникова Ирина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Литвинчук Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лучинская Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и славяно-русского языкознания КубГУ, г. Краснодар, Россия

Михайлова Алла Григорьевна – старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Севастопольского государственного университета, г. Севастополь, Россия

Норец Максим Вадимович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Орехова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Чабаненко Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Элькан Ольга Борисовна – доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры общественных дисциплин и истории искусств, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица», г. Санкт-Петербург, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Балаева С. В., Норец М. В, Элькан О. Б.

ДАНТЕ, ПЕТРАРКА И ЛЕОПАРДИ: ТРАДИЦИЯ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ.....3

Баранская Е. М.

КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА 1853–1856 гг.

В ЖИЗНИ И МЕМУАРАХ А. А. ФЕТА.....16

Кирчанов М. В.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

КАК ФАКТОР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИНДОНЕЗИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 1970-х – 2010-х ГОДОВ.....30

Орехов В. В.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:

ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.

ЧАСТЬ IV. ИСТОРИЗМ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА.....42

Орехова Л. А.

О ПУШКИНЕ В 1838 ГОДУ: И. И. ПАНАЕВ И Н. И. НАДЕЖДИН.....57

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Абдуллабекова У. Б.

ПЕРВЫЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА:

В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ 1920–1930-х ГОДОВ.....78

Бочкарев А. И.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

СТЕРЕОТИПНОГО ОБРАЗА ДОНАЛЬДА ТРАМПА

В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....88

Колесникова И. Е.

ДИСКУРС ВРАЖДЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫЯВЛЕНИЯ

ПРИЗЫВОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....95

<i>Литвинчук И. Н.</i> КОНЦЕПТЫ «СЕМАНТИКА» И «ПРАГМАТИКА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	103
<i>Лучинская Е. Н., Кабаньян Б. С.</i> КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «НАРОД» / «ВЛАСТЬ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ.....	113
3. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА	
<i>Ромашин М. Г.</i> ПЕРЕВОД СТАТЬИ НЕФТЕГАЗОВОЙ ТЕМАТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ПОЛНОЦЕННОСТИ ПЕРЕВОДА.....	119
<i>Чабаненко Т. С.</i> СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.....	130
4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	
<i>Первых Д. К.</i> КРЫМСКИЙ РАДИОЭФИР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	142
<i>Субботина О. А.</i> ОСМЫСЛЕНИЕ ПРАЗДНИКОВ В РОССИЙСКИХ СМИ: МЕДИАКОНСТРУИРОВАНИЕ ПОЗИЦИИ ОБЩЕСТВА.....	154
5. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	
<i>Аржанцева Т. В., Капустина С. В.</i> ТЕХНОЛОГИЯ «МЕДЛЕННОГО ЧТЕНИЯ» РУССКОЙ КЛАССИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ.....	170
<i>Mikhaylova A. G.</i> THE ROLE OF CORPORA IN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION	185
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	193